

Николай Романов

ВРАГУ НЕ ДАВАЛИ ПОКОЯ

ББК 63.3(4Укр-4Луг)624 ?????
Р69

Романов М.

Р69 Ворогу не давали спокою

Краєзнавче видання. - Донецьк: Руденко С. А.,
2005. - 176 с.

ISBN ~~966-8842-0~~????????????????? 966-88-42-11-5

Під час окупації Донбасу в тилу ворога діяли підпільні групи і партизанські загони. Ризикуючи життям, підпільники і партизани шкодили ворогу, не давали йому спокою.

Про народних месників, які діяли в околицях Красного Луча, розповідається в цій книзі.

Вона буде цікава і широкому колу читачів, і дослідникам.

Романов Н.

Р 69 Врагу не давали покоя

Краеведческое издание. - Донецк: Руденко С. А.,
2005. - 176 с.

ISBN ~~966-8842-0~~ 966-88-42-11-5

Во время оккупации Донбасса в тылу врага действовали подпольные группы и партизанские отряды. Рискую жизнью, подпольщики и партизаны вредили врагу, не давали ему покоя.

О народных мстителях, действовавших в окрестностях Красного Луча, рассказывается в этой книге.

Она будет интересна и широкому кругу читателей, и исследователям.

ISBN ~~966-8842-0~~ 966-88-42-11-5

© Романов М., 2005

МАТЬ ПАРТИЗАН

Анна Яковлевна Олейникова:

— Нельзя прощать фашистов и их прихвостней-полицаев. Они убили мою дочь Варю, они убили моего сына Колю, они угнали в Германию мою дочь Марусю. Они издевались надо мной в тюрьме. Они разрушили нашу хату.

Оккупант — враг. Оккупант должен быть уничтожен.

ЧЛЕНЫ ИВАНОВСКОГО

**Абинякин
Георгий Тимофеевич**

**Безгинский
Владимир Акимович**

**Бобров
Григорий Иванович**

**Брагин
Василий Никитович**

ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

**Бурлака
Анастасия Пантелеевна**

**Быкодоров
Владимир Иванович**

**Григоренко
Игорь Петрович**

**Гуленко
Евдокия Прохоровна**

**Езолко
Евдокия Гордеевна**

**Есина
Лидия Петровна**

**Жерздев
Виктор Николаевич**

**Жукова
Юлия Федоровна**

**Загорская
Мария Андреевна**

**Киреев
Дмитрий Федосеевич**

**Ковалева
Ольга Яковлевна**

**Лебедь
Михаил Калинович**

**Лютая
Валентина Васильевна**

**Мезеря
Андрей Георгиевич**

**Мезеря
Надежда Кузьминична**

**Олейников
Николай Антонович**

**Олейникова
Анна Антоновна**

**Олейникова
Варвара Антоновна**

**Пацюк
Иван Васильевич**

**Приз
Николай Андреевич**

**Романенко
Виктор Семенович**

**Сычев
Леонид Григорьевич**

**Топчиенко
Павел Акимович**

**Шеховцова
Мария Петровна**

МСТИТЕЛИ

В память о товарищах

— Посажу дерево, — сказал Виктор Николаевич. — Дерево — лучший памятник.

Посадил. Стройный тополек гнулся под порывами осеннего ветра. Сын помогал: вместе выкопали яму, вместе засыпали корни. Полили. Отошли в сторону, чтобы полюбоваться от души выполненной работой.

— Зачем это, в балку ехать тополь сажать? — удивлялись соседи. — Посади возле дома. В лесу и так деревьев хватает.

Но не просто в балку вез тополь Виктор Николаевич. Вез он его в партизанский лес, где погибли его товарищи.

Вслед за Жерздевым свои деревья посадили оставшиеся в живых партизаны Юлия Федоровна Жукова, Владимир Иванович Быкодоров, Павел Акимович Топчиенко. Привезли в партизанский лес деревья родственники погибших, создатели Мемориала — директор предприятия электрических сетей «Донбассэнерго» Геннадий Викторович Турчин, учителя Мария Германовна Никифорова, Жанна Александровна Соловьева и их воспитанники — члены клуба «Подвиг».

Эти деревья образовали Аллею. Аллея Памяти стала составной частью мемориального комплекса партизанской славы, созданного на месте гибели партизанского отряда.

На фронт не взяли

В сорок первом В. Н. Жерздеву исполнилось семнадцать. После семилетки успел поработать токарем на заводе, художественным руководителем в районном клубе. Как ни просился на фронт, не взяли. 9 июля 1942 г. ему, наконец, вручили повестку. В Ивановской больнице хорошо знали артиста, дали на провода спирта, кое-что из продуктов.

Вечером собрались друзья, чтобы пожелать ему бесстрашно бить фашистов и вернуться с победой. В самый разгар пришла Лида Есина.

Виктор знал девушку из райкома партии.

— Тебя вызывает секретарь райкома, — сказала она.

«Неспроста это», — подумал он.

Секретарь райкома партии время на разговоры не тратил. О Викторе Жерздеве знал все и потому сразу заговорил о деле:

— Райком комсомола рекомендует тебя в партизанский отряд. Мы тебе верим. Как на это смотришь?

— За доверие спасибо. Постараюсь оправдать.

Хотелось, конечно, на фронт, бить фашистов. Но рекомендацию райкома воспринял как приказ. Здесь же принял присягу, написал клятву. А что не положено знать рядовому бойцу, то ему и не нужно. Виктор не догадывался даже, что в гулянке, посвященной его проводам в армию, участвует еще один партизан. Его лучший друг Георгий Абинякин. Жора работал физруком в школе. Он уже успел побывать в боях, ранен в голову под Севастополем. После госпиталя ехал домой, но Днепропетровская область оказалась уже оккупированной. Вот он и задержался на денек в Ивановке, да так и остался. Устроился в школу. А жить определился вместе с Жерздевым в клубе.

Теперь, когда фронт не сегодня-завтра отодвинется на восток, ему предложили остаться в тылу врага для партизанской борьбы. Возможно, это Жора порекомендовал Виктора в партизаны. А может, и без него заметили в райкоме, как семнадцатилетний участник самодеятельности, став художественным руководителем, сколотил хороший агитколлектив, который обслуживал госпитали, воинские части.

Все оформили в райкоме, говорят:

— Возьми вот два документа. Этот, что на батисте, зашей прямо сейчас в пиджак. Лида покажет, как это лучше сделать. Эта справка пригодится тебе после войны или тогда, когда придется переходить линию фронта к нашим. А эта, возможно, потребуется до прихода немцев, при отступлении наших частей. Понятно?

— Понятно.

— Можешь идти, пусть провожают, но никому ни слова. А завтра обратишься к начальнику Ивановского истребительного батальона.

Утром проводили Жерздева до военкомата, а через несколько часов он вернулся домой.

— До особого распоряжения оставили в истребительном батальоне, — сказал он.

Три группы

Быкодоров В. И.:

— В ноябре 1941 г., когда фронт приблизился к территории Ивановского района, был создан партизанский отряд. А когда фронт стабилизировался по Миусу, партизанский отряд преобразовали в истребительный батальон.

11 июля 1942 г. сформирован партизанский отряд в 72 человека. Командиром был я. Комиссаром — Киреев, а затем Н. А. Приз. Отряд состоял из трех групп и базировался в трех местах. Командир первой группы — Пацюк И. В., политрук — Лебедь М. К. Ее база — в урочище Зеленый Гай. Вторая группа. Командир Лукьянов И. Ф., политрук Приз Н. А. База — в урочище Мечетная в балке Тамара (недалеко от шахты № 152). Третья группа. Командир Овсянников, политрук М. К. Черный. Должна была находиться совместно с группой № 2.

Все хозяйственные и организационные вопросы проводились под непосредственным руководством первого секретаря райкома партии Куликова В. Г. и начальника НКВД Ямпольского Б. П. В его состав включили 38 человек: 30 мужчин и 8 женщин. Определили район действия: Ивановка — Красный Луч. Места дислокации отряда — в районе магистральной грунтовой дороги Ворошиловград — Красный Луч и железной дороги Дебальцево — Зверево с прилегающими станциями: Штеровка, Петровеньки, Колпаково.

Отряд разбили на три группы, потому что при прохождении передовых войск немецкой армии всякое могло случиться. Погибнет одна группа, остальные смогут действовать. Если только одной удастся сохранить боеспособность, на ее базе можно сформировать отряд заново. Главное — зацепиться.

Окончательно партизанский отряд был сформирован 12 июля 1942 г. Из Ивановки выехали в 3 часа, не имея заранее подготовленной базы, продуктов питания, вооружения. Группы 2 и 3 на оккупированной территории оказались раньше.

Все было сосредоточено в группе № 1, при которой находился начальник штаба отряда Я. С. Лощенко. Партизанский отряд имел на вооружении винтовки, один автомат и один пулемет системы Дегтярева. Гранат 80 штук с 42 запалами. Взрывчатых веществ, других видов вооружения отряд не имел. Их предстояло добыть у немцев.

Быкодоров Владимир Иванович

Родился в станице Вешенская Ростовской области. В 1925 г. вступил в комсомол. Был секретарем комсомольской ячейки. Позднее его избрали членом бюро райкома комсомола. Работал секретарем сельсовета. По окончании Киевского военно-инженерного училища ему присвоили звание старшего лейтенанта. Уволившись из армии в запас по болезни, приехал в Ивановку. С 1938 г. работал бухгалтером Ивановского района. С первых дней войны Краснолучский военком назначил начальником штаба МПВО (гражданская оборона) и одновременно командиром Ивановского истребительного батальона. На базе его и создан Ивановский партизанский отряд.

Поиск

Список комсомольцев, оставленных Ивановским райкомом для подпольной работы

Абинякин Георгий.
Борженко Александр. Рабочий завода № 59.
Езолко Евдокия.
Есина Лидия Петровна.
Жерздев Виктор.
Загорская Мария Андреевна.
Ковалева Ольга Яковлевна.
Лютая Валентина Васильевна, бухгалтер.
Олейников Николай Антонович.
Олейникова Анна Антоновна, работница завода № 59.
Сычев Леонид Георгиевич.
Топчиенко Павел Акимович.
Филина Мария Никифоровна. Работница завода № 59.
Шеховцова Мария Петровна.
Луганский областной архив

Список подпольщиков, оставленных Краснолучским горкомом партии

Петрыкин Филипп Андреевич.
Власов Николай Изотович, зав. артелью «Коммунар».
Шепелев Василий Мефодиевич, управляющий станции Штергрэс.
Вахначев Алексей Митрофанович, заведующий угольным отделом горкома партии.

Фоменко Клавдия Венедиктовна, заведующая городской библиотекой.

Костыря Григорий Никитович, парторг шахты.

Носко Анатолий Максимович, электрослесарь ш. № 17.

Раевский Дмитрий Степанович, заведующий «Заготзерно».

По Ивановскому району

Приз Николай Андреевич, зав. отделом пропаганды и агитации Ивановского РК КПУ.

Овсянников Карп Нестерович, директор Ивановской мельницы.

Быкодоров Владимир Иванович, главбух районо.

Чмыхало Никита Андреевич.

Яровая Василиса Дорофеевна, вахтер завода № 59.

Луганский областной архив.

Решение Краснолучского бюро горкома комсомола

Утвердить подпольный горком комсомола для работы в тылу врага в следующем составе:

Ященко Тимофей Макарович. Секретарь горкома комсомола.

Колесникова Екатерина Сергеевна. Второй секретарь горкома комсомола.

Бжелек Валентина Алексеевна.

Бурлаков Василий Васильевич.

Голопузов Виктор Михайлович.

Гречко Сергей Иванович.

Емельченко Зоя Васильевна.

Ештокин Иван Федорович.

Колесникова Надежда Сергеевна.

Мироненко Юрий Александрович.

Передерий Валерий Васильевич. Зав. клубом.

Подгорный Александр Федорович.

Ульянова Дора Ивановна.

Краснолучская городская комсомольская организация

Корнюшкин Алексей Григорьевич. Секретарь горкома комсомола.

Базильская Мария Гавриловна.

Бежена Вера Егоровна.

Королькова Людмила Тимофеевна.

Кривицкая Антонина Сергеевна.
Никонова Мария Яковлевна. Одиночка-подпольщица.
Сухов Григорий Ефимович. Одиночка-подпольщик.

Рекомендовать для работы в партизанском отряде:

Кравченко Александр Иванович.
Несмех Георгий Сидорович.
Ременников Валентин Леонтьевич.
Степанец Вера Андреевна.
Трофимов Петр Никитович.
Чернышев Василий Антонович.

Луганский областной архив.

Старые партизаны

Ивликов Арсентий Матвеевич, член ВКП (б), до оккупации был заместителем парторга шахты им. «Известий». Краснолучский горком партии оставил его для работы в тылу врага в составе партизанского отряда Раевского.

В первые дни оккупации отряд боевых действий не начал. Поэтому Арсентий Матвеевич вступил в борьбу с оккупантами вдвоем со своим старым товарищем по борьбе с белогвардейскими бандами Кирюхиным Кириллом Спиридоновичем. Из оружия у них были только револьверы и несколько гранат. Решили добыть оружие. Старые партизаны знали, что надо делать.

В первый день прихода немцы арестовали по подозрению в связи с партизанами механика хлебозавода Макущенко Андрея.

Рабочего шахты № 162 Чернобrivца взяли на квартире и немедленно расстреляли как партизана. В квартиру Ивликова бросили несколько гранат, так как там по предположению немцев находился партизанский отряд.

Когда ответных выстрелов не последовало, солдаты ворвались в дом и разграбили квартиру. Взорвали печку, искали оружие. Оружие не нашли, но забрали советские знамена и зимние вещи Ивликова.

Жутко и страшно

В составе Ивановского партизанского отряда был Топчиенко П. А. Он родился в Кировоградской области. В 30-е годы жил и работал в г. Петровское, Ивановке. В борьбу с фашистами вступил в первые дни войны. 13 сентября 1941 г. серьезно ранен в голову. После лечения в госпитале возвратился в Ивановку, его комиссовали (раздроблен слуховой аппарат, нет уха).

— Ну, руки цили, ноги цили, був комсомолэц, пишов в райком комсомола, — вспоминает Павел Акимович. — Секретарь райкома Николай Олейников предложил работать секретарем территориальной комсомольской организации. Когда з Фашевки стал срываться фронт, райком организовал комсомольскую группу. Я прямо нэ знаю, нэ мог отказаться от этого, хоч и рана у мэнэ була ще нэ сыльно шоб зажита. То открывалась, то закрывалась. Раз идэ вэсь райком — дивчата, хлопци — вси пишлы под руководством Быкодорова в балку Мэчетную. Утром рано-рано, шоб нихто нэ бачив и нэ чув.

Жерздев В. Н.:

— 12 июля в третьем часу утра на трех подводах мы выехали из Ивановки... я людей видел всех, движения были в этом истребительном батальоне. Но я не знал, что они партизаны. Думал, что это бойцы истребительного батальона. Думал, я один такой... нас потом выделяют партизан.

Мы направились в сторону завода имени Петровского. Выехали за кладбище. Встретилась большая колонна отступавших бойцов. Они помогали лошадям, тянули пушки. Замученные все бойцы. Посмотрел я, и как-то жутко стало. Жутко и страшно. Армия такая отступает, а нас горстка в тыл идет.

Едем, и я думаю: куда же мы едем? Никто не говорит, никто не спрашивает. Все едут молча.

На сорок пятом километре железной дороги свернули на переезд и — на Тамару.

Одна подвода от нас отделилась. Это была вторая группа. Она должна существовать отдельно в районе сто пятьдесят второй шахты.

Основная группа — в балке Тамара. Штаб там же. Только стали разгружаться, и вторая группа к нам вернулась.

— В чем дело? — спрашивает командир.

— В лесу перестрелка, — отвечает Гнунтенко. — Снаряды рвутся в том месте, где должна быть наша стоянка. Свис-

тят пули по лесу. Мы не можем туда уже добраться, мы решили к вам.

— Разгружайтесь.

Разгрузили подводы с боеприпасами, с продовольствием. Был мешок муки, крупы перловой мешок, мешок сахара, бочка солонины и все... Оружие — польские карабины, ручной пулемет Дегтярева. Ну, револьверы, пистолеты. У Киреева был парабеллум, я почему-то считал и слышал, что он комиссаром был.

Разгрузились и отправили подводы.

Марии Загорской и Олейниковой поручили варить завтрак. Остальных послали выбирать место, чтобы оружие прибрать.

Меня и бойца по фамилии Комфидерат направили в дозор. Мы пошли. Неподалеку от леса стояли сараи скотные. Прошли к сараям. Там оказались красноармейцы. У них телефон и ручной пулемет. Они, видимо, догадывались или знали, что мы здесь оставлены как партизаны. Спрашивают:

— Вы поможете нам? Немцы за поселком Тамара.

— Нет, — говорю, — у нас другая цель, вы сами сдерживайте.

Слышна перестрелка, мы никого не видим, а за Тамарой где-то стреляют.

— Вернись, доложи командиру отряда, — говорит Комфидерат, — а я пойду дальше, выясню причину.

Ну и как пошел Комфидерат, больше не вернулся.

Посылает меня командир отряда встретить подводы с питанием. Пошел. Выскочил заяц. Я бегу по дороге, и он бежит. С полкилометра бежали. Бежит и бежит. Думаю, сколько будешь ты бежать? Снимаю карабин, выстрелил. Под лапами пыль у него. Он подпрыгнул, в сторону и ушел.

Красноармейцы предупредили:

— Не подходи, заминировано.

Уже стояло проволочное заграждение.

— Подводы с продовольствием приезжали?

— Были, — говорят, — подводы, но они опоздали, мы уже заминировали, и они не могут проехать. Мы вот последние уходим. Так что уходи. Можешь не успеть.

Подхожу к месту расположения отряда, вижу, кто-то бежит. Глянул в бинокль — фашист вооруженный. Я из карабина выстрелил. Он метра два, может быть, еще пробежал и упал. Я тикать. Только в кусты забежал, смотрю, от Тамары идет

цепь немецких автоматчиков. Я нашел командира отряда, докладываю:

— Немцы идут, — не стал даже рассказывать, что с подводами. Думаю, что сейчас это не важно. — Немцы идут со стороны Тамары.

Немцы леса боялись, как огня. А тогда так уверенно шли. Мне почему-то кажется, что Комфидерат этот был засланный немецкий разведчик в отряде, и он привел немцев сюда. Лес большой, но именно сюда, где мы находились, шли автоматчики.

Все кинулись по лесу в сторону горы Мечетной. К вершине леса. Похватили свою одежду, а моя фуфайка осталась. Прибежал, схватил фуфайку, отстал от всех. Они были уже далеко, может, метров 150, может, больше... бегом, запыхался. Хорошо, что я под бугром уже был. От станции Штеровка как дала катюша! Видно, парни возле сараев корректировщиками были.

Начали снаряды рваться метрах в десяти от меня. Выше, правда, на бугру. Если бы лежал на одном уровне, то... Я накрылся фуфайкой и дрожал так, как никогда не дрожал. Ох, как меня трусило...

Снаряды перестали разрываться, я лежу и думаю: «Живой я или нет? Раз думаю, значит, живой. А могу ли встать? Ноги есть или нет?»

Подвигал ногами — есть ноги. Поднялся. Ужас попасть под такое оружие. Мне кажется, что немцев оно не задело. В другую сторону ударило. Поднялся я, лес горит, вонь, гарь... Люди наши видели, куда я попал, и считали, что меня нет в живых. Как же удивились, когда догнал их.

Отстреляла катюша, все тихо. Прошел первый страх, надо возвращаться к своему пристанищу — подвалу, в котором зимой хранили улья. Оружие там лежит, не спрятано еще. Тропка шла вниз, и мы за тропкой все сложили. Ну, за кустами не видно, и немцы там не прошли, или не увидели.

Вдруг опять тревога — немцы идут по лесу, как облава. Мы залегли. Если бы заметили раньше, мы бы ушли. Нам бой не интересный. Нам даже не было такого задания, чтобы мы бой принимали. Мы должны остаться. И почему на три группы нас разбили... думали, хотя бы одна группа уцелела. Одна если уцелеет, и она создаст костяк отряда.

Подошли немцы ближе. С краю, слева был офицер. Кире-

ев прицелился из парабеллума, хотел выстрелить. Кто-то рядом стоял, сбил руку...

— Что ты делаешь!

— Ну как, — говорит, — для счета... Будет немецкий офицер на счету.

— Немецкий офицер будет на счету, а нас не будет...

— На каком мы счету останемся, ты подумал об этом? Они сейчас развернутся, их сто пятьдесят человек, а нас четырнадцать было, один ушел, осталось тринадцать, и какое у нас оружие?... Армия не держит, а мы... бой примем... Да нас же враз оцепят и все нам... кончилась партизанская жизнь.

Все успокоилось. Они прошли мимо нас метрах в двадцати. Спрятали оружие, создали вид, что мы вроде беженцы... Вдруг на нас налетят, скажем, что просто прячемся от советской власти, ждем, пока отступят части Красной Армии, и мы потом вернемся домой. Такая у нас была легенда.

Прошел день, наступает ночь. Вечером одиннадцатого, может, кто ужинал, а в истребительном батальоне никто ничего не ел. Есть захотелось... Ночь наступает, немцы вокруг леса песни поют. Ходят к речке, воду берут. Я сам лазил с ведрами. Воды хотели, а немцы шныряют по лесу, не боятся. Это просто удивительно, почему они не боялись ходить так по лесу. А вообще-то боялись... В жисть ты его не загонишь. А тут шныряют.

Вечером есть захотелось, есть нечего. Вещмешок мой с сухарями где-то, каша сваренная была уже готова, соли не было, но мясо соленое. Ведро каши. Тут же тревога была, все ушли в глубь леса, а каша осталась. Предлагаю командиру отряда:

— Владимир Иванович, давайте я схожу, принесу ведро. Подумал, потом говорит:

— Иди, только осторожно. Смотри, может, засада где.

Я пошел. Ведро было метрах в восьмидесяти от нас, не дальше, а может быть, 70 даже метров от того места, где мы располагались. Я пошел. Конечно, крался, чтобы не слышно было. Кусты сильно густые. И трещит лес. Сушняк там. Как будто и коз нет у людей. Балка густая. Наверное, ее потому и выбрали для нашего отряда, что густая. Подошел я к ведру, подполз, только за ручку взялся за ведро, — спичкой чиркнули. Закурили и по-немецки заговорили. Душа обомлела. Бросил то ведро, думаю, провались ты пропадом... Ну, рядом... не больше трех метров. Вернулся... Полз, конечно, долго оттуда. Сча-

стье то, что ветер был в нашу сторону, и им не слышно было никаких шорохов.

Посидели, посидели, а голод свое берет. Больше суток уже люди не ели... Прошло с полчаса, с час, я опять предлагаю:

— Владимир Иванович, наверное, я еще рискну, можно?

— Давай.

Пополз я опять туда. Дополз, взял ведро, на локтях, только животом чуть помогаю, как червяк тот. Перегнусь, ведро приподниму, подтянусь, опять ведро переставлю. Ну, в общем, принес ведро. Для меня этот путь вечностью показался. Но принес все-таки. Принес.

У нас хлеба не было. Когда выезжали, у меня был вещмешок с сухарями. Мать засушила. Говорю командиру:

— Владимир Иванович, можно взять с собой?

— Зачем, у нас все будет, у нас питание будет, все, как в армии. Ничего не надо.

Ну а мне некуда было его деть, и я захватил с собой мешок этот.

Пополз я среди дня, вещмешок свой притянул с сухарями... Владимир Иванович глянул на него и власть наложил. Вначале по три сухаря раздали, потом по два, потом по одному, потом начали на двоих делить. Потом ничего не осталось.

А неделю дождь льет. Немцев близко мы больше не видели. Слышим, ходят, поют, на гармошке губной играют за лесом, а близко к нам не подходили.

Сухари кончились, полез опять. Почему везде я, да я... молодой был. Все пожилые, а мне 17 лет. Девчат послать, тоже молодежь, Есина была и Ольга Ковалева.

Послали, принес сахар. Мука есть, ну зачем она нам? Начали сахар есть. В кружку насыпал, съел, водой запил. Несколько дней питались одним сахаром.

На сахаре жили в дождь, потом прояснилось, солнце вышло. Как-то радостней. Может быть, и немцы не ходили по лесу потому, что лес сырой был. Мокро, не хотели мокнуть. Сушиться тоже негде было.

Принесли муки, намесили в ведре муки с сахаром. В кустах нашли бутылку, на камне раскатали вроде блинов тоненьких и развесили их по деревьям. А тут немецкая авиация летела, пришлось поснимать, иначе... летят они на бреющем, над лесом, не выше. Там все видать. Мы думаем, заметят, по ра-

ции передадут, что это там за белые платки сушатся. Мука хорошая, белая. Стали есть, куда там — оно сладкое... сахар легче есть, чем муку с сахаром замешанную. Если бы с солью...

Разведка

Быкодоров В. И.:

— По истечении 12 дней укрытия я решил, что следует попытаться соединиться всем трем группам.

22 июля представилась возможность пустить в разведку Есину Лидию и Жерздева Виктора.

Жерздев В. Н.:

— Владимир Иванович посылает меня в разведку на шахту № 21. Узнать, как враги ведут себя, как обращаются с населением, где располагаются части.

— Я же никого там не знаю, — говорю ему. — Я могу там только попасться. Как я к чужим людям пойду? Вдруг только пойду и провалюсь... Вы не будете и знать, где и что. Давайте я пойду домой, в Петровское. Все-таки родные, друзья, знаю, к кому обратиться, всех знаю, кто, что. А потом одному как-то подозрительно. Мы же беженцы. Пусть мы и будем беженцами. Дайте мне Лиду Есину...

Из письма Пучковой Александры Дмитриевны:

— С Лидой Есиной училась в 8 – 10 классах. Жили по соседству. Серьезная, собранная девушка. Она училась отлично. Имела свое мнение по любому вопросу. Мы любили ее. Она помогала отстающим. Особенно по математике. Занималась в самодеятельности, хорошо выступала в драматическом кружке. Наверное, влияние отца. Он был завклубом. Решительная, упрямая в достижении цели. Конечно, благородной.

Жерздев В. Н.:

— Командир разрешил. Взяли мы с Лидой вещмешки, носки в них положили, одежду исподнюю, что у нас было, мы в вещмешки набрали, нацепили на себя и вышли. И еще один с нами, дядя Костя. Он провожал. Вышли мы на противоположную сторону, в направлении станции Штеровка. Осмотрелись и договорились: я иду впереди, через 150 метров идет Лида за мной, через 150 метров идет дядя Костя. Он уже опытный был, пожилой мужчина. Мы еще не соображали, что такое провожать и как провожать. Он говорит:

— Это делается для того, чтобы если вдруг ты попадешься, другой увидит это, и по цепи передаст. Мы будем знать, что на засаду нарвались.

Я впереди. Прошел в конец леса. Подошла и Лида. Осмотрелся, никого нет. Уже начались сумерки. Попрощались, ну кто знает, вернемся или не вернемся.

Из протокола допроса предателя Чапкина Г. Н.:

— Я работал начальником энергоуправления треста «Донбассантрацит». В июле 1942 г. Красный Луч был оккупирован. Я остался. 24 июля поступил на службу к немцам. В то время Петр Голофаев работал переводчиком в фельдкомендатуре. Он же начал выявлять партизан. Создал группу «Зондеркоманда Петер». Ему присвоено имя Петер.

Жерздев В. Н.:

— Первая разведка. Куда мы идем, и сами не знаем. Что нас ожидает, тоже не знали. Грязь, маленькая кукурузка росла, мы по ней до путей, может, метров триста от леса, рачки лезли. Добрались до путей, луна вышла. Думаю, вот проклятая, светит она нам. Поднимется еще выше, мешать будет.

Дошли до путей. Как глянули, — железная дорога светится, как будто кто в нее электрические лампочки вставил, так освещает луна. Слышим игру на гармошке... На губной. На Мечетном кургане и в районе железнодорожной будки сорок пятого километра. Кругом враги. Как же нам перескочить?

А задание — утром доложить обстановку.

Выскочили на насыпь, через пути пробежали в посадку, отдышались, прислушались, никого нет, никто нас не преследует, пошли вперед. Наткнулись на окопы. Немцы нас не заметили. Обошли их, двинулись вперед.

Прошли метров сто, слышим, летит самолет. Наш — рокот кукурузника. Обрадовались: наши где-то недалеко. У нас и цель была узнать, где наша армия, где что... Первая разведка. Значит, наши где-то близко, кукурузник далеко не залетит. И только отошли метров двести от этих окопов, летчик сбросил, хотелось даже выругаться, осветительную ракету на парашюте. Нам надо идти, а она висит. Сколько она светит? Может, пять минут, а мне кажется, вечность. Самолет ушел в сторону станции Петровеньки, мы его больше не видели. Осветил, наверное, для того, чтобы сфотографировать. Ну а нам только вред от его ракеты. Мы лежим, это вечность для нас. Когда ракета потухла, пошли дальше. Ракета ослепила, после нее

ничего не видно. Прошли несколько метров, натыкаемся на человека. Мы в пшеницу упали, и он упал. Лежу и думаю: он может лежать и до утра, а утром нас подымет, а мы-то что от этого выиграем? Сейчас мы можем врассыпную. Вдруг он стрелять начнет, кто-то один уйдет.

Лежали минут пять. Я на ухо шепнул Есиной:

— Давай подниматься. А окликнет или стрелять начнет, врозь будем бежать.

Но я ей, пожалуй, не сказал, просто губами притронулся к уху. Поднялись мы, пошли по-над высоковольтной линией, там тропка была пробита. На Мечетный курган ходили, на Красный Луч. Перешли грейдерную дорогу... А он остался и не поднялся, а мы тихо, на цыпочках ушли оттуда, и дай боже ноги, думаем, лежишь, лежи. У грейдерной дороги лежат два кабеля. Толстые. В одном месте на муфте соединенные, как их разъединять, мы не знали.

— Давай перережем, — предложила Лида.

— Мы-то обрежем, а нам же надо сюда вернуться, а откуда мы знаем, как они поступят? Не найдут ли нас с собакой? Может, и уйти не успеем, и нас тут же с кабелем прихватят.

Когда подходили к Петровскому, услышали тарактение мотоциклов. Мы засели в кукурузе, переждали, пока проехали немцы.

Говорю Лиде:

— У меня в доме могут быть немцы. И если я зайду в дом, могут схватить, а если ты зайдешь, на тебя не обратят внимания. Потому пойдешь первой.

Согласилась. Подошли к дому, я жил в бараке, вторая дверь налево, у нас там двадцать квартир, я ей сказал:

— Заходи в барак, пощупай. Одну дверь пропускай, найдешь другую дверь, стучись смело.

Только подошли к барaku, из-за сарая немец идет. Пошел к следующему барaku. И Лида сказала:

— Не пойду.

— Ну что ты, мы же договорились, Лида.

— Не пойду и все. Не пойду, боюсь.

Уже рассвет скоро, ну как же можно... Уговаривал, уговаривал, она ни в какую.

— Ладно, пошли, — заходим мы в коридор, пускаю Лиду первой к двери. — Будешь отзываться.

А мать, как все равно ждала меня. Наверное, за крючок рукой держалась. Только Лида стукнула, она ничего не спросила... ничего... мать... Она сразу же открыла дверь, ее пропустила, я шел сзади Есиной, и меня хват...

— Витя, ты?

— Я, мам, тише. Немцев нет?

— Нет.

Заходим грязные — по грязи же ползали.

— На кого вы похожие!

— Молчи, мам. Что здесь делается?

Ну, она рассказала:

— Вчера убили женщину. Вышла вечером, мать ее больная в летней кухне лежала. Вышла к ней, и часовой ее убил. Приказ с десяти вечера, кто выходит — всех стрелять. Как же вы пробрались?

— Мы видели часового, но пробрались. Ты рассказывай нам.

— Да вы не спешите.

— Нет, мам, нам некогда.

— Что такое, куда ты спешишь?

— Я тебе не скажу, но мне некогда.

Мать в слезы, какой там некогда. Чего там.

— Нам надо быстро вернуться назад.

— Поешьте.

— Нам не надо есть, ты нам дай с собой, мы голодные. В мешок наложи. Есть у нас что-нибудь? Наложу хлеба, что есть дай. Мы должны к утру вернуться. Я недалеко здесь, я приду еще. Сейчас не могу, где, что — не скажу.

— Никуда вы не пойдете сейчас. Ночью вас побьют. Днем ход свободный, можете ходить. Никто никого. Спрашивают документы. Наши советские действуют документы. Можете идти, если паспорт есть.

Мой паспорт в райкоме партии. У всех документы отобрали. И даже справки те, когда прошел фронт, нам команда была, порвали. Только были в воротничках зашиты багистовые справки с печатями райкома. На всякий случай, если своим попадемся, чтобы не расстреляли.

— Ладно, утром пойдем.

Немножко отдохнули. Мать нас передела, легли. Вместе

на одну кровать с Лидой. Передремали, а может, и не дремали, не помню, в общем, лежали на кровати. Перележали, утром договорились опять, что она идет первая, а я за ней иду через километр. Ну и пошли мы.

Ко мне мать пристала:

— Я пойду с тобой и все.

— Куда ты пойдешь, тебе нельзя.

Я не советовался, можно ей, нельзя. Думал, я же присягу дал, клятву никому нигде ничего не говорить.

— Нет, я пойду. Я хочу знать, где ты будешь. Я чувствую, где ты. Но я буду знать. Если тебя убьют, так я, хоть найду да похороню.

Можно ли отказать матери! И присяга вся лопнула моя. Лида пошла впереди, мы за ней. По пути перерезали тот кабель, вырезали полкилометра кабеля. Тянули его, тянули по посадке, пока никто не видел, потом бросили.

Есина Лидия Васильевна

Родилась 11 июля 1924 г. в семье рабочего шахты 10/10-бис.

В 1931 г. поступила в школу № 8 в поселке шахты. Успешно окончила ее. Лида была скромной, серьезной, требовательной к себе и товарищам. Вместе с подругой Ольгой Ковалевой они проводили все свободное время. Очень любила театр и с удовольствием занималась в драматическом кружке шахтного клуба.

Трудилась техническим секретарем в Ивановском райкоме комсомола. Здесь она вступила в ряды партии коммунистов. Для вступления в партию ей дали рекомендацию товарищи Шевченко и Тюрихов.

Когда захватчики оккупировали район, вместе с Ольгой Ковалевой, сказав дома, что эвакуируются, ушли в партизанский отряд. Лишь позже от связного Лени Сычева мать Лиды узнала правду.

На квартире Есиных несколько раз проводили обыски, но ничего не находили. Мать Лиды Прасковью Ивановну Есину вместе с сыном арестовали и отправили в концлагерь. Больше она никогда не видела свою дочь.

Лидия Васильевна Есина погибла в партизанском лесу во время последнего боя отряда.

В Красном Луче

Ивликов А. М.:

— 26 июля Кирюхин убил немца между Дворцом культуры и ш. 162. Взял у него автомат. Второй автомат мы взяли у немца-мотоциклиста, которого убили в балке, когда направлялись в Зеленый Гай.

Теперь, имея два автомата и гранаты, решили действовать смелее. Приготовили взрыв моста. Мы умели обращаться с минами, а на полях их было много.

Суденко Лена:

— Отца моего немцы расстреляли за то, что он член партии. Кругом царил террор и издевательства. Молодежь забирали в Германию. Немцы и их прислужники проводили агитацию, чтобы мы ехали в Германию. Но мы знали, что это рабство.

Часто читали листовки. В них говорилось: спасайтесь от Германии, там вечная неволя и рабство. Матери! Сохраните своих детей от угона в Германию. Мы скоро освободим.

Мы знали, что Красная Армия помнит о нас. В нашем городе и вокруг него партизаны давали о себе знать.

Однажды я пошла собирать колоски. Нас было много. Вдруг все начали бежать с поля с криками: «Облава!».

Оказывается, возле Зеленого Гая лежит убитый немец. Всех, кто встречается, полицаи хватают и отправляют в гестапо.

Я побежала. Хотела скрыться.

Ходили слухи, что немца убил Ивликов. О нем мы слышали давно и знали, что он партизан и находится где-то близко в лесу. Говорили, что пищу ему в лес носит Скрипникова-Тесленко. Сама Ивликова я не видела.

Спас Лиду

Жерздев В. Н.:

— Когда мы подошли к своей балке, я пошел правой стороной, а Лиди — по левой. Через некоторое время услышал автоматную очередь.

Быкодоров В. И.:

— У леса Лиду встретили два немца. Офицер и солдат хотели ее изнасиловать. Они к ней приставали. Наверное, раза

два валили, а она все схватится, вырвется и бежит. Пока с краю, она молчала, нагнали третий раз ее, свалили, она стала кричать... Кричала и до того уже... Бежала и чувствовала, что где-то уже здесь отряд... и не знает. Изнасилуют и убьют... Она кричала «Помогите!»

Она даже пробежала отряд. Она говорила потом, что не хотела вести немцев в расположение отряда, не хотела выдать. Хотела увести. Уже дальше отбежала, и когда только услышали... У нас моряк был Абинякин Жора. Контуженый. Я говорю ему:

— Жора, пойди глянь, в чем дело.

Абинякин взял автомат, побегал. И только она в лес забежала, выпустил очередь и побил немцев.

Жерздев В. Н.:

— Я слышал крик и выстрелы с другой стороны леса. Пришел в расположение отряда, ни Лиды, ни Жоры нет.

Докладываю обстановку. Командир оглянулся и увидел мать. Я ей говорил, ты спрячься. Посмотришь, где нахожусь, и уйдешь. Я хотел скрыть это. Она в кустах, метрах в пятидесяти сидела, не шевелилась и не выглядывала, а Владимир Иванович почувствовал. Оглянулся и увидел:

— А кто это такая? С кем это ты пришел?

— Да то моя мать.

— А, ну ничего.

Он не придавал этому значения. Мать, ну и хорошо.

Абинякин Георгий Тимофеевич

Родился в Днепропетровске. Военный моряк. В 1941 г. в Крыму был ранен. Попал в госпиталь. Эвакуирован в Ивановку. Чтобы быть хоть как-то полезным, работал в школе физруком. Активно участвовал в общественной жизни комсомольцев района. Рекомендован в Ивановский партизанский отряд. Работая в отряде, во время одной из операций, уничтожил двух фашистов. Форму офицера использовал в дальнейшей работе. Часто появлялся немецкий офицер то в одном, то в другом поселке района, выполнял задания командира отряда. Вместе с В. Н. Жерздевым взорвал самолет на полевом аэродроме, заминировал железнодорожное полотно на сорок пятом километре магистрали Дебальцево – Зверево. Участвовал в рискованных операциях по обеспечению отряда продовольствием.

После гибели отряда сражался с фашистами в составе регулярных частей Красной Армии.

После войны жил в Невинномысске.

Будь дома

Быкодоров В. И.:

— Из доклада Жерздева и Есиной понял, что группами переходить нельзя ни днем, ни ночью.

Я принял решение переходить только днем по два-три человека. Кто изъявлял желание идти по одному, я разрешал.

Жерздев В. Н.:

— Командир говорит мне:

— Иди домой, и будь дома. Если понадобится, мы тебя вызовем. Можешь стать на учет, работать надо, работай.

Ну мы и пошли с матерью домой. И других, кому можно было уйти, он отпустил. Есину он не отпустил, оставил как связную.

Быкодоров В. И.:

— 29 июля я последним оставил базу в балке Тамара и отправился к указанному месту сбора на территории детского санатория, расположенного у лесного массива урочища Журавель.

Жерздев В. Н.:

— Приходит Лида ко мне, спрашивает:

— Где Жора? Командир отряда лежит больной за станцией Штеровка в кустах. Сказал, чтобы вы с Жорой пришли туда.

Приходим, в кустах действительно лежит больной Владимир Иванович. Командира отвели в другую группу. В лес, за Штеровкой. Я тоже не знал, где, а Абинякин знал.

Быкодоров В. И.:

— Во время перехода для соединения групп отряда не явились в отряд Овсянников, Гнутенко, Брежнев, Чмыхало, Лукьянов.

Лощенко Любовь Яковлевна:

— Лощенко пришел домой. Командир отряда Быкодоров дал ему задание устроиться на работу к немцам и разведывать нужные сведения. Яков Иванович устроился на станцию Штеровка. Но его и других коммунистов выдал предатель. Полицейские увели Лощенко Ивана Яковлевича из дома в комен-

датуру. Затем отправили на станцию Штеровка, где рыскали каратели, разыскивая виновников диверсии на железной дороге. Вслед за ним на станцию побежали сестра и мать. Хозяйка дома, где допрашивали Лощенко и ивановского активиста Аксена Савченко, рассказала, что их очень били, но ничего от них не добились. Они оба отказались признать свою связь с партизанами. Сестра Лощенко и жена Савченко пошли за ними. У окраины станции Штеровка они услышали выстрелы, а когда ушли конвоиры, рабочие станции показали им свежую яму, где тела расстрелянных были только присыпаны землей.

Петька друг, но полицей

Жерздев В. Н.:

— Пришел домой, стал ходить, не бояться. Говорил, что в окружении был и теперь надо чем-то заниматься. Товарищ, с которым учились вместе, пошел в полицию, предлагал и мне, я отговаривал его работать в полиции. Потом Абинякин пришел, и мы вместе с ним отговаривали. Отец его говорит:

— Петька будет поступать в полицию.

А мы с этим Петькой Костокрызом работали вместе в Ивановке. Он был киномехаником, Абинякин физруком, а я руководителем агитбригады. Отец нас выгнал. Говорит:

— Вы посмотрите, какая техника.

Я ему:

— Наши все равно вернутся. Петька, потом будешь каяться. Не иди туда. Нечего тебе там делать. Что у вас, есть нечего?

А отец был кладовщиком в столовой. Они перед отступлением натянули себе всего. У них было все... Придешь, печеньем угостят, и сладкое... все у них было. Мы голодали, у них все было. Я говорю:

— Чего ты туда идешь. Скоро вернутся наши, а ты предателем будешь...

— Никогда не бывать Советской власти. Уходите, чтоб я больше вас не видел, — сказал отец Петра.

В неравном бою

Ивликов А. М.:

— Ночью 29 июля мы с Кирюхиным заминировали мост, но случайно наскочили на охрану. Завязалась перестрелка. Отходили, прикрываясь автоматным огнем. У самой Дмитриевки

возле агроцеха нас догнала автомашина с немцами. В неравном бою убит Кирюхин. Я ранен осколками гранаты в семи местах. Обстрел прекратился. Я подполз к Кирюхину. Он был мертв. Граната попала в голову и сразила его насмерть. Взял у него оружие, и, прикрыв друга землей, пополз к Миусу. В зарослях перевязал раны. На рассвете закопал на берегу два автомата и револьвер, две гранаты, бинокль, полевую сумку. Собрав силы, выполз на дорогу.

По дороге от Сталино к фронту шли мужчины. Они километра два несли меня до дороги, которая вела из Новопавловки в Антрацит.

Здесь я попросил их оставить меня. Отполз к колодцу. Появился старик. Я попросил его сходить в Антрацит к старухе Власенко Пелагее Агафоновне и сообщить о том, что я болен. Вскоре Власенко приехала на подводе и забрала к себе в квартиру. Вечером пришла врач — родственница Власенко — и оказала медицинскую помощь. В этой квартире я пролежал 27 дней. После выздоровления снова ушел на шахту им. «Известий» и поселился у Пелагеи Тесленко-Скрипниковой.

Артист

Жерздев В. Н.:

— Встречается мне художественный руководитель клуба Солодухин Сергей Ильич. Я у него участвовал в самодеятельности. Он даже на киностудии Одесской был режиссером, потом у нас в Петровском работал. Встретились мы с ним, он мне:

— Записывайся артистом к нам в труппу. Беру к себе.

— Не знаю, я вот за хлебом съезжу. Нечего есть родным. Потом, когда приеду, может быть, а сейчас...

— Ну, будут же паек давать.

— Мне-то будут давать, а остальным?

Я же не потому... Пошел в лес, доложил командиру отряда, он говорит:

— Хорошо, давай. Ты нам там пользы больше дашь.

Ну, какие у нас леса... Тут в подполье надо вообще работать, а не партизанскую борьбу вести. Согласился я. На репетиции стал ходить по вечерам, пропуск дали, чтобы мог вечером ходить после комендантского часа. Это было как нельзя кстати.

Потом песню дали петь «Черные брови», а потом в пьесе «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці» роль дали мне.

Начал репетировать. Все проходило нормально. И Жору хотел пристроить туда же. Командир разрешил. Поговорил с режиссером, спрашивает:

— Как он?

— Да, — говорю, — парень, что надо. Все родные погибли...

Приходит Жора в полицию, секретарь Петр Воронин только взял его документы и говорит:

— Ты знаешь, что, друг, мотай отсюда и побыстрее.

— А что такое, в чем дело?

— Ты сам знаешь, чего.

Значит, уже кто-то сообщил, что он партизан.

Жора больше не пытался становиться на учет нигде.

Поиск

Из протокола допроса

головы городской управы Англезио И. Д.:

— В июле 1942 г. в немецкую комендатуру явились два советских партизана... Обратились к Голофаеву и заявили, что горком партии и НКВД оставили их для участия в подпольной работе. Они передали список. Список партизанского отряда был передан Петром Федоровичем Широковым. Он в 1930 г. был арестован и сидел до 1940 г. Они сообщили также, что партизаны должны встретиться в Деризовой балке. Назвали руководителей Краснолучского партизанского отряда — Раевского, Краस्याнова.

Кроме партизан в городе была оставлена и партийно-комсомольская организация. Она должна была вести учет предателей. Список Широкова помог ликвидировать группу. Арестовали Екатерину Колесникову и ее сестру Марию — жительниц с. Хрустальное. Всего 30 комсомольцев. Передерий, Печеный и другие, но все якобы из-под стражи освобождены. Арестовали членов истребительного батальона Владимира Манько (лет 15–16, жил возле железнодорожной станции Криндачевка), Зину Чиндареву (19–20 лет), Раю Макущенко (19–20 лет). Их приговорили к расстрелу, потом заменили заключением.

В то же время главный механик шахты 1/1-бис треста «Антрацитуголь» Покатило передал список...

Облава

Жерздев В. Н.:

— Я с полицейским дружбу не терял. Встречались, разговаривали. Боюсь, чтобы он меня на улице нигде не гнал, везде же мне надо было... И вот однажды говорю:

— Давай, Петя, сегодня погуляем, девчата...

— Некогда мне гулять. Сегодня ехать в Ивановку на облаву. Облава будет за станцией Штеровка на партизанский отряд.

— Откуда он там взялся? Выдумываете, отряд партизанский...

— Сведения точные, мы все должны в четыре утра быть в полиции. Некогда уже.

Я сорвался вечером и пошел, предупредил. Облава состоялась, но партизаны покинули то место, ночью все ушли. На Колпаково. Полицаи походили, постреляли, никого не нашли.

Поиск

Руденко В. Н.:

— Я часто вспоминаю, як мы з дядей, Шатурой Георгием Маркиановичем, в Пасечной косылы траву. Это было в июле – августе. Как раз сенокос. Чого-то вин так далэко ходыв косыть. Пригадую, раз, колы мы косылы, з лису выйшов якийсь чоловик. Воны поговорылы про щось, и вин знову пишов у лис. Не помню, перевезли мы тэ сино, чи не... Но факт тот, шо мы ходылы з ным туды раза тры, якшо не бильше.

Думаю, раз з револьвером, значить коммунист. Но вин попав у плен, понимаете? Ишов, ишов тыламы, прыйшов додому. Он сам рожден в Штеровке. В плен или в окружение, не знаю. Может быть, вин був связан с партизанами?

Засада

Жерздев В. Н.:

— Когда шел на задание, я встретил заместителя начальника полиции поселка Петровское Русакова Сергея. Он поведал мне новость:

— Попав в окружение около Дона, идет домой Николай Панов.

Сказала Русакову об этом Валентина Яцентюк, которая

служила вместе с Николаем Пановым. Она бросила уже за Домом раненых и позорно сбежала домой.

— Но ничего, — говорит полицей Русаков, — как только Панов придет домой, я его сам повешу. Он привел ко мне пограничников и указал пальцем на мой сарай, в котором я скрывался от Советской Армии. Но они меня не нашли. Я восемь месяцев скрывался, ждал прихода немцев, а он предал меня.

Николай был моим другом детства, другом всей молодежи, он был хороший организатор вечеров самодеятельности. Он играл на баяне и на всех струнных инструментах. Я представил Николая повешенным.

Выполнив задание, вернулся в отряд в подавленном состоянии. Это не ускользнуло от командира. Я ему обо всем рассказал. Попросил разрешения до прихода друга убить полицей. Владимир Иванович разрешил взять его пистолет, который был спрятан в Мечетной балке. Где он лежал, мне было известно. Известна и привычка командира держать в стволе патрон со спущенным курком.

Я взял пистолет, оттянул гашетку. Патрона в стволе не было. И мне захотелось увидеть через ствол, как бьет боек. Мне кажется, я смотрел в ствол и нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел, а я продолжаю стоять. Не знаю, какая сила отвела ствол от глаз, видимо, счастье.

Я пришел в отряд, получил листовки для распространения в Ивановке и Петровском, пошел выполнять задание. Распространив листовки, пошел в сторону полиции, узнать, где Русаков. Где он жил, и какой дорогой домой ходил, я проследил раньше.

Я засел за разваленным забором. Было уже темно. Вот показался человек на дороге. Ночью народ по улице не ходит, кроме полиции и немцев. Сомнения не могло быть, что это полицей. Я весь напрягся, пробежала дрожь по телу. Всмотрелся в темноту на человека. Он стал приближаться, но не по той дороге, по которой ходил Русаков, а немного дальше, метров на пять. Изменил своей привычке. Я засомневался, вдруг это не он! Убью невинного человека. Взял его на прицел и окликнул:

— Русаков!

Он не видел меня и ответил:

— Я.

Слева от меня загремели камни. Я выстрелил в Русакова и дважды — в сторону камней. Залаяла собака. Русаков не упал, а пустился наутек, вдогонку я разрядил всю обойму, но только ранил в плечо.

Не ночь помешала убить его, а собака. В дальнейшем он сам домой не ходил. Только вместе с соседом-полицаем Петром Костогрызом.

Николай Панов вернулся домой в 1945 г. после Победы.

Поиск

В начале августа на другом конце города бывший директор совхоза Пацюк Иван Васильевич вместе с товарищами убили двух полицейских. При облаве на партизан в балке Вишневке убиты три полицейских, которых потом немцы похоронили у старой бани в г. Красный Луч.

По дороге из Красного Луча на Красный Кут покушались на краснолучского коменданта. Его ранили в голову.

Луганский областной архив.

Быкодоров В. И.:

— В поселке Зеленый Гай мы напали на полицию. Там люди под присмотром полиции молотили хлеб. Мы заставили отдать хлеб, подводы, две пары быков, угнали лошадей и отдали людям между Колпаково и Штеровкой в Казаковке.

Приказали разобрать все. А остальное, как хотите.

Михайлова М. И., медработник:

— Возвратилась в Красный Луч спустя три недели после начала оккупации. Немцы задержали нас на Дону и приказали вернуться по домам. Как только вошла в дом, мать стала рассказывать, что делают оккупанты. Рассказала, как разбили, разграбили домики Ивликова, Кирюхина, о расстрелах наших людей и как в ответ на это наши партизаны убивают полицейских и немцев.

Вскоре сама убедилась, что есть люди, которые не мирятся с новым порядком. В начале августа убили трех полицейских. Радостно было сознавать, что с немцами не мирятся. Люди называли имена мстителей. Запомнились Ивликов, Пацюк.

Пацюк Иван Васильевич

Родился в 1911 г. в поселке Ивановка в семье крестьян. Трудился в коммуне. В 1930 г. стал членом КПСС. Два последних года работал завхозом МТС. Здесь молодежь избирала его своим вожаком. Потом Пацюк — председатель рабочего комитета в совхозе «Хрустальный». Организовал кружки художественной самодеятельности, спортивные секции.

В 1935 – 1937 гг. Иван Васильевич работал инструктором Ивановского райкома комсомола. В 1938 – 1941 гг. — уполномоченным Министерства сельского хозяйства по заготовкам продукции сельского хозяйства.

По заданию райкома партии участвовал в эвакуации совхоза имени Петровского. Выполнив задание, возвратился в район.

Участвовал в формировании партизанского отряда, являлся командиром одной из групп партизан. Честного, прямого, решительного И. В. Пацюка знали и любили многие.

Дрезина

Быкодоров В. И.:

— 14 августа 1942 г. Жерздев и Абинякин возвращались из разведки с территории завода № 59. По пути партизаны заминировали дорогу на перегоне между станциями Штеровка – Эротейдовка. Подорвалась дрезина с тремя солдатами и одним офицером.

Жерздев В. Н.:

— Когда отремонтировали железную дорогу, пустили дрезину, чтобы испытать от станции Штеровка до Ровенек в сторону Должанки. И наши люди взорвали ее. Ходили пять человек. Подорвали дрезину и, конечно же, железную дорогу, и опять прекратилось движение поездов.

Поиск

Макашутин М. В.,

работник Петровеньковской больницы:

— Я получил задание от уполномоченного Ивановского КГБ Угорского совершить диверсионные акты. Получил 10 кг динамита и другие взрывчатые вещества.

В мою группу входили Козых, Сазонов Егор Алексеевич

— жители г. Армавир, Баранов Захар Иванович, который потом добровольно ушел в Красную Армию.

В августе я и Козых (Козах) произвели два взрыва железнодорожного полотна на 45 км 39 участка станции Петровеньки — Эротейдовка. После первого взрыва движение было прервано на трое суток. После второго — на сутки. Разрушения были настолько сильные, что полиция выгоняла все население станции на возобновление железной дороги.

Будучи связанным с рабочими железной дороги, я поручил более близким ко мне людям пустить под откос груженные платформы. Поручение было выполнено. Разбили две платформы. На одни сутки остановился завод № 59. Целые сутки не работало 500 рабочих.

Данные факты саботажа подтверждаются собственноручными подписями Игнатова, Насыпайло, Макашутина.

Архив Луганского обкома партии.

Мысли вслух

Получается, что Ивановскому партизанскому отряду взрывчатки не дали ни грамма, а Макашутину дали 10 кг динамита. Поговорить бы с ним теперь.

Дай консервов

Возле полиции остановились три машины с продовольствием. Немцев расквартировали, а машины оставили. Охранять поручили полиции.

Виктор Жерздев говорит Костогрызу:

— Давай сегодня вечером пойдем погуляем. Что ты увлекся полицией!

— Мне на пост идти. С одиннадцати охранять идти. Не дай бог задремлю, что-нибудь случится, голову снесут. И боюсь, — говорит. — Напротив полиции в доме целую ночь свет горит, и ходит по комнате один человек.

Там жил Ильченко, футболист, центральный защитник. В заводской команде до войны и в войну играл.

— Ты приходи ко мне, — просит Петро.

— Ну, как это, вдруг меня кто увидит из ваших.

— Да что ты боишься, кто там наши! Все свои. Не бойся. Приходи.

Жора Абинякин давно уже достал мину с часовым механизмом. Наконец, пригодится.

— Петро, что они везут, продукты?

— Продукты.

— Знаешь, у нас есть нечего. Может, ты как-нибудь от-
вернешься...

— Да ты что... им в четыре часа уезжать.

— Ну, возьмем, уедут, когда там хватятся... Мы выберем
с дальнего ящика... хоть консервов матери возьму. Мать боль-
на. Дай, уважь, сделай. У тебя есть, у меня нет.

— Ладно.

Кому не нужны были продукты в то время! Но в данном
случае для Виктора важно было другое. Машины должны
уехать из Ивановки в четыре утра. Установил часовой меха-
низм мины на шесть. Пусть хоть продукты немцам разнесет, и
то хорошо. Они же не будут знать, где и кто подложил мину.

Взял несколько банок, вместо них положил мину, заложил
ее другими банками, чтоб незаметно было, что кто-то прика-
сался к ящику. Спрыгнул с машины.

— Ну что, никого?

— Тихо.

— А ты боялся!

— Вить, ты иди, наврное, отнеси. А то вдруг, кто захочет
в твою сумку глянуть... Расстреляют же меня.

— Ладно, пошел.

Поиск

В середине августа немцам удалось захватить разведчи-
цу Ольгу Ковалеву, которая держала связь с Коммунарском.
Но никаких улик против нее не было, и ее отпустили.

Из письма Пучковой А. Д.:

«Ольга Ковалева — моя лучшая подруга. Дружили и наши
родители. Учились вместе с 1 по 10 класс. Сидели за одной
партой. Несмотря на разные характеры, дружили. Ольга энер-
гичная, жизнерадостная девочка. Учились хорошо. Правда,
слабовато шла у нас математика. Ольга среди всех нас отли-
чалась смелостью. Никогда не давала в обиду себя и других
девочек. За что могла избить даже мальчишек. Она красиво
писала и рисовала. Никто лучше ее не мог оформить стенгазе-
ту. Любила это дело. Любила и музыку. Хорошо играла на ги-
таре, пела. Все постигала сама. Под ее руководством создали
хоровой кружок. Мы выступали в школе, на нарядах среди шах-
теров. Ольгу избрали секретарем комсомольской организации

школы в девятом классе. На первых порах еще не могла по-настоящему взяться за дело, ей помогали. Даже резко критиковали за недостатки. Но она не обижалась на критику. Старалась исправить ошибки.

У нее в характере было много хорошего. За что бы ни взялась, все могла сделать. Могла доить корову, шить со вкусом, делать всю домашнюю работу. Отец их ухаживал за лошадьми. Ольга решила научиться ездить верхом без седла. И она этого добилась. Даже меня втянула. Но я несколько раз упала и отказалась от этой затеи.

Жили до войны скромно, родители не баловали нас. Мы чем могли, помогали семьям. Как все дети, резвились, спорили, закаляли себя. Хотели походить на Корчагина и Рахметова. Был случай, когда Оля сильно обожгла руку. Она старалась не издавать стонов. Перенесла спокойно, говорила мне:

— А ведь им было труднее и больнее, но они молчали.

Началась война. Мы учились в 10 классе. С какой болью встретили войну! Мы с Олей были на митинге в клубе шахты № 10, где с горячей ненавистью выступали шахтеры, женщины, ученики. Они говорили, что не допустят врага в Донбасс. И мы все делали, что нужно было для обороны и победы.

Когда шли бои на Миусе, женщины, подростки, девушки строили аэродром за Ивановкой вместе с военными, рыли противотанковые рвы у Малониколаевки. Туда пришла работница Ивановского райкома комсомола, которая призвала комсомолок пойти в действующую армию, чтобы заменить мужчин. В числе других и я подала заявление с просьбой отправить меня на фронт. Вся работа по призыву в армию шла через райком комсомола. В райкоме встретила Ольгу Ковалеву. Она в то время работала зав. сектором учета райкома комсомола.

Ольга мне обрадовалась и сказала:

— Я знала, что ты пойдешь в армию.

Ольга и Лида Есина в конце мая 1942 г. были уже кандидатами в члены партии.

После обучения в Краснодоне, где располагался женский батальон 172 стрелкового полка 18 Армии, меня вместе с Марией Озюменко с шахты № 10 направили в 85 отдельный саперный батальон, который располагался на окраине Ивановки.

В конце июня мне довелось еще раз встретиться с Олей и Лидой Есиной. О многом мы говорили, но не обошли и волнующего нас вопроса — войну. Я спросила:

— Что вы будете делать, если временно отступят наши войска?

— Мы коммунисты. И будем там, где нам скажут быть».

Совершенно секретно

Секретарю Краснолучского ГК КПУ товарищу Груц

Справка

о структуре органов управления немецко-фашистских властей в период оккупации г. Красный Луч

Город Красный Луч под властью немецких захватчиков находился с 18 июля 1942 г. по 1 сентября 1943 г. Он являлся центром сосредоточения карательных органов немецких властей. Здесь были полиция, жандармерия, СД, комендатура и полевая немецкая жандармерия. Сфера их влияния распространялась на г. Красный Луч, Ивановский и часть Антрацитовского районов.

В г. Красный Луч создали 36 админрайонов, в которых заняты 36 старостатов. Такое же количество помощников старост и до 180 человек сотских. Плюс полиция, биржа труда, сельхозкомендатура, комендатура и другие органы управления.

Всякого рода предательские элементы и другие лица, способствующие внедрению фашистского строя, имелись и имеются значительным числом.

Среди архивных документов имеется список рядового состава работников батальона защиты г. Красный Луч в количестве 47 человек, которые участвовали в борьбе с партизанами в 1942 г. С приходом немцев в г. Красный Луч создали горуправу как руководящий орган местной власти на местах.

В управе работало до 120 человек. Кроме того создана биржа труда, которая занималась учетом трудоспособного населения и отправкой молодежи на каторжные работы в Германию, куда было отправлено до 6 тысяч человек.

Биржа труда имела штат до 35 человек. Руководство было возглавлено доктором фон Трипенбахом. Сельхозкомендатура со штатом до 40 человек занималась изъятием продуктов и рогатого скота, которые поставляла на нужды немецкой армии.

Комендант майор Мертель отличался жестокостью. Карательные органы СД, жандармерия и полиция как репрессивный орган занимались уничтожением народа. Судов не было. Народ расстреливали по резолюции шефа СД Бехера. Таким

образом, на протяжении оккупации расстреляно до двух тысяч мирных жителей. Характерно, что по приказу головы города Англезио от 17 августа 1942 г. в горуправу явились лица еврейского происхождения, которых впоследствии расстреляли. Всех до единого человека.

Начальник Краснолучского горотдела НКВД
старший лейтенант госбезопасности Галышев.

Восемь немцев

Жерздев В. Н.:

— Мы с Абинякиным ставили натяжные мины. Он знал, как это делается, я помогал только. Делал такую ямку под рельсами, как он говорил.

От Дебальцево до Петровенок дорога была уже отремонтирована, а в сторону Зверево — взорвана. Немцы ремонтировали ее. Снимали рельсы в тупиках, грузили на платформу и тащили в нужное место. Мы уже выследили, что платформу с рельсами для ремонта железной дороги всегда тащили человек 26 – 28. К платформе привязывали веревки и тянули за них. Шли сбоку от насыпи. Увидели, как они ходят. Заминировали отремонтированный участок. Когда наши мины сработали, мы с Абинякиным уже в Петровском были. А потом слышим разговоры: взорвалась дорога, восемь немцев погибли.

Вызывает секретарь

Жукова Ю. Ф.:

— Когда в 1941 году линия фронта подскочила к Миусу, я жила на улице возле бюро пропусков в Петровском. Осенью сорок первого мы почувствовали войну. Не было у нас света, завод эвакуировался. Мы грузили вагоны. В комсомоле же были. Комсоргом тогда у нас был Красильников Захар. Потом он в ЦК работал. Я работала пионервожатой в школе. Вожатой стала сразу после школы. Еще девчонкой. Комсомол же действовал. Николай Антонович Олейников был секретарем райкома в Ивановке. Часто ходили на семинары. Там познакомилась с Марией Шеховцовой, Ольгой Ковалевой, Лидой Есиной.

Весной 1942 г. ушла в Советскую Армию. Летом 1942 г. часть, в которой я находилась, в Сальских степях попала в окружение. Я не смогла выбраться из вражеского кольца и 20

августа 1942 г. возвратилась в Петровское. Ко мне пришла Варя Олейникова, сестра Николая Антоновича:

— Юля, тебя вызывает секретарь.

— Пошли.

Привела меня в Христофоровскую балку. Там были Николай Антонович, Приз Николай Андреевич, Лебедь, комиссар отряда. Николай Антонович сказал:

— У нас будет отряд, комсомольская группа. Предлагаю тебе включиться в нашу работу.

Так я стала партизанкой Подлесной. Командира отряда Быкодорова долго не видела. Мы и не знали, кто командир. Все задания получали от Николая Антоновича. Для нас он был командиром. Мы были объединены вокруг своего комсорга.

Николай Олейников высокий, широкоплечий, голубоглазый, сдержанный. Он был для нас надежным товарищем, вожакom. Когда шли на дело, был очень заботливым, говорил, как следует себя вести. С девушками был ровен.

Олейникова Вера Антоновна:

— Олейников Николай Антонович родился в 1918 г. в селе Мышаровка (с. Солнечное Антрацитовского района), учился в Штеровской начальной школе, а затем в средней школе г. Петровское. После девятого класса вступил в комсомол. Семья была большая, и Николай вынужден оставить школу и идти работать на шахту «XI лет Октября» учетчиком. Зарабатывал мало. Получал, как говорится, на хлеб и конфеты. Проработал примерно год. Затем перешел на завод Петровского, работал во втором цехе теплотехником. Следил за давлением в котельной. Одновременно учился заочно в техникуме в Штергрэсе. Мечтал стать военным. Переживал, когда друзья уходили в армию, а его не взяли, потому что у него ранена левая рука. Мальчишкой на огороде нашел патрон. Спичкой поковырял его, патрон и выстрелил. Срезало наискосок три пальца.

Дружил с Ваней Николаенко и Матвеевым Володей из Елизаветовки. Мать Володи была учительницей. Ее расстреляли в Штеровке во время войны. Там и похоронили.

В 1939 г. как комсомольца послали в Западную Украину. Приезжал в отпуск и рассказывал, что там стреляют в людей. Выйти из дома нельзя. Говорил:

— Никогда не думал, что людей можно бояться больше, чем волков.

Уважительно относился к родителям. С мамой советовал-

ся о женитьбе. Умел не только соглашаться, но и доказывать свою точку зрения.

Когда началась война, возвратился домой в Мышаровку с женой Любовью Ивановной. Она у него медсестра. В мае 1942 г. у них родилась дочь Света. Жили они в Мышаровке у родителей. Работал председателем сельсовета в Никитовке. Затем переехали в Ивановку. Его избрали первым секретарем райкома комсомола. Дали им две комнаты. С ними жила сестра Мария, так как ей дома негде было работать. Когда стало ясно, что немцы придут, жену с ребенком отправил на восток, в Ростов. Но они не смогли уехать, возвратились в Мышаровку.

Дома решили, что Любви Ивановне все же нужно уезжать. Отправили домой к матери, в Запорожскую область.

В 1942 г. участвовал в создании партизанского отряда. Был назначен политруком штаба. Погиб в последнем бою.

Наткнулись на мины

Жерздев В. Н.:

— Прошло время, приходит Есина:

— Командир отряда вызывает.

Быкодоров ставит задачу:

— Надо запрятать оружие. Придут Загорская Мария и Абинякин, возьмите смазку, лопаты и хорошо закопайте. Припрячьте оружие.

Мы пошли в тот день, как назначили. Шли мы дорогой. Абинякин впервые надел немецкую форму. Перешли через железную дорогу, смотрим, идет какой-то итальянец. Абинякин к этой Загорской лезет. Обнимает. Такое впечатление, что хочет соблазнить. А у нее же в сумке солидол. Подошел итальянец, поговорили. Абинякин по-немецки, а тот по-итальянски. Он попросил, давай на русском, а Абинякин говорит: «Никс».

Оружие запрятали. Наткнулись на мины. Не разминировали немцы с тех пор, как блокировали отряд в балке Тамара. Взяли по несколько мин, кто сколько, не знаю. Возле сорок пятиго километра на железной дороге заложили. Мы видели, что дорогу строят, восстанавливают. Поставили по одной между шпалами и ушли. Потом прошел слух, что взорвалось, что партизаны есть. Я же находился между людьми, некоторые говорили, что это хлопцы сделали, а не партизаны. Партизан здесь нет. Ну, думаю, говорите. Результат мы не знали, взлетела платформа или нет, не знаю, говорили всякое.

Конюх

Жукова Наталья Захаровна:

— Федор Нестерович был связным Ивановского партизанского отряда. Федора Нестеровича Жукова бросили в камеру после продолжительных пыток, после того, как поняли, что из него не выдавишь ни единого слова. А он знал много. Ведь не зря же он остался работать на предприятии конюхом, когда завод был эвакуирован. Конюх — связной у партизан. Партизаны ему доверяли, говорили «свой человек».

В августе 1942 года Федор домой не вернулся. Поздняя ночь, Федора все нет. Вдруг шаги. Мужские шаги, но не те, знакомые. Тяжело открылась дверь. На пороге стоял Семен Петрович Свири́н. «Что-то случилось» — дрогнуло сердце. Семен работал до войны вместе с Федором на заводе.

— Говори же...

Сви́рин хотел сказать все сразу, но не получилось:

— Его схватили немцы... Федор сейчас в Краснолучской тюрьме.

Я стояла, стиснув зубы, старалась не плакать, но слезы катились по щекам.

...Юля, дочь, в партизанском отряде. Валечка и Витя уже спят. Немцы забрали все. Осталось немного макухи.

Кусочки макухи утром делила на всех. Мужу относилa свою порцию.

С первых дней

Стеценко Степан Емельянович, секретарь Ворошиловградского подпольного обкома партии:

— Я и мои связные оседали в Боково-Антрацитовском партизанском отряде. Этот отряд ввязался в бой сразу, так же как и Ивановский партизанский отряд, с первых дней. И, в частности, начал операции на железной дороге. Когда немцы восстановили ветку Дебальцево — Зверево и началось движение, партизаны стали производить диверсии на железной дороге, подрывать, обстреливать эшелоны. 20 августа мы дали серьезный бой немцам, когда их было 300, а нас 17 человек. Двенадцатичасовой бой мы выдержали. Немцы отступили ночью. Они не могли по ночам сражаться даже в маленьких балках.

Что означают боевые действия партизан? Те, кто оставался на оккупированной территории, знают... Нравственное по-

давление. Люди в растерянности. Армия отступила, враг пришел, а мы остались беззащитные. И когда мы начали бои, люди увидели, что они не одиноки и поверили, что Красная Армия вернется, что враг будет разбит. И это было облегчение для народа, нравственное, психологическое.

Быкодоров В. И.:

— 25 августа группа под командованием Пацюка И. В. и Приза Н. А. совершила налет на железнодорожную комендантуру станции Петровеньки. В это время подорвали линию железной дороги от станции Петровеньки до станции Дебальцево, уничтожили трех немецких солдат. Группа возвратилась без потерь, захватив три винтовки и один автомат.

Поиск

Архивная справка

В Красном Луче 26 августа взорвали легковую автомашину, уничтожили 3 немца. Это сделали Ивликов, Пацюк и Луговой, командир партизанского отряда шахты «Алмазная» Ровенецкого района.

Луганский областной архив.

Ивликов А. М.:

— 28 августа мы вместе со Скрипниковой-Тесленко подорвали легковую автомашину по дороге Красный Луч – Антрацит. Возле холодильника. Убиты три немца. Машина подорвалась на нашей mine. После этой операции Скрипникову-Тесленко арестовали.

В гестапо она просидела две недели. Категорически отрицала причастность к партизанам и взрыву машины. Выпустили под расписку с обещанием выдать Ивликова, как только тот появится.

Я узнал, что ее выпустили, и послал к ней жену бывшего командира Красной Армии Лапчинскую. Я просил Тесленко явиться в условленное место. Она пришла, и рассказала, с каким условием еепустили. Просила научить ее, что делать.

Посоветовал переехать в Есауловку и там поселиться. Так она и сделала. Следы Тесленко потерялись. Никто не знал, куда она делась. Вскоре после этого арестовали старуху Власенко. Не выдержав издевательств и голода, она погибла в лагере.

В подполье

Топчиенко П. А.:

— В лесу у мэнэ открылась рана. Сыра погода, та ще й в лису. Я Быкодорову говорю:

— Як мэни до больныци дистатысь? Мне ж нужно шо-небудь. Тампон якийсь уставыть или шо в ухо.

Вин говорить:

— Знаешь, наверно, ты пойдешь в подполье.

Пишов я додому. И сразу на другой день до мэнэ полиция прыйшла. Кротов, начальник полиции був у Ивановке, и Алякин, полицей з Руськой вулыци.

— Дэ був?

— Эвакуировався. Дойшов до Донця. Донець вже був зайнятый. Я вэрнувся назад. Но дороги я тут нэ знав, потому шо нэ здешний.

Я сам Кировоградський, не Донэцкий.

— Будешь каждэ утро отмечаться.

А мэни надо ж звязаться з Быкодоровым. Правда, связни прыйшлы до мэнэ Загорьская и Лютая, и я им розказав як, шо.

Ця пэрва встреча була наша на еврейском кладбищи, там, за асфальтом. Договорылись зустрічаться там, дэ Люта жила. Там есть колодяць в ярку, стенка каминна. У тий стенки каминний мы знайшли чорный такый був камушок. Шо узнаю, шо разведаю, я довжен положить под той камушок. Воны забэрут, однэсуть по назначению, а мэни оставлять задание.

Быкодоров В. И. напысав, шоб я устроився в полицию. У полицию мэнэ близько нэ допускалы, бо знали многие, шо я був комсомолэць. Я организовав пожарну команду.

Слободян Надежда Михайловна:

— Валя Лютая давала мне поручения. Первый раз мы встретились случайно. Я шла по переулку. Там была дорожка из яра. Валя говорит:

— Надя, у вас немцы есть?

А у нас не немцы, а румыны были.

— Есть у них рация?

— На нашем краю нет.

— А тут нигде не слышала? Где-то в нашем районе находится штаб и рация.

— Тут в переулке вроде не слышно.

— Пройди по-над хатками и послушай.

По своему переулку я прошла, не слышно и не видно. Всегда же возле штаба могут быть офицеры, с погонами.

— Но где-то все равно здесь есть рация по нашим расчетам. Сходи в яр.

— Да там три хаты.

— Сходи.

А мы ходили в яр за водой. Взяла я ведра и пошла.

Увидела пушку и зенитку. Не в блиндажу, а так, яма вырыта и загнана туда пушка. Рядом зенитка. Она такая небольшая, а по левую сторону от дорожки к Емельянкам — блиндаж. И там стоял танк. Тоже в яме. Загнали его туда, чтоб не видно было, а надо, выедут.

Прошла дальше до колодца, набрала ведро воды и поставила. А второе ведро пустое взяла и пошла по дорожке до груши. Собираю груши. Тишина. Накидала немного в ведро, слышу пик-пик-пик... рация заработала.

Как договорились с Валец, встречаемся в пять часов вечером по нашей улице. Она впереди, я — сзади, рассказываю.

— Вот значит, куда они забрались.

Наутро разбомбили весь яр. И штаб, и танк.

Жукова Ю. Ф.:

— Валя Лютая и Клава Манжула у нас в отряде не были.

Валя на бирже труда работала. Документы доставала. А Клава работала на немецкой кухне и подсыпала что-то немцам. Отравила. Ее расстреляли. Два годика ребенку было.

К Вале Лютой я ходила за бумагами. Не скажу, что с ней была так знакома, как с Лидой Есиной. Но знала ее. Она по-старше была нас.

Лютой Николай Васильевич:

— Валя Лютая — моя сестра. Родилась в поселке Ивановка в 1920 г. В 1938 г. окончила учительские курсы. Её направили преподавать украинский язык и литературу в школу поселка шахты № 152. Перед войной переехала в Ивановку. Работала здесь в картбюро, в райкоме комсомола. Организовала кружки художественной самодеятельности, спортивные секции на шахте.

Перед войной родилась дочь. В партизанском отряде с первого дня его создания. После прихода немцев по заданию отряда устроилась на биржу труда в Ивановке. Снабжала парти-

зан различными документами с настоящими подписями и печатями. Собирала и передавала товарищам сведения о врагах.

Проработать долго не смогла. Фашистам удалось выследить Валентину Васильевну. Гестаповцы пытали ее около двух недель. Расстреляли 6 – 7 ноября 1942 г. Посмертно награждена медалью «Партизану Отечественной войны».

Жерздев В. Н.:

— Мы с Абинякиным пошли в совхоз, решили принести в отряд помидоры. Их охраняли. Комендант был немецкий. Зашли, думаем, что еще бояться! Нашими руками посажено это, что ж мы не можем помидоров нарвать. Нарвали две сумки — вещмешки. Вдруг бегут сторожа со всех сторон. И давай:

— Откуда ты, что это?

— Он меня взял, — говорю.

— Где он тебя взял?

— На улице. На нашей улице живут немцы. Взял и говорит, покажи, где помидоры есть, надо, мол, помидоров, хочешь кушать.

— А документы есть?

— Я почему знаю? Вон у него и спрашивайте.

А Жора по-немецки мелет. Одно сказал: «Я по-русски не понимав», и больше ничего. Они к нему:

— Дай документ!

— Папир? Сейчас, — показывает, что сейчас напишу.

— Надо, чтобы комендант дал.

— Зачем комендант, я шрайбен, я напишу, давай папир.

Они меня забирают:

— Идем, ты расскажешь, что это за немец, откуда.

— Пан, меня берут.

— Бери, неси, — кричит по-немецки Жора.

— Да меня пан комендант забирает, бери, неси сам.

А он повесил мне на плечи помидоры и говорит:

— Дойч не ночит, — показал, что ему не положено носить, что у него нежное плечо. А ихний старший стоит и говорит:

— Ишь ты, его мать, какой нежный.

Жора потом рассказывал, как чуть было не рассмеялся.

Взял я сумки и пошел по направлению Штеровки...

Быкодоров В. И.:

— 6 сентября мы совершили налет на полицию, охранявшую хозяйство «Госимение», ныне совхоз «Сталинский забой».

В этой операции уничтожено два полицейских, захвачены документы, оружие.

В Ивановском хуторе

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— Задержали письмо Чернова — жителя шахты № 21 к дочери Черновой Лизе, партизанке Ивановского отряда. Он писал, чтобы она храбрее вела себя с немцами.

В районе хутора Хрустальный застрелен помощник начальника полиции Ивановского района. Там же ранен следователь полиции Федор Моцак. В тот же день несколько раз обстреливались железнодорожные составы.

Мезеря Афанасий Михайлович:

— Григоренко Екатерина Никандровна жила в Ивановском хуторе.

Чаркин Василий гнал самогон. У него собирались фашистские прислужники. Григоренко сообщила об этом партизанам. Два фашиста, закончив свой очередной пир, ночью распрощались с гостеприимным хозяином, выехали со двора на велосипедах в направлении Ивановки. В саду школы их поджидали партизаны. Они встретили полицаев и подорвали их. Один убит наповал, второй ранен. Чаркин сообщил об этом родственнику полица Заброде Василию Ивановичу, который сел на лошадь и помчал в Красный Луч. Оттуда прибыл отряд полицаев во главе с жандармом Мезерей Степаном Дмитриевичем. Сад окружили. Поиски проходили и в школьных постройках. Но след партизан простыл.

Григоренко Екатерина Никандровна

Екатерина Никандровна прибыла в Ивановский район в начале 1940 учебного года из Славянска. В школе в поселке шахты № 10/10-бис работал ее брат Рукасов.

Екатерина Никандровна имела явочную квартиру. Помогла партизанам через учительницу из Княгиневки Мирошниченко М. И. оформить паспорта с пропиской в краснолучской бирже. Благодаря находчивости, однажды спасла жизнь командиру отряда. Сын ее Игорь был разведчиком.

Жерздев В. Н.:

— Пришла связная Есина, говорит:

— Командир отряда находится в Ивановском хуторе, но

он без оружия, ты знаешь, где его пистолет, отнеси ему. А то придется живому сдаваться, если что...

— Придется немецкую форму надевать, — говорит Абинякин.

Подожли к школе. Смотрим, сверток какой-то из окна вылетел. Потом выходят из школы полиция.

Жора пошел в школу, а я остался в засаде. Гранату приготовил. У меня еще пистолет есть, а у Абинякина парабеллум. Трофейный. Он его как взял у немца убитого, так никому не отдал. С ним и пошел в школу. Только зашел, учительница выхватила револьвер и...

— Владимир Иванович, вы меня вызывали? — спросил «немецкий офицер» Абинякин по-русски у командира партизанского отряда.

Екатерина Никандровна оторопела, и опустила револьвер. Чуть было не застрелила Жору.

— Уходим в лес, — сказал Быкодоров.

Уже на партизанской базе Владимир Иванович Быкодоров рассказал, что произошло.

Полиция пришла в школу к Григоренко, чтобы арестовать командира партизанского отряда. Так прямо и сказали:

— Говорят, что у вас скрывается командир партизанского отряда.

— Ничего подобного, — ответила Григоренко. — У меня брат в гостях. Зашел проведать. Он служит в немецкой армии переводчиком и сегодня пойдет догонять свою часть.

Видимо, в отряде появился предатель. Только из Ивановичи им не сообщили, как выглядит командир. Схватились и с радости побежали, что вот так, мол, арестуем его безо всякого.

Увидела Екатерина Никандровна, что полиция пожаловала, в окно выбросила патроны. А револьвер спрятала. Рассчитывала стрелять сзади, если полиция арестовали бы командира. Это позволило бы Быкодорову попытаться убежать.

Путь на базу лежал мимо того места, где мы с Жорой закладывали мины. Смотрим, там восемь крестов стоят, восемь могил. Здесь мы и признались Владимиру Ивановичу о самовольной операции.

Немцы казились. На своих же минах сами и подорвались.

В Зеленом Гае

Быкодоров В. И.:

— В Зеленом Гае мы наткнулись на военнопленных, которые бежали из концлагеря. Нас человек пять. Мы им:

— Руки вверх!

Разобрались с ними. Один — сержант. Молоденький. Остальные рядовые. Обрадовались, что нас встретили. Пристали к нам. Хорошо действовали они.

Последний допрос

Есина-Пушкарева Нина Петровна:

— Папа, Есин Петр Федорович, 1888 года рождения. До войны работал зав. клубом. Когда Лида, моя старшая сестра, ушла в партизанский отряд, отдал ей все парики и грим.

11 сентября папу забрали немцы. К нам в дом привел их староста — Белобров Андрей Родионович. Матери как раз не было дома. Она где-то поехала менять одежду на пищу.

Отец перед войной вступил в партию.

Житель с. Красный Кут Земляной рассказывал, что у отца спрашивали, где дочь, где партизаны. Последний допрос был 18 ноября. А скончался он в камере 20 ноября.

В Красном Куте

Быкодоров В. И.:

— 12 сентября мы организовали крушение воинского эшелона на перегоне от станции Петровеньки до станции Эротейдовка. Поскольку прибора для мгновенного взрыва у нас не было, дорогу взорвали в трех местах. Поезд остановлен. Разбит один вагон, несколько платформ, с которых побились три автомашины. Также сорвали линию связи, движение поездов остановили на 16 часов.

16 сентября Загорскую Марию послали в Красный Кут для распространения листовок и для связи с подпольной организацией. Там ее предали немецкой жандармерии.

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— В селе Красный Кут староста Конько случайно задержал Марию Загорскую. У нее были листовки, написанные от руки. Она шла якобы к партизану Подмаркову и командиру партизанского отряда Быкодорову.

Вместе с Загорской арестовали 10 жителей села. Она под-

твердила, что является членом партизанского отряда, но других никого не знает. Ходила на условное место, но там никого не оказалось.

Загорская Мария Андреевна

Мария Загорская родилась в 1921 г. в Западной Украине. Перед войной работала секретарем райкома комсомола. В 1941 г., когда фашисты оккупировали родные края, была эвакуирована в Ивановку. Здесь ее избрали секретарем Ивановского райкома комсомола. Летом 1942 г. Мария стала разведчицей Ивановского партизанского отряда. Комсомольцы избрали ее своим вожаком. В сентябре 1942 г. на явочной квартире Марию схватили враги и бросили в краснолучскую тюрьму. Несмотря на пытки, Мария ничего не сказала фашистам. Расстреляли Марию Загорскую в канун 7 ноября 1942 г. Посмертно награждена медалью «Партизану Отечественной войны».

Чехова Татьяна Кузьминична:

— Я имела связь с партизанским отрядом. Моя сестра Мезеря Надежда Кузьминична приходила ко мне в Красный Кут с пакетом для Подмаркова. Николай Григорьевич работал директором школы.

Другие связные тоже останавливались у меня. Как-то пришла связная с шахты № 10. У меня была целый день. Потом понесла Подмаркову пакет. Не успела она отойти за угол, ее задержали немцы и привели ко мне. Спросили:

— Ты ее знаешь?

— Не знаю.

Наставили на меня обрез, и я потеряла сознание.

На второй день меня забрали в жандармерию и начали спрашивать о партизанах.

— Ничего не знаю.

С тех пор за мной все время следили.

Брат моего мужа Чехов Василий Иванович сообщил, что немцы бросили Подмаркова в шахту «Богдан».

Быкодоров В. И.:

— Узнав об аресте Загорской, 18 сентября я послал Приза, Пацюка и Сычева с заданием освободить ее, когда повезут из Ивановки в Красный Луч. Загорскую не повезли.

Приз, Пацок и Сычев в х. Хрустальном напали на следователя жандармерии и двух жандармов и уничтожили их. Взяли два велосипеда, личное оружие, портфель с документами.

Жукова Ю. Ф.:

— Я знала, что у нас еще была Загорская Мария, которую тоже арестовали. Что она делала, не знаю. В отряде с ней не общалась. Знаю, что она несколько дней была в отряде, но какое задание выполняла и при каком задании погибла — тоже не знаю. Нас же всех не посвящали, кто что делает. Мы только знали, что сегодня нам дали листовки расклеить, пошли, расклеили. Мы листовки не писали. Нам давали готовые. Только разноси, расклеивай. Мы не знали, кто их готовит. Наше дело было распространить.

Игорю скрыться не удалось

Мезера А. С.:

— В х. Хрустальском ночью 18 сентября 1942 года в здании школы шло совещание партизан. Немцев в поселке в те дни не было. Игорь стоял на посту за каменной оградой школьного сада. В темноте он заметил силуэты. Они приближались. Мгновение — и он метнул в них гранату. Тишину потряс взрыв, вслед за ним раздались стоны и крик. Этот взрыв послужил сигналом партизанам, которые, выбежав из школы, скрылись. Утром выяснилось: взрывом гранаты убит следователь жандармерии и двое полицейских. Игорю скрыться не удалось.

Из протокола допроса Англезин И. Д.:

— Завмаг села Княгиневка Мирошниченко сообщил, что слышал разговор о Мезере и сыне Екатерины Никандровны Григоренко Игоре. Мальчика поймали около совхоза «Молочарка».

Жукова Ю. Ф.:

— У Григоренко явочная квартира была. Я один-единственный раз ходила к ней на явочную квартиру. Через малое время, через недели две, она у нас появилась, пришла в партизанский отряд. Сказали, что у нее расстреляли сына. Говорить с ней об Игоре никогда не пыталась. Это была открытая рана.

Портфель Кротова

Однажды ночью Иван Васильевич Пацюк и Николай Антонович Олейников вернулись в расположение отряда возбужденными. Несмотря на поздний час, командование отряда собралось в штабе. Олейников и Пацюк доложили, что уничтожили немецких прислужников. В портфеле у Кротова оказался

отпечатанный на машинке список партизанского отряда и сведения о расположении баз отряда.

Состав партизанского отряда

1. Абинякин Виктор Михайлович. 1922. Член ВЛКСМ. Боец. Военрук школы
2. Абинякин Георгий. Разведчик-связной.
3. Артеменко Михаил Кириллович. 1896 г. р. Член партии. Политрук.
4. Баландин Иван Иванович. Член партии. Боец.
5. Безгинский Владимир Федорович. 1923 г. р. Член ВЛКСМ. Боец.
6. Белоусов Петр Николаевич. Член партии. Боец.
7. Бобров Григорий Иванович. 1888 г. р. Член партии. Связной. Директор завода.
8. Борисов Федор Андреевич. 1915 г. р. Член партии. Связной.
9. Брежнев.
10. Бугаев Кузьма Григорьевич. 1905 г. р. Член партии. Боец.
11. Бурлака Анастасия Пантелеевна. 1910 г. р. Связная.
12. Быкодоров Владимир Иванович. 1909 г. р. Командир.
13. Глазко Василий Самойлович. Член партии. Боец.
14. Головань Иван Макарович. Член партии. Боец.
15. Голопузов Виктор Михайлович. Член партии. Боец.
16. Горянт Иосиф Макарович. 1902. Член партии. Боец.
17. Гордеев Степан Афанасьевич. 1885. Член партии. Боец.
18. Григоренко Екатерина Никандровна. 1906. Беспартийная. Хозяйка явочной квартиры. Учительница.
19. Григоренко Игорь Петрович. 1928. Беспартийный. Разведчик-связной.
20. Гук Александр Михайлович. Боец.
21. Гуленко Евдокия Прохоровна. 1918 (1913). Беспартийная. Хозяйка явочной квартиры.
22. Дейниченко Иван Гаврилович. 1910. Член партии. Боец.
23. Дуванов Егор Кириллович. 1905. Политрук.
24. Есина Лидия Петровна. 1924 г. р. Член партии. Разведчица.
25. Жердев Виктор Николаевич. 1923 г. р. Член ВЛКСМ. Боец. Массовик
26. Жерздев Виктор

27. Жукова Юлия Федоровна. 1923 г. р. Член ВЛКСМ. Разведчица. Пионервожатая.
28. Загорская Мария Андреевна. 1917 г. р. Член партии. Разведчица. 2 сек. райкома ЛКСМ Украины.
29. Загорулько Трофим Васильевич. 1900 г. р. Член партии. Политрук.
30. Захаров Иван Федотович. 1884 г. р. Член партии. Боец.
31. Езолко Евдокия Гордеевна. 1910 г. р. Член партии. Боец.
32. Изосин Аким Васильевич. 1904 г. р. Член партии. Связной.
33. Киреев Дмитрий Федосеевич. 1905 г. р. Член партии. Комиссар. Начальник политотдела МТС.
34. Кирюхин Кирилл Спиридонович. 1889 г. р. Член партии. Боец.
35. Кислый Григорий Григорьевич. 1913 г. р. Член партии. Связной.
36. Ковалева Ольга Яковлевна. 1923 г. р. Кандидат в члены партии. Разведчица. 3 секретарь райкома ЛКСМ Украины.
37. Козаков Борис Ефимович. 1894 г. р. Член партии. Связной.
38. Колесникова Надежда Сергеевна.
39. Конько Тит Васильевич. 1901 г. р. Член партии. Боец.
40. Краснобай Иван Пантелеевич. 1901 г. р. Член партии. Боец.
41. Краснобай Тимофей Гаврилович. 1900 г. р. Член партии. Боец.
42. Лебедь Михаил Сазонович. 1904 г. р. Член партии. Политрук.
43. Лощенко Яков Степанович. 1913 г. р. Член партии. Начальник штаба.
44. Лукьянов.
45. Лютая Валентина Васильевна. 1920 г. р. Член партии. Связная. Учительница СШ.
46. Мезеря Андрей Григорьевич. 1905 г. р. Беспартийный. Боец. Зав. райкомхозом.
47. Мезеря Василий Иванович. 1905 г. р. Член партии. Боец.
48. Мезеря Надежда Кузьминична. 1916 г. р. Беспартийная. Разведчица. Завмаг в п. Хрустальное.
49. Назаренко Иван Васильевич. 1883 г. р. Член партии. Боец.
50. Носко Анатолий Федорович. Член партии.

51. Олейникова Анна Антоновна. 1918 г. р. Член ВЛКСМ. Разведчица. Зав. типографией завода № 59.

52. Олейникова Варвара Антоновна. 1925 г. р. Беспартийная. Боец.

53. Олейников Николай Антонович. 1914 г. р. Член партии. Первый секретарь райкома ЛКСМ Украины.

54. Пацук Иван Васильевич. 1911. Член партии. Командир группы.

55. Передерий Валерий Васильевич. Член партии. Боец.

56. Печенкин Василий Егорович. 1912. Член партии. Связной.

57. Плихта Александр Августинович. 1909 г. р. Член партии. Политрук.

58. Подгорный Александр Федорович. Член партии. Боец.

59. Приз Николай Андреевич. 1913 г. р. Член партии. Начальник штаба.

60. Приходько Валентина Владимировна. Член партии. Связная.

61. Романенко Виктор Семенович. 1924 г. р. Член ВЛКСМ. Боец.

62. Савченко Аксен Никифорович. 1907 г. р. Беспартийный. Ездовой.

63. Свинкин Андрей Петрович. Член партии. Боец.

64. Сычев Леонид Григорьевич. 1927 г. р. Член ВЛКСМ. Связной.

65. Сукаленов Анисим Васильевич. 1880 г. р. Член партии. Боец.

66. Тихонечко Емельян Иванович. Член партии. Боец.

67. Ульянова Дора Ивановна. Член партии. Боец.

68. Фидря Иван Емельянович. Член партии. Боец.

69. Фоменко Григорий Владимирович. 1905 г. р. Член партии. Боец.

70. Фоменко Сергей Тимофеевич. 1902 г. р. Член партии. Боец.

71. Чинкало Никита Матвеевич. 1898 г. р.

72. Шеховцова Мария Петровна. 1918 г. р. Член ВЛКСМ. Боец. Секретарь Софиевского поссовета.

Пришлось делать из этого выводы и срочно менять расположение.

К концу сентября

Ивликов А. М.:

— Оставшись один, я не думал прекращать борьбу. Решил идти туда, где в 1918 г. был в партизанском отряде. Это в станице Тимашевской, Белой Калитве – Бугаевский разъезд. Это знакомый путь.

Только к концу сентября добрался до знакомых мест. Разыскал старика Земцова Ивана Сергеевича, с которым воевал в 1918 г. Старик радушно принял у себя. Но ему уже было 80 лет, и он не годился для активной борьбы. Нужно было искать помощников. На базаре обратил внимание на одного человека. Разговорился с ним. Оказалось, что это директор МТС из Сталинской области. Он эвакуировался, но попал в окружение. Член ВКП(б) фамилия Ахтырский. Вдвоем решили приступить к созданию партизанской группы для борьбы с оккупантами.

Ахтырский предложил перебраться на реку Чир, так как там есть хорошие места для партизан в лесу.

Осели в хуторе Лаврова Обливского района Александровского сельсовета. Ахтырский попал на квартиру к эвакуированному рабочему, а я к бывшему офицеру царской армии.

Хвост

Жукова Ю. Ф.:

— С Екатериной Никандровной Григоренко мы ходили менять. Она считалась моей тетей. Меняли мой платок на соль.

У меня отца посадили. Домой, в Петровское, мне нельзя было возвращаться. Поэтому мы ходили с этой «моей тетей» менять. Она якобы жила на станции Щетово. На станции Казанковка немцы приготовили вагоны с зерном для отправки в Германию. Мы взорвали вагоны, зерно загорелось. Его начали разбирать люди. Мы с Григоренко тоже набрали этого зерна и пошли на мельницу в Красную Поляну. Там много людей ожидало своей очереди. Наше зерно пахло горелым. Это опасно. Вдруг облава, сразу заподозрят, и можно попасться.

Подъезжает к мельнице машина. Из нее выходит офицер в черном мундире и знакомая девушка. Увидела меня, подошла, спрашивает:

— Чего ты сюда попала?

— С тетей пришли молоть зерно.

— А я, — говорит, — здесь с Гельмольдом. Уезжаю в Германию.

Слушаю ее вроде бы даже с завистью, а сама думаю, как бы от тебя отвязаться, чтоб не привести за собой хвост в отряд в Христофоровскую балку. А тут еще это зерно с запахом. Удалось нам от него избавиться, всыпали в общую кучу. Получили муку и потихонечку ушли. Долго шли. Идем, садимся, как будто нам надо так. Достали помидоры, соль у нас была. Без хлеба едим. Когда машина с моей знакомой проехала, я облегченно вздохнула. И все-таки мы не поспешили идти на базу. Тянули время до темна. Днем в лес нельзя входить. Хвост обязательно будет. В то время в балке Христофоровской были Пацюк И. В., Приз Н. А., Безгинский В., Ковалева О., Олейников Н. А. Жили в шалашах. Обыкновенные шалаши из веток. Мы жили втроем: я, Лида Есина и Оля Ковалева. Укрывались домашними одеялами.

Ковалева Ольга Яковлевна

Родилась в 1923 г. в поселке шахты 10/10-бис. После окончания средней школы работала в заведующей сектором учета Ивановского райкома комсомола. В партизанском отряде была разведчицей. Фашисты арестовали ее в конце октября неподалеку от станции Колпаково, когда Ольга возвращалась на базу из разведки.

До 6 ноября 1942 г. находилась в концлагере. В канун праздника Великого Октября ее привезли к противотанковому рву у станции Штеровка.

Украинский штаб партизанского движения

Извещение о смерти № 5365

Гражданину Ковалеву Якову Тарасовичу.

Ваша дочь Ковалева Ольга боец-партизан, участник Великой Отечественной войны против фашистских оккупантов, ранее работавшая зав. учетом РК ЛКСМУ в бою за социалистическую Родину против немецких захватчиков 6 ноября 1942 г. убитая.

Начальник штаба партизанского движения Смирнов.

11 июня 1945 г.

Листовки

Быкодоров В. И.:

— Партизанский отряд кроме оперативной работы вел пропаганду. Выпускали и распространяли листовки в Ивановке, Красном Луче, Красном Куте, Петровском, в поселках шахт №№ 10, 21. Листовки выпускали злободневного характера. Как то: на срыв мобилизации молодежи в Германию, призывали молодежь уходить в партизаны, не идти на каторгу. Призывали население к тому, чтобы обмолоченный хлеб не сдавали немцам, разбирали домой, чтобы срывали все мероприятия по восстановлению дорог и железнодорожного транспорта. Такие листовки призывали и показывали, как гитлеровские приспешники — старосты и полицейские — издеваются, избивают население. Как немцы грабят народ. Призывали на борьбу и убеждали народ, что наши войска вернутся.

Жукова Ю. Ф.:

— В церквях расклеивали листовки. Немцы говорили, что Сталинград занят. И для людей много значило, что мы писали листовки. Мы призывали, чтоб люди не поддавались на немецкую агитацию, не ехали в Германию. Многие люди делали себе раны на руках, ногах с помощью извести. А немцы боялись этого.

Жерздев В. Н.:

— Наш самолет, не знаю какой, сбросил листовки. Я слышал, что отряд наш работал от какой-то армии, и мы были как бы ее бойцы. Сбросили, значит, листовки, пачки три. Они были упакованы веревками. Одна чуть рассыпалась, а две лежали, как ни в чем ни бывало, в траве. Точно там, недалеко от нашего расположения в балке Тамара. Мне почему-то думается, что если сбросить с самолета, с высоты, они бы разбились. Мне кажется, самолет, чуть ли не садился... Он их выложил. Я забрал и распространил по Петровскому, Ивановке. В листовке было написано, чтобы население временно оккупированной территории не поддавалось панике, что враг оккупировал территорию временно, но власть наша есть и существует. Работают райкомы подпольные. «Вступайте в партизанские отряды».

Приз Н. А.,

**секретарь Ивановского подпольного райкома
партии:**

— Листовки издавали на местном материале, небольшого формата, удобные для распространения. Тексты листовок иногда были повторением листовок, сброшенных советскими самолетами, но чаще всего писали сами. В листовках разоблачали замыслы оккупантов, призывали население срывать мероприятия гитлеровцев, не давать им угля, металла, хлеба, саботировать пуск предприятий, скрываться от угона в фашистскую Германию.

К моменту оккупации гитлеровцами в июле 1942 г. хлеб еще не был обмолочен, а во многих местах был еще не скошен. Фашисты рассчитывали воспользоваться украинским хлебом. Когда гитлеровцы начали усиленно подготавливать зерно к вывозу в Германию, мы распространили листовки с призывом к населению прятать зерно, не давать его оккупантам. В одной листовке, выпущенной Ивановским подпольным райкомом партии, говорилось: «Ко всем гражданам временно оккупированной территории! Вы сами убедились в том, что фашисты ограбили вас, уничтожили ваши огороды, поломали сады, забрали ваш окот. Теперь вас принуждают убирать хлеб, который будет вывезен в Германию... Не выходите на работу! Прячьте хлеб! Разбирайте его по домам!».

Мы распространили не менее 5 тысяч листовок.

Архивная справка

Лучшие люди Красного Луча вели борьбу с оккупантами. Молодого шахтера Петра Колесникова вели на расстрел вместе с группой девушек. Он написал записку и бросил ее у кинотеатра им. Кирова: «Прощайте, товарищи, я иду на смерть. Отомстите. Делом встретьте наших». Эту записку подобрали. Она переходила из рук в руки, будила к борьбе. В тот же день возле шахты 2 ВЛКСМ нашли труп немца с разможенной головой.

Чувствуя свою гибель, немцы усилили издевательства над населением.

Луганский областной архив.

Выбор пал на меня

Жерздев В. Н.:

— Командир послал группу в сторону Дебальцево, чтобы взорвали железную дорогу. Я в эту группу не попал. Ходила Жукова. Кто еще там был, не знаю, нам не рассказывали. Они пустили эшелон под откос.

Жукова Ю. Ф.:

— В районе Эротеидовки, между Штеровкой и Петровеньками, нужно было подорвать железнодорожные пути. Припало так, что пришлось мне туда идти и Володе Безгинскому. Володя Безгинский подкладывал взрывчатку, а я поджигала шнур... тряслись, чтоб спичка не погасла. Все обошлось благополучно. Волновались. Володя на два года младше меня. Все выдержали. Николай Антонович боялся, когда решал вопрос, кто должен пойти. Не скажу, что я какая-то была такая, с неба звезды снимала, но почему-то выбор пал на меня.

Безгинский Владимир Акимович

Родился 7 февраля 1925 г. в селе Никитовка в семье колхозников. Окончив семилетнюю школу, поступил в ремесленное училище № 10 в городе Петровское.

В партизанский отряд его рекомендовал райком комсомола. Участвовал во многих операциях партизан. Одна из них — взрыв цистерны с горючим.

Связной

Жерздев В. Н.:

— Быкодоров на связь в Ворошиловград посылал связного. Фамилию не помню. Он погиб. Первый раз послали. Он на коне поехал. Думал пробраться. Отряд где-то за Донцом в лесу был. А он в районе Успенки напоролся на засаду. Я посвятил ему стих:

Ночь упала на округу,
В темном шелесте раки
Раздается по яругам
Цокот кованых копыт.
Звезды падают над Бугом,
Небо чиркает огнем,
Пляшет дивная дорога
Под норовистым конем.
И внезапно: «Штель» — засада!
Конь шарахнулся назад.
По околице из сада
Громыхнул тяжелый залп.
Навалились сразу трое.

Сжали, смяли, как смогли
И до штаба алой кровью
Тонкий след проволокли.
Стол, скамья, рушник с мережкой
На божнице....
Офицер скривил усмешку,
Закурил, прошелся, сел.
Он сказал с притворной грустью:
— Кнабе вам земнаты лет,
Говориль и мы отпустим...
Партизан ответил:
— Нет!
— Ай зен зих, но этой смертью
Вам майн фроинт шутить не след.
Прикажу и тайны плетью
Вырвут вместе с кровью...
— Нет!
— Вы подумайт айн слово...
.... ждать ответ.
Партизан бросает снова
Золотое слово «Нет!»

Быкодоров В. И.:

— 29 сентября по намеченному мною плану партизанский отряд перешел на территорию завода № 59. Расположились в лесу, за селом Никитовка. Задача — разгромить полицию и управу завода № 59.

Но отряд быстро обнаружили, и полиция организовала облаву. Наступление полиции на отряд начиналось два раза.

В 12 часов дня с боями были отбиты и бежали полицейские. После чего мы поймали полицейского села Никитовка Ермоленко. Вечером в 18 часов до полного потемнения полиция вторично пыталась выбить отряд. Но после длительного боя отряд без потерь возвратился на свою базу, захватив две винтовки и документы у пленного полицейского. Других трофеев не было.

Архипова Валентина Федоровна:

— Мою сестру, Валентину Лютую, фашисты схватили по доносу Петра, который живет в Малониколаевке. Лютую увезли в Красный Луч.

Отбить Ивана не могли

Быкодоров В. И.:

— После убийства следователя жандармерии Кротова начались сильные облавы. 2 октября 1942 г. итальянцы и полиция четырех районов: Ивановского, Краснолучского, Боково-Антрацитовского, Ровеньковского окружили нас в балке Христофоровской.

На рассвете слышим, что-то собаки гавкают. У нас всегда стояли посты. Но нас выдавало то, что мы готовили еду.

Полиции много. Больше ста. Нас человек шестьдесят, шестьдесят пять. Кто-то был в разведке, кто-то на задании.

Среди мужчин выделялись мужеством и смелостью Пацюк, секретарь райкома комсомола Николай Олейников. Из женщин самые решительные Есина Лида и Жукова Юля.

В облаве зажали нас, я выскочил, даю команду, а полицай в меня целится. Жукова подскочила, бах его из пистолета — и убила. Я полицая не заметил. Стою с одной стороны куста, а он с другой. И не заметил его. А она подскочила решительно — раз и готово. Смотрю, упал. Она взяла его винтовку и побежала дальше.

В Христофоровке в критический момент закопали портфель с документами. Я и Приз закапывали. В бутылку положили, потом в портфель. Когда кончилась война, приехал я сюда, а там было заминировано, и мы так с Призом ничего не могли найти, поскольку туда нельзя было подойти.

Если смотреть по карте, вот Колпаково. От Колпаково отрожина отходит... и Журавлевская балка. Вот на этом стыке, примерно в этом квадрате должна быть Казаковка. Вот в этих местах. Дерево характерное, под которым закопали. Дуб солидный. Если его не уничтожили во время войны. Закопали не глубоко, но, во всяком случае, больше метра.

Первым полицаяев заметил Иван Васильевич Пацюк. Он проверял посты и, увидев врагов, подал условный сигнал. Но в ту же минуту прозвучал выстрел. Его ранили в ногу. Фашисты схватили раненого Пацюка и сразу отправили в комендатуру. Попытки партизан освободить Ивана Васильевича были тщетны. Его уже не было в лесу.

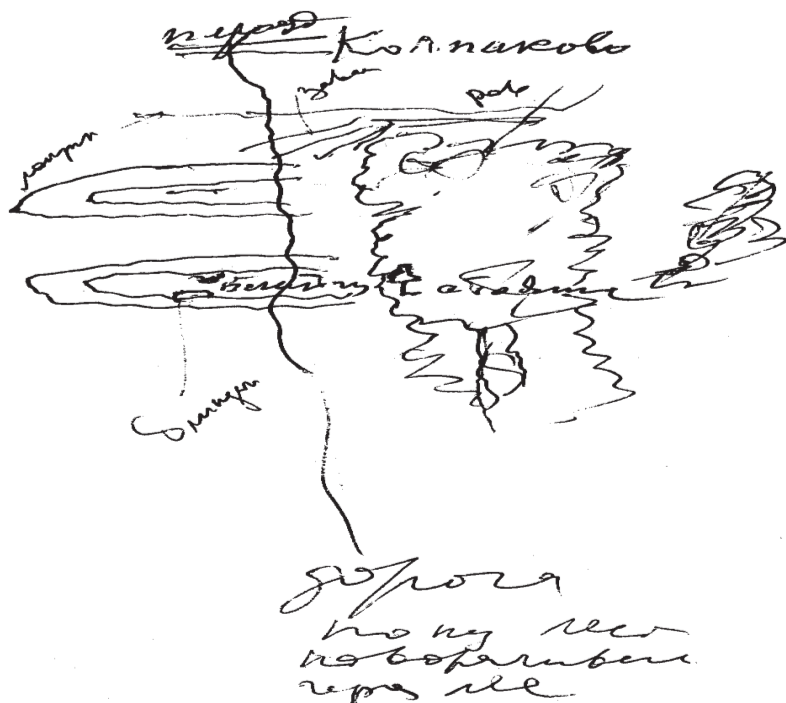
Враги окружили партизан в балке Христофоровская и хотели прижать к балке в Колпаково. Там ждали приказа дей-

ствовать части румынской армии. Но партизанам удалось перехитрить их. По балке вдоль русла ручья проскользнули, как говорится, сквозь пальцы и ударили с тыла. Завязался бой. Партизаны уничтожили пять полицейских, а под вечер — еще семерых.

Быкодоров В. И.:

— Вот на этой вот излучине Пацюка ухватили. А мы вот сюда ушли. У нас там основное базирование было. Большой лес там, а вот с этой стороны — блиндажи на бугорке и курган. Высота 292,5. А впереди завал большой. Мы были хорошо защищены. Когда нас прижали, когда Пацюка ухватили, они нас хотели выгнать сюда, к Казаковке, а мы вот по этой балке, вышли сюда, в Христофоровку, перешли и пошли на Боково-Антрацит. По балке Кленовой. И, выходя из этой балки, встретили антрацитовских полицейцев.

Потом возвратились, перешли железную дорогу и пошли в Никитовку. Ивановку миновали, село Штеровку. Пришли к родителям Николая Олейникова в Мышаровку. Девушка нам

там помогла. В Мышаровке. Это Николая Олейникова сестра. Варя.

По пути сорвали связь телеграфную, которая шла из Красного Луча в Ворошиловград. Столбов пять-шесть подорвали. Мы делали так, чтобы пролет вырвать больше, чтобы восстановить не так-то просто.

Поиск

Омельченко Мария Федоровна:

— Во время жатвы работала на поле. Отлучилась в посадку. Там увидела Ивана Пацюка. Я перепугалась.

— Немцев много? — спросил он.

— Много.

После на него вышел немец. Пацюк побежал, но пуля попала ему в ногу. Через десять минут его забрали и увезли в неизвестном направлении.

Позже, когда возвращались с работы, я увидела Лютую, круглолицую черноволосую девушку. Ее убили. Позже узнала, что за Штеровкой убили Савченко.

Игнатенко Юлия Никитична:

— Поздней осенью мы с Волковой Варварой и Савченко Марией шли на биржу в Красный Луч. По дороге увидели подводу. На ней везли в комендатуру раненого Пацюка Ивана.

Надежина Антонина Федоровна, хирург:

— В больницу поступил Леонид Сычев, 16 – 17 лет.

Вторым доставили Пацюка Ивана Васильевича — 30 лет. Тяжело ранен. Ногу ему пришлось ампутировать, поскольку она была раздроблена. Я оперировала Пацюка. В первую после операции ночь он сорвал бинты. Пришлось рану зашивать заново.

Их допрашивали. Сычев ничего не говорил.

Пацюка начали допрашивать в день доставки в больницу. Допрашивал Чапкин. Пацюк лежал на топчане. Его спрашивали, где размещены склады, кто еще в отряде.

— Я командир отряда. А кто и где, не знаю.

— Кто ранил начальника полиции Моцака?

— Я, гранатой.

Потом допрашивать его из Сталино приехал генерал. Начальник гестапо. Ивана Васильевича допрашивали в перевязочной. Его температурило. Но он держался мужественно. Не выдал никого. Ему обещали свободу.

— Я знаю, что меня ожидает, и до последних дней своей жизни останусь русским человеком, большевиком.

Его хотели взять в Сталино. Но я сказала, что транспортировать нельзя. Он умрет по дороге. Об этом меня просил Иван Васильевич.

Пацюка можно было спасти. В его палате имелась ниша, которую можно было использовать как укрытие. Но связь с подпольной организацией потеряли. Пацюк написал записку и попросил меня сходить по адресу. Но хозяйка квартиры сказала, что ничего не знает. Рана у Ивана Васильевича заживала плохо. Вставать он не мог. Даже фашисты уважали Ивана Васильевича, называли его по имени, отчеству. Говорили, что если бы все были такие коммунисты, то нас бы здесь не было.

К Пацюку на очную ставку приводили Леню Сычева. Били мальчика шлангом, издевались, но Леня твердил одно:

— Дяденька, я ничего не знаю.

Пионер

Сычева Анастасия Гордеевна, мать Лёни:

— Леонид Григорьевич Сычев родился 16 мая 1927 г. в Красном Луче. Когда ему было 4 года, мой муж Григорий Евдокимович погиб в шахте «Анненка». Мы жили тогда на улице Первомайской. Теперь этой хаты уже нет, там новые постройки. Я с детьми переехала на шахту № 10. Кроме Лени вместе со мной жила моя младшая сестра Евдокия Гордеевна (она родилась 1 мая 1910 года, а я в 1905). По окончании средней школы в поселке шахты 10/10-бис, поступила в Шахтинский пединститут. Из-за болезни окончить его не смогла. Вернулась в поселок. Работала пионерской вожатой, а потом — учительницей младших классов. В 1937 г. вступила в ряды Коммунистической партии.

К началу войны наших родителей не было в живых. Отца в 1918 году забрали казаки, и мы больше его не видели, мама, Мария Никитична, умерла в 1921 г. В 1918 г. казаки побили и брата Афанасия. С тех пор он все время мучился, но все же убежал в Красную Армию. Вернулся он уже в 1923 г. Работал на десятой шахте председателем профсоюзного комитета. Потом переехал в Новочеркасск.

Леня учился в школе, которая находилась в шахтном поселке. Учился хорошо. Все его интересовало. Особенно любил читать. Выбирать нужную литературу ему помогала моя сест-

ра Евдокия. В то время она уже работала в школе учительницей. Они любили друг друга, и Леня старался быть похожим на нее.

Леня хорошо рисовал. За помощью к нему обращались даже ребята из старших классов. Он никогда никому не отказывал. Он был трудолюбив и всегда помогал мне по хозяйству.

Когда началась война, Лене исполнилось 14 лет. Возле нашего дома располагалась мастерская по ремонту оружия Проваловской дивизии. Все ее называли почему-то ДАРМ. Леня помогал мастерам ремонтировать оружие. Конечно, он не был специалистом, но был способным, и у него многое получалось. Однажды он мне радостно сказал, что сегодня сам отремонтировал пулемет. Он хотел, чтобы его зачислили в солдаты, и начальство не возражало, даже офицер приходил ко мне, спрашивал разрешения, но мне было жалко отдавать его в армию, и я не разрешила. Потом жалела. Думала, что если бы его зачислили в дивизию, может быть, остался жив.

Когда стала отступать дивизия, я тоже эвакуировалась. Вместе со старшей больной дочерью и сыном Геней, который родился в 1941 г. от второго мужа (второй муж не вернулся с фронта).

Евдокия и Леня уговорили меня уехать. Они говорили: «Что мы, маленькие, как только немец приблизится, мы быстро убежим». Я-то тогда не знала, что они дали клятву и вступили в партизанский отряд.

Остались они в бурьянах

Быкодоров В. И.:

— Перед рассветом 3 октября мы пришли в небольшой лесок недалеко от Никитовки. Расположились. Мы пришли лишь для того, чтобы оторваться от преследователей, сбить их со следа. Но они все равно выследили нас. Мы заняли соответствующую оборону.

Часов в одиннадцать полиция Петровского начала на нас наступать из Никитовки. Завязался бой. Бой для нас удачный. Победа за нами. Мы убили одного. Остальные бросили все, побежали. Они трусы — эти полицаи. Потом опять наступают. Тут уж мы захватили двух живыми в плен. Это перед самым вечером.

Приговор суда зачитал начальник штаба Приз Николай Андреевич. Исполнение приговора поручили Юле Жуковой и

Призу. Тут предателей Родины и расстреляли. Остались они в бурьянах, а мы в эту же ночь ушли оттуда в урочище Западное.

Базу в Христофоровке немцы не тронули.

Разведка пришла вечером. Проверили все. Наша база не тронута. Но опасно сюда возвращаться. Понятное дело, сразу бы нас схватили. Они думали, вероятно, что мы придем. Приманочку оставили. Мы больше туда не возвращались. Правда, посылал я разведку. Все благополучно возвращались, узнали после, что все было забрано оттуда.

Жерздев В. Н.:

— Костогрыз рассказал мне, что они охраняют начальника полиции, старосту. Охраняют с пулеметом ручным. И что в складе при полиции есть еще шесть пулеметов ручных и восемь автоматов русских, винтовки, гранаты. Доложил Быкодорову.

А наши мечтали подорвать склад боеприпасов в Ивановке. Но сильная охрана была. Там не подступиться. Если мы это оружие возьмем, поднимем стрельбу такую, что... шесть пулеметов тех, да седьмой наш, да там уже девять автоматов будет. Командир согласился.

Как я собирался открыть склад? Раз Костогрыз меня приглашает, ему страшно, и Абинякин ходил к нему. Мы, когда он караулил здание полиции, бывали там. Мы с Абинякиным должны его зарезать бесшумно. Подготовили штык немецкий хороший.

Знали, что он заступает с одиннадцати. Все участники операции еще днем собрались у разваленного здания. Человек девять нас было. Ждем в подвале наступления вечера. От полиции метров 150.

Приходит к нам Лида Есина и говорит:

— Хлопцы, прибежала связная из Ивановки, сказала, что полиции стало известно о предстоящем нападении, и они организовали засаду. Командир приказал вернуться на базу. Никому не оставаться и никаких действий не предпринимать.

Провел ребят в лес и вернулся домой.

Через некоторое время прислали связного:

— Репетиция отменяется и никакого больше возврата.

— Что такое?

— Тебя сегодня на репетиции должны взять.

Я сказал знакомому Костогрызу, что ухожу, мол, Петя, в

Ростовскую область, в Сальские степи, так что скоро не увидимся. Пошел в отряд. Больше я в клуб не вернулся.

Домой приходил, но уже не открыто.

В отряде меня все знали под фамилией Маслов. Как я Масловым стал? В войну у нас стояли пограничники. До девчат я пошел, и они пришли. Получилась драка. И когда я стал работать художественным руководителем, подготовил первый концерт. Я должен был петь песню. Глянул в зал, там участковый милиционер сидит. А меня искали. Абинякин конференсье был. Говорю:

— Жора, ни в коем разе не называй мою фамилию. Видишь, милиционер сидит, скажи, что Маслов я.

И вот с того момента я был Масловым. Это меня спасало и тогда, и в отряде. Ходил я, например, к Яровой Василисе, она коммунисткой была. Предатель ее выдал. Вот вертаюсь от нее, встречаю двух полицейских, они у меня в самодеятельности были. Идут на Петровское. Спрашиваю:

— Где вы идете?

— Да идем одного партизана арестовывать.

— Кто такой?

— Да Жерздев.

— Да какой там партизан! Сопляк там такой... Вертайтесь назад. Да его сейчас и нет, поехал хлеб менять. Да я его каждый день видел. Он никуда не отлучался. Партизаны-то под Штеровкой где-то.

— У нас задание. Мы должны его арестовать.

Ну и пошли. Потом опять как-то встречаю их и спрашиваю:

— Ну, что арестовали?

— Арестовали.

— Ну и что ему?

— Да повесили. На столбе уже давно болтается.

— Жаль, — говорю, — парня. Какой там он партизан!

— Да, — говорит, — если бы его поймали, тогда бы повесили. А так не поймали.

— Я же говорил, что он ушел.

Поиск

Волховитина (Кривицкая) Т. И.:

— Мой брат Володя Кривицкий учился в 29-й школе. После школы работал во втором цехе химзавода. Отец работал на железной дороге. Мы жили на улице Пизина балка в домиках мастеров. Я жила здесь же, была замужем. Брат часто приходил ко мне. Когда началась война, он записался в истребительный батальон. В этом батальоне были и Кролевецкий, и Савчук.

Что делала группа?

Подорвали состав на местной железной дороге, мешали вывозу зерна. Однажды отобрали у полицаев подводы с зерном. И обрезали у них пуговицы на одежде.

Хотели сжечь дрова у клуба Шевченко, где собирались немцы отдыхать. Стали помогать мальчишкам рубить дрова. А когда попытались поджечь, увидели немцы. Избили. Сильно, но наши ребята твердили, что хотели покурить.

Как группа поддерживала связь?

Ездили на велосипедах. У Володи были маленькие фотографии ребят. Когда я говорила ему, что кто-то приезжал, он показывал мне фотографии, и я указывала на портрет посетителя.

Я не знала о том, что брат борется. Обо всем узнала от девушки Вали (жила в поселке шахты), с которой он сидел в тюрьме. Он ей все рассказал.

Когда забирали брата, у меня умирала дочь, потому помню дату. Это было в ночь с 8 на 9 октября 1942 г. Володя пришел домой часов в 9 вечера. Решили, что отдохнет часов до трех утра и уйдет. Нужна была теплая одежда. Мы уже спали, когда стали стучать.

— Кто?

— Полиция!

Открыла дверь, вошли Воровский, Селиверстов И. И.

— Ага, и бандит дома!

Брат ответил:

— Еще неизвестно, кто бандит.

Его избили. Я плачу, а он сказал:

— Не показывай слезы перед этими шакалами.

Володю увели. В засаде оставили полицая.

Сестра пошла в управу узнать о судьбе Володи. Ее тоже арестовали. И отправили в ивановскую тюрьму.

До сих пор не могу спокойно смотреть на здание, в котором располагалась жандармерия. Это напротив сквера в Ивановке по левой стороне.

Володя передал через Валю информацию о себе — за что его приговорили к расстрелу. Он просил отдать его лучший костюм племяннику.

Жерздев В. Н.:

— Я уже был в отряде, надо было доставить муку. Мать моя сухари сушила, хлеб пекла для партизан. Есина, Загорская приходили с мешками и уносили в отряд. Хлеб пекли и у нас, и на других квартирах.

Однажды командир отряда говорит, что надо отвезти мешок муки домой.

— Подбрось туда, а потом придут, заберут.

Мать, Олимпиада Васильевна, уже была в курсе дела, включилась в работу. У нее и явочная квартира была, и хлеб пекла, и сведения доставала.

Хлеб пекли на трех квартирах. Мать моя пекла, и у Олейниковых пекли. Они брали муку у меня. Приходили бабы, чтобы подозрения не было...

И вот мы взяли мешок муки, погрузили на тачку. Везем муку, слышим, в лесу визжит поросенок и кабан кричит. Это итальянцы собирали «дань» и не могли управиться с животными. Трое итальянцев подскочили к нам, а вообще их там много было, и стали требовать, чтобы мы выгрузили муку и отдали им коляску. С нами был Жора Абинякин. Он хорошо говорил по-немецки, а по-итальянски не умел. Вообще он немцев не боялся, потому что его запросто принимали за своего, а вот итальянцы — другое дело. А в нашем районе больше было итальянцев, чем немцев.

Жора говорит итальянцам по-немецки «нельзя», а они не отстают. Тогда он замахнулся на нас палкой:

— Пошел, руссиш швайн, — говорит. Мы тронулись, а итальянцы ухватились за тачку и не пускают, продолжают угаривать:

— Мы и деньги тебе дадим, — показывает. — Только отвезем на станцию и сейчас же вернем вам тачку.

Подошел Жора к кабану, посмотрел, выругался, взял карабин и шарах! Убил кабана. Стали итальянцы благодарить его, удивлялись, как это они сами до этого не додумались. А мы тем временем ноги на плечи, и пошел...

Самолет

Быкодоров В. И.:

— 8 октября сожгли самолет, находящийся у посадки на перегоне станции Штеровка – Эротейдовка.

Начались усиленные облавы карательных отрядов с применением всех средств борьбы и розыска.

Жерздев В. Н.:

— С Абинякиным взорвали самолет. Костогрыз Петро рассказал о том, что у Фромандировки самолет сделал вынужденную посадку. Самолет охраняет полиция. Мы хотели дожидаться, пока его отремонтируют, и улететь через линию фронта к своим. Но оказалось, что в самолете нет горючего. Сказали, что привезут его к отлету. Пришлось взорвать самолет. Пришли мы вдвоем. Абинякин в немецкой форме. Говорил по-немецки.

В балке Тамара было два ящика взрывчатки, но не было запалов. Их я выменял у мальчишек.

Подошли к самолету. Я остался на значительном расстоянии, а Абинякин подошел к полицейским, попросил воды. Мы заметили, что вода стояла у посадки. Когда полицейский пошел за водой для «господина офицера», Абинякин поставил мину. Мы пошли обратно. Через полчаса прозвучал взрыв.

Землянки были армейские

Быкодоров В. И.:

— После облавы ночью 2 и 3 октября отряд изменил место своего нахождения, перешел в лес за Ивановку в направлении Малониколаевки в урочище Западное.

Западную выбрали, потому что лесок побольше. Подходы и переходы в другие балки из нее возможны. Мы рассчитывали перебазироваться в район Красной Поляны. Вдруг нас прижмут, маневр можно сделать.

Землянки были армейские. Это учили. А дело подходило уже к зиме. В октябре. Мы жили в шалашах, правда, но землянки эти ремонтировали, устраивали, готовились к зиме. В шалаше человек пять, шесть. Десять шалашей было. Строили каждое звено себе. А землянки использовали в плохую погоду. В землянках сыро... восемь землянок использовали. Одна была кухней, другая штаб... Ну а штаб что? Мы же и в штабе жили.

Штаб отзанимался — и спи. Солома, сено... На полу прямо, а что ж...

Печка была, готовили. Эту печку сложили из камня Приз Николай Андреевич и Лебедь. Там у нас была кухня, варили все. Она у нас была даже обмазана. Печка обмазана и кухня. Девчата помазали, чтобы она была чистая, сыпалась же земля. А в штабе не было никакой печки. Никак не обогревалось. Так еще же было не холодно. Тогда мы как-то привыкли к этому, закалились.

Чем нам эта балка была удобна? Вода здесь хорошая, пить, варить все.

Жерздев В. Н.:

— Нам с Жорой Абинякиным пришлось идти в Ивановский хутор. Достали подводу, он надел немецкую форму, и пошли мы. Подводу взяли у одного немца. У меня водка была. Подпоил его. Немец клялся, что он коммунист. А я говорю ему:

— Дай мне подводу, раз ты коммунист. Мне дров привезти надо. Мать вон мерзнет.

Дал, и мы поехали. Я за переводчика у Абинякина. Приезжаем к старосте. Я говорю:

— Партизаны разграбили наше продовольствие. Сегодня, вот, кушать нечего у нас. Для немецкой армии нужны мука, мясо, масло.

— Где я вам возьму? — отвечает.

Жора говорит, а я перевожу. Я-то, конечно, не понимал, что он говорит, но зато мы знаем, зачем приехали. Староста отпирается, я перевожу, слов сто немецких знал, в пьесе играл в клубе, но связи никакой не было между этими словами. А Жора как заорет! А я себе:

— Так что, партизанам даете, а немецкой армии нет! Если через полчаса не будет, повесим!

Он помчался, мешка полтора муки собрал, масла постного, мяса. Мясо и масло взяли в отряд, а муку на квартиру отвезли, чтобы хлеб пекли.

Перчев Иван и другие

Жерздев В. Н.:

— Когда стало известно, что меня уже ищут и ловят, и знают, кто я, соседи (Перчев Иван и другие) перегородили коридор в бараке, мол, не хотим жить с партизаном. И чтобы легче было поймать меня. Приходил домой только ночью. Мой

сарай и соседский рядом стояли, а между сараями — промежуток. Я с двух сторон забил. Получилась пустота. Когда приходил домой, травинку высуну в щелочку, а мать проверяет ежедневно. Если я ушел, она ждет. Глядь, есть травинка. Идет в сарай. А в сарае тоже доска не прибитая. И в огороды выход есть сзади, и в сарай. Попроюсь в эту загородку, тут у меня кожух постеленный, и жду, пока мать придет. Заходит в сарай, разговариваем. Поговорим, и уйду.

Мать знала, когда буду, и в сарай наведывалась. Шла набрать будто бы дров, угля. С одной стороны я заминировал. Рассчитывал, что они будут идти только от барака. У меня был индуктор и батареи. Я натянул с завода. Батареи кислотные. Рассчитывал, если вдруг чего, сделаю взрыв, с сарая задним ходом, и пока они разберутся что к чему, а я дам хода.

Домой я уже нанес себе оружия. У меня было три польских карабина. Потом на дороге подобрал нашу винтовку. Принес и гранату. Мин наносил, заминировал, по-над погребам две мины заложил с электрическими детонаторами. На случай, если придут забирать...

Я если приходил, в доме не ночевал.

Осталось двое детей

Олейникова Татьяна Антоновна:

— С Дусей Гуленко познакомилась в 1941 г., когда они переехали в Петровское. Они жили рядом. Сестра моя Анна Антоновна вместе с Дусей входила в Ивановский партизанский отряд. Когда Евдокия уходила на задание, я оставалась с ее детьми. Помогала чинить и доставать одежду для партизан, доставала и продукты.

Однажды к Дусе явился полицай Николай Криновецкий. Она поддерживала с ним связь для маскировки. В это время она должна была отправиться в отряд, доставить продукты. Я, пока Дуся заговаривала зубы полицая, складывала продукты в мешок: хлеб, сало, помидоры, налила керосина. Он использовался для освещения землянок.

Дуся сказала полицая, что ей нужно сейчас ехать в Красный Луч, чтобы получить часы, которые сдавала в ремонт, и пожаловалась, что часовщик за их ремонт требует керосин или бензин. Полицай побежал домой за керосином, а Дуся в это время взвалила мешок на велосипед и отправилась к партизанам.

Олейникова В. А.:

— Сестра Варя жила дома, но часто уходила, к ночи возвращалась. 9 октября в первой половине дня Варя собралась к Евдокии Прохоровне Гуленко. Взяла с собой полбанки бензина, спички, фотографии для переделки документов Николаю Антоновичу. А сверху положила материю, как будто бы шить платье.

Как только зашла к Гуленко, та сказала, что в саду ждут полицейские. Те сразу зашли, вывели из дома, посадили на бортовую машину. Гуленко успела выпрыгнуть и побежала огородам к хлебозаводу. Но ее убили.

Об этом мне рассказала Варя утром 17 октября, когда ее, меня и Виктора Романенко завели в маленькую комнату перед отправкой в Красный Луч.

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— Некий Скляр, назвавшийся партизаном, назвал имя связанной: Гуленко Евдокия. Живет на станции Петровеньки. К ней по ночам приходят партизаны.

Голофаев вызвал Раису Чижик, агента группы «Петер», и дал задание поселиться в квартире Гуленко или по соседству. У нее была записка коменданта для того, чтобы ее не задерживали. Но произошло непредвиденное. Расставленные на динамитном заводе посты открыли по партизанам стрельбу. Гуленко пыталась бежать, но была убита.

Литвинова М. Е.:

— Я не видела, как все происходило, мне рассказали люди.

Было еще тепло. Ходили без плащей. Гуленко Е. П. огородами вышла к хлебозаводу. У нее в руках был узелок. Она жила на улице Шевченко. Говорили, что за Гуленко следили. Когда она вышла на дорогу, в нее выстрелили. Ее убили. Увезли на телеге в местную больницу.

Полицейские в городе зверствовали. Стреляли, а потом думали.

Ефросинья Леушкина (Гуленко):

— Я стала свидетельницей гибели Евдокии Гуленко.

Она оставила детей в закрытом доме, пошла на связь. Возвращаясь домой, увидела, что у ее дома — засада.

Сорвав с головы серый платок, сняла черные туфли, взяла их в руки и бросилась в балку. Но ее догнала разрывная пуля.

Я жила рядом с Гуленко. Сразу побежала к ней домой, открыла детей и вернулась вместе с ними к Дусе. Она лежала на телеге без сознания. Полицай еле разжали руки, в которых удерживала туфли, и надели ей на ноги. Телега направилась в больницу.

Что было потом — не знаю.

В гибели Дуси виновен предатель Гнутенко, который выдал многих членов Ивановского партизанского отряда. Пуля, которая догнала Дусю, послана полицаем Селиверстовым. Полицай Иванов также находился в этой засаде. Дуся Гуленко погибла 9 октября 1942 г.

Глазычева Антонина Ивановна:

— В больницу Дусю Гуленко доставили в тяжелом состоянии. Она была ранена в область печени. Открылось внутреннее кровотечение. Ее уже невозможно было спасти. Вскоре явились немецкие представители и полицай. Они хотели ее спасти, а потом предоставить пыткам. Здесь же они расспрашивали Дусю о партизанах, но она ничего не ответила.

Дуся спросила, будет ли жить? Я глазами показала, что не будет. Говорить с ней не позволяли.

Евдокия постепенно умирала, но фашисты так ничего от нее и не добились. Она что-то говорила в бреду о детях.

Литвинова М. Е.:

— На второй день ее сын попросил меня сходить с ним в часовню. Он хотел попрощаться с матерью и взять брошь с платья матери, чтобы выменять на кусок хлеба.

Когда мы пришли, Евдокия Прохоровна лежала, как живая. Румяная, на лице испарина.

Сын Лева плакал, гладил мать по лицу, рукам. Все не мог поверить, что она мертва.

Гуленко Пантелей Иванович:

— В это время я был в Сталинграде. Мы вместе с братом шли в атаку. Брата там убило, я меня тяжело ранило.

Евдокия Прохоровна Гуленко

Родилась в марте 1913 г. в г. Клин Московской обл. Она была красивой, привлекательной, энергичной. По комсомольской путевке приехала в Донбасс. Комсомольская организация выдвинула ее для работы в органы милиции. Работала в народной милиции в Торезе. Там и познакомилась с будущим мужем

Гуленко Пантелеем. Потом их перевели на завод им. Петровского. Завод эвакуировался. Вместе с ним и Пантелей Иванович. Дуся осталась с детьми в Петровском. Больше им не суждено было увидеться.

Дусю, как активную комсомолку, оставили для подпольной работы. Она являлась связной Ивановского партизанского отряда. У нее дома организовали явочную квартиру. Она передавала партизанам листовки с Большой земли, распространяла их после размножения, рассказывала людям о положении на фронтах, подбирала и переправляла в отряд людей, которым грозила опасность, доставляла в лес продовольствие.

Погибла 9 октября 1942 г.

Олейникова Татьяна Антоновна:

— В тот день, когда у Дуси сделали засаду, мы с Анной прятались в лесу. Позже, когда я находилась дома с дочкой Анны Светой, к нам заявился полицей и забрал наши документы. Фашисты надеялись, что сестра моя Анна возвратится за дочкой. Они готовили ей ловушку. Но Анна не пришла.

Утром я перешла с детьми жить к матери. Однажды, когда меняла в Коммунарске вещи на продукты, встретила Фаину Гавриловну (фамилию уже не помню). Она сообщила, что в городе меня ищет полицей Бураков. И только мы разошлись, появился Бураков. Но Фаина ничего обо мне не сказала.

Дочь сестры Свету я вырастила. Она живет в Северодонецке, у нее двое детей.

Олейникова Анна Антоновна

Олейникова (Слесарева) Анна Антоновна. (1921 – 1942) Родилась в деревне Михайловка в районе Коммунарска в большой семье шахтера. В Михайловской школе окончила 7 классов, вступила в комсомол. В 1937 г. переехала к сестре Татьяне в Петровское (поселок завода № 59). Вышла замуж за Слесарева Филиппа Платоновича. Филиппа Платоновича призвали на действительную службу. 14 мая 1939 г. у них родилась дочь Светлана Филипповна Слесарева.

Анна была активной комсомолкой. После работы на заводе обучала женщин грамоте в ликбезе.

Война застала Филиппа Платоновича на службе в органах НКВД. Он пропал без вести.

Анна Антоновна во время Великой Отечественной войны сражалась с врагом в составе Ивановского партизанского от-

ряда. Погибла в последнем бою 16 октября 1942 г. в балке Пасечной.

Во время перезахоронения сестра опознала ее по платью, которое шила для Анны. Татьяна воспитала дочь Анны, заменила Светлане маму.

Олейникова Вера Антоновна:

— Варя 10 октября домой не пришла. Мать зажигает утром каганец и говорит:

— Соберу помидоров, пойду на базар в Петровское, может, что-то узнаю.

Но тут застучали в дверь. Пришли полицейские.

— Где твоя дочь?

— Пошла вчера в Петровское шить платье и не вернулась.

— Она уже сидит. И ты собирайся, — сказали мне.

Перерыли все. Меня арестовали. Привели в Никитовку. Там они ели, пили вишневую наливку. Потом погнали меня в Штеровку. В Ивановку пришли к вечеру. Допрос, одиночка. На допросе присутствовали немец, переводчица, полицейские. Я сказала, что живу не дома, а в Коммунарске у дядьки.

Сказала первое, что пришло на ум. Хотя никакого дядьки у нас нет.

На другой день вызвали на допрос. Посадили. Вводят Варю. Я испугалась, ведь Варя не знала, что я наговорила. Неожиданно для самой себя повторяю:

— Да, я жила не дома, а у дядьки в Коммунарске.

На меня закричали, чтоб я замолчала, но Варя сообразила, почему я так поступила и подтвердила, что меня действительно дома не было.

Я не видела Варю до 17 октября.

Леушкина (Гуленко) Ефросинья:

— 11 октября 1942 г. я насовсем забрала к себе детей Евдокии Гуленко.

Сколько горя пришлось пережить из-за них. Фашисты постоянно следили за домом, а ночью устраивали засаду, надеясь, что партизаны придут за детьми. Но я не отказалась от детей.

Явился полицай Лаврухин с огромной овчаркой и всю ночь дежурил в комнате. Нас с детьми могли расстрелять.

Гуленко Лева:

— Нас взяла к себе Леушкина Ефросинья. Гале пять лет, мне десять. Однажды она исчезла.

Леушкина (Гуленко) Ефросинья:

— Однажды я отправилась вместе с дочкой обменивать вещи на продукты. Нас схватили и заперли в сарае в Петровеньках. В нем было уже много женщин и детей.

В этом же сарае умерли две маленькие девочки. Утром сарай обложили соломой, хотели сжечь нас. В последний момент прибыл офицер и приказал вести всех арестованных к железнодорожной станции. На станции дочка попросилась в туалет. Я схватила ее, нырнула под вагон и очутилась на железнодорожной насыпи. Вокруг не было ни души. А перед глазами вдалеке маячила 152 шахта. Там жили родственники. Забыв обо всем, направилась с дочкой к шахте и вскоре оказалась у родственников, где и прожила остальные дни оккупации.

Это произошло 16 июля 1943 г. Как потом оказалось, в тот же день на фронте погиб мой муж.

Гуленко Лева:

— Немцы забрали меня и повезли в Германию, но в Дебальцево что-то произошло, и все, кого везли, оказались на свободе.

Меня подобрал слепой мужчина. Я стал его поводырем. Позднее мы попали в Чистяково. Там встретили еще одного слепого. Оказалось, что он знает моего отца, Пантелея Ивановича. После войны мы нашли отца, и я вернулся в семью.

Сушко Александр Максимович:

— Черный Михаил до войны работал председателем (посовета), был членом Ивановского партизанского отряда. Во время одного из боев схватили немцы. В Ивановку привезли раненого. Отправили в краснолучскую жандармерию. Потом сбросили в шахту № 151.

Перед оккупацией Михаил Черный тайком перенес весь архив Совета в погреб (матери) и замуровал там. Когда пришли наши, архив перенесли в Совет.

Он землю ел

Быкодоров В. И.:

— 12 октября по моему приказу, под моим руководством группой была взорвана железная дорога и линия связи на пере-

гоне станции Колпаково – Штеровка. Движение поездов было остановлено почти на сутки. При взрыве дороги впереди эшелона шли площадки, груженные камнем. Так что взрывом были повреждены только площадки.

Олейникова В. А.:

— 12 октября в тюрьму привезли отца.

Нас выводили на прогулку. Говорить запрещали.

Быкодоров В. И.:

— В доме Ковалевых хранились листовки. Нагрянули немцы, устроили в доме обыск. Ольги дома не было. Мать успела спрятать бумаги в дымоход, и их не нашли.

Оля часто бывала в селе Штеровка, где жили ее друзья. Она успешно выполнила задание в Дебальцево, а под Чернухино, где вместе с товарищами пыталась уничтожить немецкий эшелон с горючим, ее схватили, отправили в краснолучскую жандармерию и подвергли пыткам.

Олейникова Т. А.:

— Я шла из Михайловки и видела, как Ольгу Ковалеву вели два полица. Гнали в Ивановку пешком. Босая, избитая. Лицо в синяках, косы распущены.

Жукова Ю. Ф.:

— Ольгу Ковалеву взяли на явочной квартире в Никитовке, когда ходила на связь. Выдал ее полицей Шестаков.

Мы с Олейниковым и Безгинским пошли в Никитовку, выследили полицая Шестакова и зачитали ему приговор партизанского суда. Он землю ел, просился, чтоб не расстреливали. Но он же арестовал и вел Олю. И у Николая Антоновича не дрогнула рука. Тут же он его сам застрелил. Между Никитовой и Елизаветовкой.

Бурлака В. Д.:

— В 1942 г. мне было 12 лет. Запомнился последний день, когда видел маму. Мы в тот день работали с ней на огороде. С нами была моя четырехлетняя сестричка.

— Вы работайте, дети, — сказала мама, — а я пойду, мне надо в Ивановку.

Больше я ее не видел. Несколько раз залазил на крышу, смотрел, не идет ли мама. Мы остались с сестрой вдвоем. К нам приходила бабушка. Она тоже жила в поселке Штеровка. И мы ходили к ней. Но жили отдельно. Там была своя семья.

От людей и от бабушки слышал, что маму арестовали в Ивановке на бирже труда. Знаю, что арестовывал ее полицей Литвиненко, который жил в Елизаветовке. Это было в октябре 1942 г. Расстреляли маму вместе со всеми.

Жерздев В. Н.:

— Когда узнал, что меня ищут, попросил командира разрешить мне вывезти мать. У меня старшая сестра жила в Ореховке. Брат в армии с первого дня войны. Он и умер в плену. Получили такое извещение. И я попросил вывезти мать. В Таганроге родственники были. «Подожди, — говорит. — Вернется один товарищ, он в Ростов пошел, вот тогда я вас и пушу». Не знаю, вернулся тот товарищ или нет, а снова говорю командиру:

— Тянуть нельзя. Хлеб она все равно уже не печет, нельзя. Вывезу ее...

— Ну, с тобой ничего не сделаешь, иди.

Он вообще нас с Абинякиным считал такими упорными, что если вдруг чего... мы решили, как говорится, как на смерть идем. Если что-то сделать, командир говорит:

— Опасно, не надо идти.

А мы просимся:

— Мы сделаем, пустите нас.

Вот он меня и отпустил. Я хотел с родственниками договориться, чтобы мать пожила у них. Думал, перевезу ее, ей там будет легче, ее же никто не знает там. А там оказалось, что уже всю семью уничтожили. За подпольную деятельность.

Пока ходил, мать арестовали.

Последний бой

Жукова Ю. Ф.:

— На связь с подпольным обкомом ходили редко.

Нужно было идти за Ворошиловград в поселок Красный Яр, подойти к зданию, где до войны готовили молодежь к армии (сейчас там турбаза). После войны уже узнала, что ходила на связь с первым секретарем подпольного обкома партии Стеценко Степаном Емельяновичем.

В очередной раз мы с Лидой Есиной получили задание идти с донесением в обком партии. В район Краснодона. Поселок, по-моему, Суходольск. Мы пришли туда, отдали донесение. Встречал нас там Стеценко Степан Емельянович.

Он расспросил детально, в каких условиях сражаемся, го-

лодны ли, покормили, даже дали возможность помыться, сказал: «Будьте осторожны. Ни в коем разе не выдайте себя в разговорах. Основная задача — все во имя Победы. Нужно уничтожать фашистов».

Мы с Лидой отсутствовали несколько дней, а когда возвратились в Зеленый Гай, на базе никого не обнаружили. В тайнике нашли почту. Узнали, что они передислоцировались.

Нас заранее предупредили, где в таком случае нужно искать отряд, и мы утром прошли через Казаковку по улице Матвеевке, пересекли Ивановку и по балке добрались до новой стоянки. Мы по бугорочку, через Ивановку пришли с Лидой на базу. То есть, уходили на задание с одной базы, а вернулись на другую.

Когда шли в балку Пасечную, видели, что костры горят над дорогой, слышали лай собак. Такая дымка была...

На наблюдательном пункте находился Мезеря Андрей Георгиевич. Пожилой мужчина. Он сидел на дубе. Когда мы подошли, он сказал:

— Наблюдаю какое-то марево. И тени движутся. Плохо вижу.

Я поднялась на дерево и увидела, что из-за бугорочка немцы идут. Рукава закачены. Доложила Быкодорову, всех подняли в ружье.

С 7 часов началась облава. Горстка партизан была окружена двойным кольцом хорошо вооруженных врагов.

Быкодоров В. И.:

— Я приказал всем занимать оборону. Приготовились. Слышим собак, какие-то звуки, стук... Нас окружили. Это были якобы войска регулярные. Полиция была с одной стороны, и эти войска были — регулярные или СС. Стрельба. У них пулеметы. Расстояние далекое, гранаты не применяли. Автоматы и пулеметы.

Мы приняли бой. Сколько их? Много, густо шли. Против нас сила утроенная, считай.

Жукова Ю. Ф.:

— На флангах — пулеметы. Со стороны Малониколаевки — Олейников Николай Антонович. Не помню вокруг себя других. Только помню сидящего Николая Антоновича. Он ранен в ноги. Его слова, выстрел... Я уже видела эсэсовцев, огромных овчарок.

Быкодоров В. И.:

— Продержались с рассвета часа два. Не меньше.

Жукова Ю. Ф.:

— 16 октября день выдался теплый, но с утра был сильный туман. Воздух влажный. Когда взошло солнце, туман постепенно исчез. Нам было жарко. Я слышала, как стрелял второй пулемет. Для меня бой шел долго...

Лебедь М. К.:

— Езолко Дуся и Есина Лида погибли на поле боя. Они первыми начали стрелять. Дусю перерезало автоматной очередью. Есину тяжело ранило. Подбежал к ней, а она просит:

— Добейте меня.

Она умирала. Я ничем не мог помочь ей. А автоматный диск у нее взял — нужно было отстреливаться.

Быкодоров В. И.:

— Комиссара убило сразу. В первый момент боя его убило.

Шли с левой стороны балки и с правой стороны балки. Сосредотачивались с хутора Западное. И с бугра как начали они сыпаться... Все вступили в бой. Мы открыли огонь, и они стали приостанавливаться. Пулеметчик Романенко открыл огонь, и они притихли. Один пулемет бил вправо, а второй влево. Ну и все, значит, с винтовками, у кого что было, положились. Каждый занимал себе место, но кольцо сжимается. Они нахлынули сильно, автоматный огонь пошел сюда. С той стороны, с высоты, сверху, сзади на нас шли немцы. Отсюда полиция, а оттуда немцы. Сильный автоматный огонь пошел.

Жукова Ю. Ф.:

— Со стороны Ивановки шли... А справа, слева были полицаи. Наверное, не только Ивановского района. Большое количество. Немцы с собаками. С цепями такими, написано «SS», и овчарками. Это же не просто немцы. Нас человек 35 – 37. Чудо, что остались в живых.

Строчит пулемет. Это Олейников Николай. Стремился задержать врага. Были раненные, убитые.

Быкодоров В. И.:

— Ранило Романенко. Олейникова ранило. Он мне кричит: — «Пристрели!» — Что ж я... позволю это сделать?! — «Ну, комсомольцы не сдаются!»

Приставил к виску... Выстрелил в себя...

Ну, потом пулеметный огонь. Я взял пулемет. Стрелял, пока диск кончился. Дегтярева пулемет — 48 патронов. Промет диск, пулемет бросил. Стреляли все. Может, я кого убил, может, и никого не убил. На расстоянии не сильно-то разглядишь. Это ж бой. Но падали. В бою нет возможности заметить чей-то героизм, чью-то самоотверженность, присматриваться к поведению отдельных товарищей. Все шли именно на смерть. Ни один человек как-то чтобы спрятался за куст куда-то или чтобы прикрыл голову. Все шли впрямую, и, действительно, героически шли все. Все шли решительно. На любой бой, на любую операцию. Ну, конечно, проявляли героизм, способности свои, таланты. Некоторые, конечно, не сравнить с другими. Такие были, как Пацюк, Приз, несмотря на то, что был с одной рукой. Действительно решительный был человек. Молодежь — Жукова Юля, Безгинский Володя, Романенко Виктор, да все. Григоренко убили. Она шла в бой, стреляла как мужчина. Она была сильная, энергичная, пожилая в то время была уже, старше нас, но она решительная такая.

При мне были убиты партизаны Есина Лида, Олейников Николай, Олейникова Анна. Все начали укрываться, кто как мог.

Жукова Ю. Ф.:

— Положили мы много немцев, но и наши полегли. Здесь погибла Анна Антоновна Олейникова, здесь погибла учительница Григоренко Екатерина Никандровна. Она уже в возрасте была. Она не выдержала этого ужаса. Она обняла дерево и так возле этого дерева осталась. Мне кажется, она не ранена, у нее разрыв сердца случился. Она обхватила дерево — и все. Ужас такой был. Все, что у меня осталось. Это мне запало в душу... Ночью снится. Олейников Николай Антонович лежал за пулеметом... Он ранен. Истекал кровью...

Я проходила мимо, и он сказал мне: — «Застрели меня...» — «Рука не поднимется, не могу». — «Ну, тогда оставляй мне свой пистолет». — У меня полная обойма. Отдал мне свой...

Он тяжело был ранен. В обе ноги, в живот. Он только сказал Безгинскому: — «Прикрывай, Володя, — он с пулеметом был. — Пусть отступают».

Селявина В. П.:

— Два комсомольца — Безгинский Владимир Акимович и Ермоленко Сережа, им было по 17 лет — добровольно остались прикрывать отход партизан и погибли.

Быкодоров В. И.:

— Пришлось уходить с боями. Отстреливались, но мы не могли против них ничего сделать. Они были сильнее нас. Я дал команду отходить по этой лощинке. Все начали отходить. Одна группа отходила со мной по направлению села Орехово. В результате чего все ушли. Только ранили Шеховцову Марию и Романенко Виктора. Мы по лощинке пошли по направлению на Красную Поляну. Через поле надо было перейти. Ну, шли-то как? Сколько есть духу. Они за нами, правда, шли, но у них, видно, или мотоциклов не было, что они нас не догнали... И как раз противотанковый ров проходит. Мы вскочили в противотанковый ров и обманули вторично. И уже мы оторвались от них, пули не достают нас. И пошли, пошли, пошли...

Вышло нас 18 человек. А на начало боя было около пятидесяти. Ушли. Там в разные стороны разбежались.

Прикрывать остался Мезеря Андрей. Он оставался. И тоже погиб там.

Приз Н. А.:

— Мне удалось спастись во время последнего боя, потому что залез на дерево и переждал, пока пройдут немцы. Когда окружили, все начали стрелять, немцы бросились, ага, вот здесь и кольцо несколько разжалось, и наши ушли. И Быкодоров, и другие. Я сидел на дереве и видел, как Мезеря сжег какие-то документы, бросил часы карманные и последнюю пулю...

Немцы и пробежали уже, но Мезеря болел, у него был кашель. Они уже были за камнем, а он закашлял, и они вернулись. Может быть, он и остался бы. Там, где стреляли, они уже пробежали, а он закашлял. Он очень болел. Ему еще до войны из Ворошиловграда привозили врача.

Шкапенко, дочь Мезери А. Г.:

— Потом еще один полицей рассказывал, что папе говорили: «Не стреляй, сдавайся, будешь у нас работать». Его хотели взять живым, конечно. И не стреляли в него потому, что надо было живым, но подбежали, а он уже... А вместе работали до войны с этим полицейским.

Мезеря Андрей Георгиевич

Родился в 1905 г. в поселке Ивановка в семье крестьянина. Здесь же окончил семилетнюю школу. Работал на Ивановском станкостроительном заводе токарем, начальником снабжения. В 1930 г. женился. На свадьбе были все его друзья, они были счастливы вместе с ним. Андрей Георгиевич Мезеря был добрым, чутким, отзывчивым человеком. Товарищи по работе уважали. О нем тепло отзывался директор завода Г. И. Бобров. Работал и начальником райкомхоза.

В 1941 г. включен в состав истребительного батальона, позднее — в Ивановский партизанский отряд. В истребительном батальоне был старшиной. Находясь на временно оккупированной врагом территории, проявил себя истинным патриотом Родины.

Быкодоров В. И.:

— Со мной пошли Шеховцова, Жукова, Лебедь, ребята из военнопленных. В общем, нас было 18 человек. И ушли. Приз Николай Андреевич как-то смог спастись. Остальные пошли отходить, отходить.

Кое-кто остался в живых. После их всех переловили. А те, которые пошли со мной, пошли, пошли, пошли.

Жукова Ю. Ф.:

— Мы оборонялись, но прорваться всем отрядом не могли. Так получилось, что я последней уходила оттуда.

Когда дошла... высота была такая. Я старалась выйти из кольца врагов. Сделать это незаметно не удалось. Слышала за собой крики и выстрелы. Через холм бежала уже пригибаясь. Ясно ощущала свист пуль слева и справа от себя. Думала, что хотят взять живой. Вижу, что немцы и слева, и справа. А здесь противотанковый ров: он проходил к Малониколаевке. Я вскочила в этот ров и мне не видно, где немцы, слева или справа. Увидела ступенечки. По ним вышла. Слева была Булаховка, справа женщины цепями обмолачивали зерно. Это было уже в шестнадцать часов. Я подошла туда, они говорят:

— В село не заходите, в селе немцы, и много.

Попросила воды.

Решила идти к лесочку. Там глинище. Передохну. Сидела на корточках.

Это твой сын?

Омельченко:

— Осенью 1942 года, когда разгромили Ивановский партизанский отряд, мне сказали, что убитых партизан повезут на телегах по всему поселку. В том числе и моего зятя Мезерю Андрея. Когда трупы свалили у «крысодавки», я пошла и стала искать Андрея. Мезерю узнала по фуфайке. У него была цветастая подкладка. Но меня увидели немцы. Один гнал за мной через весь поселок.

Олейникова А. Я.:

— Трупы партизан привезли во двор немецкой комендатуры. Вокруг стояли часовые. Щекой прильнула я к узкой щели и увидела во дворе на бричке небрежно сложенные обезображенные человеческие фигуры. Лица их были окровавлены, вспухшие. Оpoznать их было трудно. Один из трупов был одет в серую шинель без головного убора. Это был мой сын. Но подойти к нему я не могла. Полицаи не подпускали к погибшим.

Олейникова В. А.:

— Когда тело Николая Антоновича привезли в комендатуру, из камеры выпустили отца, спросили:

— Это твой сын?

— Мой.

Ноги у Николая были перебиты пулеметной очередью. Правая рука у виска застыла.

Брагин В. Н.:

— Рассказывали, что в Западной партизаны много побили полицейских и немцев. Партизан побитых привезли в полицию, и меня вызывали посмотреть, кому надо оказать помощь, может, кто раненый там был. Киреев еще стонал. А все остальные мертвые были. Если бы кто-то выжил, они бы терзали его, казнили. Вот для чего они нужны были.

Киреев Дмитрий Федосеевич

Родился в 1904 г. в Брянской области в семье крестьянина. Когда стал взрослым, приехал в Донбасс, работал на шахтах в Антраците. Здесь же вступил в комсомол, а затем стал коммунистом. В 1931 г. учился в Сталинской школе марксизма-ленинизма. По окончании работал редактором районной га-

зеты «Знамя Стаханова». Позднее был избран секретарем райкома партии. Потом направили в Бессарабию. В 1941 г. семью эвакуировал в Саратов, а сам поехал в Ивановку. Работал политруком в МТС. Комиссар Ивановского партизанского отряда. Организовал выпуск и распространение листовок. Руководил операцией по захвату оружия в комендатуре на станции Петровеньки. В сентябре 1942 г. во главе 5 партизан в совхозе «Сталинский забой» арестовал и расстрелял двух полицейских.

Погиб во время последнего боя в балке Пасечная.

Посмертно награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

Явки провалены

Жукова Ю. Ф.:

— Когда стемнело, пустилась в путь. Услышала разговор. Оказалось, это шли наши: Быкодоров, Шеховцова Мария, раненная в руку, Приз Николай Андреевич, Лебедь Михаил Калинович. Он ранен в ногу. Мария ранена в руку разрывной пулей. В правую руку. Рана тяжелая. Разрывная пуля кость задела выше локтя. И хотя мы промыли рану и перевязали, чтобы спасти Шеховцову, нужна медицинская помощь. Я должна была идти за помощью к врачам. Пришла в Ивановку, к Брагину Василию Никитичу. Его уже не было, его уже забрали. Прежде чем зайти к ним, понаблюдала. Я знала его дочку. Она такая, как я. И я же спрашиваю не его, а дочь, подругу. Ира сказала:

— Папу посадили.

Следующая явочная квартира, где можно было рассчитывать на медицинскую помощь, находилась в Красной Поляне. Фамилия хозяина квартиры Безуглов. Когда я пришла туда, явочная квартира тоже уже была провалена. Когда возвратилась, решили идти в Ровеньки. Приз и Лебедь знали явки.

Быкодоров В. И.:

— Романенко ранен. Прошел немножко с нами, и остался, дальше он не мог идти. Остался, пришел в Штеровку, и его забрали. Сам он Штеровский. Он ранен был в живот. Помочь ему было нельзя. Как ему поможешь? Спрятать где-нибудь? Но где? Только не в Штеровке. Вот самое главное в том, что идут домой. Это самое плохое дело. Он дома, говорят, побыл два дня, а там сразу же обнаружили.

Шакалы-полицай

Руденко В. Н.:

— Моя мама Мелания была ответственная за сбор молока у населения. И до войны, и потом, когда пришли немцы, приказали выполнять свою работу. Из собранного молока отделяли сливки и возили их в Красный Луч.

После того, как партизан разбили в Пасечной, мама возвращалась из Красного Луча. Между двух скал у дороги с Ивановки в Штеровку (на Баштах) подобрали секретаря комсомольской ячейки поселка Виктора Романенко. Эта дорога начинается с трассы Красный Луч – Ворошиловград биля Могил (триангуляционная вышка).

А мы жили як раз на краю балки. Як выходыты з лисочка, наша перва вулиця була, Комсомольская, 22. И Виктор попал до нас у дом мокрый.

Романенко сам из Штеровки. А подбирал его на Баштах вместе с мамой Зачепиленко Данил Григорьевич, кум нашего местного начальника полиции Перевертайло. Його в сели уси звали Чекой, потому что после гражданской войны работал в ЧК.

Зачепиленко нэ хотив выдавать, он просто проболтався во время семейного разговора за чаем. Каже, мы привэзлы додому до Мильки (так в сэли звали маму) Витьку Степана Гребенка (так их по уличному звать).

Мезеря А. С.:

— В поселок часто наезжали итальянцы за продовольствием. Мы старались прятать продовольствие. Например, гусей, чтобы не было видно, я пас в балке за огородами. Однажды, когда я пас гусей, заметил Надежду Мезерю. Рука ее была замотана грязными бинтами и подвязана к шее. Мы знали, что она в партизанах, а еще знали, со слов полицая Алешки Мезери (Прокофьевича), что на днях был разгромлен партизанский отряд. Вечером мы, сельские парни, собрались у ворот одного дома, разговаривали. Алешка проходил мимо нас и сказал:

— А ну, хлопцы, расходитесь по домам, а то бандиты тут действуют. Мы уже разбили одну банду за Ивановкой, но, наверное, еще есть, так что идите по домам.

Бандой они называли партизанский отряд. Когда я увидел Надежду Кузьминичну Мезерю, понял, что ей удалось уйти. Она попросила:

- Саша, не говори никому, что видел меня.
- Хорошо. А куда вы идете, что теперь будете делать?
- Пересижу пока у Галины и Пантелея Ильича Чумаченко.

Эти люди действительно приютили ее. Но она не вытерпела и решила сходить домой. Хотелось увидеть сына Сашка. Свекор Никишка Слостин накинулся на нее, обзывал последними словами, упрекал, что муж на фронте, а она черти где и с кем шляется.

Никишка, в конце концов, пошел к полицаяу Василию Забрوده, чтобы сообщить ему, что пришла невестка-партизанка. Заброды дома не оказалось.

Слостин пошел к другому полицаяу Алешке Мезере. Алешка арестовал Надю и повел ее в Ивановку по стежке, которая начиналась у нашего поселка и выходила к железнодорожной будке у теперешнего (первого со стороны Красного Луча) моста у Штеровки. После войны он говорил всем, что хотел отпустить Надежду, что возле этой будки предлагал ей уйти, куда хочет, но она отказалась. Поверить в это, конечно, трудно. Он сдал-таки ее немцам.

Поиск

Из письма Половенко Раисы Кузьминичны:

— Росли мы в семье крестьянина-бедняка Мезери Кузьмы Федоровича. В 1929 г. отец организовал колхоз в Ивановском хуторе. Его избрали председателем колхоза. Но кулаки негодовали, старались всячески вредить колхозу и весной 1932 г. подожгли колхозное хозяйство. Сгорело все: скот, хлеб. Отца осудили за халатность. Мы остались с матерью. Нас, детей, было 8 человек. Враги сделали так, что у нас все забрали: хлеб, корову, даже птицу. Тогда проходила «красная метла». Вывели семью из колхоза. Обрекли нас на голодную смерть.

Но мама не сдалась. Пошла работать на станцию Марусино водовозом. А мы, дети, как могли, помогали ей. Она получала паек на младших детей. Так и существовали. Старшая сестра Таня и брат Иван работали, но брат с нами не жил с 1929 г. Таня работала на шахте № 21 ламповщицей, а мы все еще были маленькими. Как могли, помогали матери в воспитании младших детей. Сестра Надя, которая впоследствии была партизанкой, родилась в 1916 г. В 1924 г. начала учиться в шко-

ле. Училась хорошо, хотя и было трудно. Была боевая и веселая, участвовала в самодеятельности.

Когда после четырехлетки в х. Ивановском перешла учиться на шахту 7/8, участвовала в «Живой газете». Выезжали в Красный Кут, Ивановский хутор. Высмеивали кулаков. В 1931 г. вступила в комсомол. Первая в классе отрезала косы, выступала на вечерах молодежи, призывала бороться против врагов народа. В хуторе Ивановском кулаки ненавидели всю нашу семью за то, что и дети, как отец, боролись против врагов Советской власти. Колхоз все же восстановили, и он был до самой войны, как кулаки ни старались его уничтожить.

Отца в 1933 г. реабилитировали. И он снова работал в колхозе завхозом, а потом кладовщиком.

Надя училась после семилетки на курсах преподавателей в Красном Луче. Окончив их, работала учительницей на заводе им. Петровского.

Летом 1937 г. во время каникул пошла учиться на курсы продавцов. Окончила их и стала работать в магазине. Впоследствии была завмагом в Ивановском хуторе до вступления немцев в 1942 г.

Она все время была вожаком молодежи. Оставшиеся кулаки не успокаивались, мстили отцу. В 1938 г. подожгли нашу хату. Сгорело все. Даже скотина. И в этом пожаре больше всех пострадала Надя. Ей сильно обожгло ноги и шею. Она долго лежала в Хрустальненской больнице и, видимо, все время думала, как найти врагов.

В сентябре 1941 года отец с семьей эвакуировался в Саратовскую область и предложил Наде поехать с нами. Она отрез отказалась, но не призналась, что остается в партизанском отряде.

Руденко В. Н.:

— Так от, мама с Зачепиленко привезли Виктора Романенко до нас. У нас як раз був мой дядя Шатура Григорий Маркиянович. До войны работал в Красном Луче в просвещении. Точно знаю, что у него был револьвер. Значит, не рядовой, потому что кому попало револьверы не давали.

Они закрылись в комнате, а меня выгнали. Но я все равно стоял под дверью, подслушивал. Мени ж интересно было все знать про раненого партизана. Дядя сказав Виктору:

— Ты говори правду, меня не обманешь. Я вижу, что это огнестрельное ранение.

И Виктор что-то рассказывал. Я понял только то, что спрятался он под мостом, который ведет через речку в Западное. А потом, когда немцы ушли, пошел домой. Возле Романовской и Архиповой балок його и подобрали. Шел дождь.

Выйшла сестра Ольга Назаровна (теперь ее фамилия Городенко) сказала мени:

— Бижи до Гребенникив, принеси суху одёжу.

Я и сбигав.

Потом Виктор пошел домой, а вскорости его арестовали. Дома. Арестовали и мою мать. Мы с дидом Цеберочкой сэрэд двору пылалы дрова. Приходэ полицейский, арэштовуе и мэнэ. Повив у полицию. Дывлюсь, мать выводять. З нэю нэ дали и словом обмовытысь. Заводять мэнэ в кабинет до цього Чеки — Михайла Пэрэвэртайла. Вин за батыган и на мэнэ:

— Ты за одёжою ходыв?

Ну а шо мэни? 13 лет... шо ж я буду...

— Ходыв.

— Хто посылав?

— Сестра.

Больше ничего вин мэнэ нэ спросыв.

— Давай к такой матери отсюда... — и выгнав. По-моему, мать переночувала яку-то ночь там, в подвали, а потом її тоже выпустилы. Романенко в Ивановку отводил полицай Ленька Береза. Он потом отсидел. Работал, работал и повесился.

С трудом узнала дочь

Олейникова А. Я.:

— В помещении этой же комендатуры находилась моя дочь Варя. Проходя мимо подвального окна, переплетенного решеткой, я увидела лицо знакомой женщины. Лицо было старое. Волосы не причесаны, платье спускалось с плеч. Я с трудом узнала свою родную Варю. Вокруг меня столпились женщины, и кто-то тихо сказал:

— Бедная мать. Судьба ее детей находится в руках этих палачей.

Поздно вечером вернулась домой. От сильного нервного напряжения слегла.

Быкодоров В. И.:

— Мы переночевали за Красной Поляной, передохнули в скирде, в чистом поле. С Красной Поляны пошли на Краснодон. Через Ровеньки.

Олейникова В. А.:

— Утром 17 октября Варю, меня и Романенко перед отправкой в Красный Луч завели в маленькую комнату. Ждали машину. Варя рассказала, как ее взяли.

Жукова Ю. Ф.:

— Лебедю Михаилу Калиновичу с каждым часом идти все трудней. Нога становилась вот такая. В конце концов, сделали носилки и понесли его. Путь до Ровенек не ближний. Нести некому. Владимир Иванович Быкодоров был и Николай Андреевич Приз. Но у него одной руки нет. Так что приходилось и мне нести.

Поиск

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— В районе села Штеровка партизаны натолкнулись на засаду и были разгромлены. Быкодоров и Юлия Жукова сбежали. 45 арестованы, 28 расстреляны.

Расстреляны Мария Мезеря (Хруст.), Игорь и его мать учительница (хут. Хруст.), Мария Шевцова (Шеховцова? Н. Р.) жит. ш. 21, комиссар Пацюк, Мария Загорская из Ивановки, Подмарков из Красного Кута, Бобров — Ивановка, Чернов — ш. 21 и другие. Чернова Лиза или Лида погибла во время сраженья.

Отправили в концлагерь

Руденко В. Н.:

— Дядю, Шатуру, и Романенко отправили в концлагерь. Я им туда носыв передачи, на семнадцатую шахту. Я видел их там своими глазами. И осенью, и зимой. Потом, когда прошел кавалерийский корпус, я брав топор, рубав конину, мама варила, и я виз в Красный Луч. Потом их бросили в шахту «Богдан».

Топчиенко П. А.:

— Привзлы меня до начальника концлагеря.

— Раздевайсь!

Роздеваться, то й и раздеваться. Зразу раз-два, роздився. Но я думав тоди, шо я роздинусь, мэнэ на машину, вивезу, розстриляють, та й всё. Подумаешь, смэрт. Я смэрти вообще нэ боявся. Колы бачу, вин бэрэ шомпол. На стенке высив шомпол. А, думаю, стой.

— Скидыдай!

— Нэ скину.

Нательна рубашка тики осталась на мэни.

Ну вин мэни пятьдесят чи бильше усыпав шомполив.

Отомстил

Ивликов А. М.:

— 18 октября 1942 г. при проведении агитационной работы Ахтырского схватил полицейский Шкода и передал немецкому штабу. Через пять дней Ахтырского расстреляли.

Я решил отомстить за смерть товарища, убить предателя. Но, подойдя к квартире Шкоды, встретил немца и убил его. Шкода успел скрыться. Позже Шкоду расстреляли за то, что в его квартире был убит немец.

Комсомолец?

Топчиенко П. А.:

— Собака лежить пид столом страшенный. Переводчик и немец за столом.

— Садись, — переводчик сказал.

Я сив. Ну, той гыр-гыр-гыр-гыр, пэрэводчик пэрэводить мэни:

— В комсомоли був?

Подумав, подумав, не сказать, може, хуже будэ. Кажу:

— Був. Но мэнэ с треском выгналы.

Пэрэводчик пэрэвив.

— За шо?

— За тэ, шо мий отец був батюшкой.

А хто там був! Хай пойдэ в Кировоградську область, там взнае, як ёго вже нэма с 33 году.

Можэ, я и отвлек расстрел тым, шо признавсь, шо був комсомолец?

Помогли чужие люди

Жукова Ю. Ф.:

— В Ровеньках нас встретили чужие люди. Встретили хорошо. Разболелся Лебедь. Женщины ночью пришли с возком. Забрали Михаила Калиновича, оставили у себя. Марии тоже нужна была медицинская помощь. У нее началась гангрена. А

у нее там был какой-то двоюродный брат. Работал в полиции. Она сказала:

— Неужели он меня выдаст, пойду к нему.

Пошла. Выдал. Ее расстреляли немцы, когда мы еще не ушли оттуда. Другие говорили, что партизанку повесили. Но мы не видели Марию мертвой. Возможно, расстреляли и повесили других партизанок. Мы недели две, наверное, ожидали, пока Михаилу Калиновичу станет легче, чтобы забрать с собой через линию фронта. У него было пулевое ранение. Женщины лечили его травами. Никаких лекарств, чтоб не привлекать внимание фашистов. И уже когда линию фронта переходили, он передвигался самостоятельно.

Били всех

Олейникова В. А.:

— В Красном Луче мы уже находились вместе с Бурлакой Анастасией, Лютой Валентиной, мы с Варей, молодая женщина с грудным ребенком и еще кто-то. В камере были двуххъярусные нары.

Шеховцова В. П.:

— 23 или 24 октября Мария пришла домой раненая. Она сказала, что фашисты нападали на отряд, и они должны были передвигаться с места на место. Передвигались только ночью. Днем выставляли посты и отсиживались в кустах. Во время облавы ранили в руку разрывной пулей. Рана загноилась, и ей ничего не оставалось делать, как вернуться домой. Мария сказала, что Олейников, раненный в ногу, сам застрелился, чтобы не быть обузой для отряда.

Рана у Марии была опасная, стали вылезать жилы. Поэтому решили обратиться в медпункт. Подделали свидетельство о рождении. Но, видимо, о Марии донесли в полицию. Ее через два дня забрали.

Абинякин Г. Т.:

— В связи с ранением в голову время от времени у меня случались припадки. Я терял сознание и по несколько дней лежал недвижим. Очередной приступ болезни начался у меня незадолго до дня, когда отряд дал свой последний бой. Я потерял сознание. Товарищи, видимо, отнесли в Ивановку, попросили присмотреть за мной местных жителей. Там я и узнал, что отряд погиб. Приступ продолжался три дня.

После гибели отряда понял, что мне надо уйти. Многие в селе знали о моей связи с партизанами. Как узнал о гибели товарищей, так сразу и ушел на восток. Скрывался. Ночевал в стогах, в ямах, обходил гарнизоны. Иногда собиралось несколько человек, потом расходились. Так пришел в район Кочубеевского (Невинномысск).

Жерздев В. Н.:

— Когда я пришел из Таганрога домой, мать уже выпустили из тюрьмы. Я сразу к ней:

— Как отряд?

Она ответила, что нашего отряда уже нет, и что каждое утро она ходит в полицию отмечаться, и что за ней установлена слежка.

— Так что ты, сынок, пробирайся к своим. Тут уже все кончено. Ваших нет.

По рассказам матери, в тюрьме вместе с ней сидели Ковалева Ольга, Загорская Мария, коммунист Яровая Василиса, у нее была явочная квартира. К ней и я один раз приходил.

Однажды вызвали на допрос Олейникову. И вот она пришла с допроса и рассказывала:

— Мне сказали, что уже все... Москва забрана, война уже окончена... Все, советской власти нигде нет... Немецкая власть уже укоренилась... Только нам мешают партизаны. Вот если бы кто-то связался с ними, поговорил, пусть бы шли, работали, жили, все равно они ничего не смогут сделать. Немецкая власть сильна... Столько их там есть... Горстка... Мешают только стране нашей... Все равно уже ничего не сделают. Армию разбили всю, а эту горстку мы всегда разобьем, только не знаем, где. Они нам не нужны. Только хотим с ними поговорить. Вот если ты нас свяжешь с ними, мы тебя будем кормить белым хлебом, будем молоко, колбасу давать...

Олейникова В. А.:

— Партизан вызывали на допросы. Били. В Ивановке били в присутствии немцев. В Красном Луче уводили в другое помещение. Били по спине, рукам. Привели Лютую. Высокая, худощавая, красивая. Я говорю ей: «Садись». — А она прислонилась к нарам и стоит. Говорит: «Не могу».

Били так, что даже пуговицы на юбке разбили. У нее была серая юбка. Пуговицы сзади.

Жерздев В. Н.:

— Били всех, и мою мать били. С ней там, в тюрьме, трудовая книжка была, так в крови вся.

Я пошел на стоянку в Пасечную. Посмотрел, покрутился там, никого нет. Покукукал, были у нас сигналы... Увидел минометные разрывы. Гильзы. Гильз много от нашего пулемета...

Олейникова В. А.:

— В камере делились всем. Выдавали 150 граммов хлеба грубого помола. Однажды мама принесла тушеной свеклы, моркови, коржики. Поделили на всех, и есть нечего. Варя была очень худенькая. Темно-русые волосы ниже пояса. В камере вши заедали. Варя все хотела волосы обрезать. Была какая-то ожесточенная. Не верила, что будет жить. Не хотела ждать и дрожать. Была избита. Особенно спина. Пальцы изувечены. Закладывали прутья между пальцами. Все хотела бежать. Говорила: «Пусть пристрелят». — Я плакала, говорила ей: «И меня тогда застрелят».

С задания не вернулись

Ивликов А. М.:

— Я перешел в Серебряковское Поле Обливского района. Там продолжал организацию партизанской работы. С помощью мины подорвал немецкую машину. К концу октября партизанская группа состояла из 6 бойцов, попавших в окружение. Трех бойцов послал на Клецкое направление для связи с Красной Армией. Но с задания они не вернулись. С остальными мы подорвали немецкую машину с материалами для укрепления дзота. По дороге Серебряково – Лукачевка убили троих немцев.

Переход

Жукова Ю. Ф.:

— Переходили линию фронта не чохом.

В Ростовской области в селе Опытное Поле меня никто не пустил ночевать. Прошла село из конца в конец. Возвратилась в начало села. Там жили дедушка и бабушка. У них в каморке была женщина с ребенком. Когда все отказали, они взяли к себе. Я заболела. Наверное, воспаление легких. Наутро переложили меня на печь. Я у них пробыла, наверное, неделю. А все ушли. Заболела и потеряла связь с товарищами. Знала,

где следует переходить линию фронта и перешла. Так получилось, что на боевое охранение вышла. Встретила бойцов Советской Армии, предъявила удостоверение на шелке, и вновь вступила в ее ряды.

Попала в госпиталь. А потом — в контрразведку. Думаете, с объятьями встретили там? Верили и не верили. Подполковник Кандауров — начальник контрразведки.

Быкодоров В. И.:

— Благодаря связи с партизанским отрядом Криворожского района Ростовской области, где командиром был Шестовой, политрук одной группы Жук организовал нам переход линии фронта ниже станицы Вешенская по направлению на хутор Яблоновый. Там еще есть село Благовещенское и Дурная балка. Она и по карте так значится: Дурная балка. Там мы как раз и перешли. 28 октября 1942 г. переплыл реку Дон. После чего заболел воспалением легких и пролежал до 26 ноября 1942 года.

У меня был документ, отпечатанный на батисте, о том, что я являюсь командиром партизанского отряда, выданный политотделом 18 Армии. И второй документ у меня был, выданный за подписью секретаря райкома и начальника МВД, тоже на ткани. А остальным давали и на бумаге, и на материале. У меня удостоверения были зашиты в воротнике. Специальной одежды нам не выдавали. Были в своей одежде и зашивали сами. Мой отряд был создан на базе истребительного батальона. Мы так и были зафиксированы. Одно удостоверение у меня было зашито в воротнике, второе — в кармашке, под клапаном. Они не прощупывались. Да и не приходилось попадаться. Когда зашивали, полковник Калашников, начальник политотдела, и Борцов. — подполковник, говорят: «Смотри, струсишь, будут вешать — с ним вместе, а не струсишь, придешь и нашим отдашь».

Когда перешли линию фронта, с этим удостоверением — сразу же в особый отдел. Мы все пришли. Много же, знаете, людей, которые бродили, не занимались.

Я перешел линию фронта примерно вечером, ну а уже часов в 11 вечера (23 часа) мы были в особом отделе. Проверяли полковник Кандауров и Шинкаренко, он, кажется, был прокурором в Ростовской области. Проверили все документы, нас там сразу устроили как следует. Постригли, побрили.

После выздоровления я командовал батальоном.

Закидали грязью

Шеховцова В. П.:

— Один раз нам удалось отправить передачу. Потом их уже не брали. Под октябрьские праздники всех, кто находился в Ивановской жандармерии, погрузили на машину и отвезли на расстрел. Расстреляли на развилке при повороте на Штеровку в противотанковом рву и закидали грязью.

Похоронил их тела будочник Неженцев.

Шеховцова Мария Петровна родилась в с. Завалишино Чернянского района Курской области. Окончив школу, работала старшей пионерской вожатой. Комсомолка. Весной 1942 г. работала в Ивановском райкоме партии.

Сычева А. Г.:

— Я разговаривала с женщиной, которая работала на железной дороге и жила в будке возле переезда. Она все видела и знает, но рассказывать не хочет, говорит, что ничего не видела и ничего не знает. Но однажды она все же проговорила, сказала: «Когда расстреливали, Леня закричал: «Дядя Широков, что ты делаешь! Ты же нам воду привозил!»».

Надежина А. Ф.:

— 6 ноября в 19 часов санитарки вынесли Пацюка Ивана Васильевича и Григоренко к балке Должик. Слышались выстрелы. 7 ноября принесли белье, в котором был Пацюк.

Из папки Пацюка:

Его на койке погрузили в брезентовую машину и увезли. Пацюка нашли, когда откапывали людей на повороте на станцию Штеровка. Похоронили в Ивановке.

Олейникова В. А.:

— Леню Сычева в краснотучской тюрьме пытали. Я увидела Сычева, когда его выводили из тюрьмы. Леню нельзя было узнать. На щеке рана, весь в синяках. Он еле держался на ногах. Его расстреляли вместе с Пацюком.

6 ноября приехал «черный ворон». Это была бортовая крытая машина. Все работы прекращаются. Всех закрывают в камерах. Зашел полицейский к нам. Назвал фамилии: «Бурлака, Лютая, Олейникова Варвара, выходи в коридор».

Потом забрали их вещи. Больше они не возвратились. Нам сказали, что их увезли в Донецк. Но вскоре мы узнали от мужа Бурлаки, что их расстреляли. Сам он шел в Красный Луч к

жене. Подошел к месту расстрела. Они уже были убиты. Его заставили засыпать ров. Он и узнал их.

Лютый Николай Васильевич:

— Мы с мамой понесли передачу в тюрьму. Передачу сначала приняли, а потом возвратили, сказали, что Валя выбыла. Но пока полицей ходил, я заглянул в окошко и видел, как нашу Валю тянули по полу.

Мы пошли домой, предчувствуя что-то тяжелое. Мы сели отдыхать возле переезда станции Штеровка и видели, как «черный ворон» привез группу заключенных. Мы не знали, что там Валя. Они хотели проехать в балку, но машина забуксовала. Из машины выпрыгнули солдаты. Больше мы ничего не видели. На следующий день узнали, что партизан расстреляли в противотанковом рву. Там была и наша Валя. После освобождения их откопали. Лица их были обезображены. У Вали вырван язык. Поломаны руки и ноги. Ноги связаны.

Поиск

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— В ноябре 1942 г. в комнате следователя агентурной сети «зондер группы Петер» увидел радиостанцию, которую нашли на чердаке в доме Емельченко на шахте 7/8. Ею пользовался зав. Карловской подстанцией Тит Васильевич Конько, а радист — Володя, электрослесарь подстанции. Володя окончил школу радистов-разведчиков. Жил у Емельченко под видом мужа его дочери Раи (Зои прим. Н. Р.). Все, в том числе и Тит, Володя, Рая и мать, были арестованы и расстреляны.

6 ноября

Архипова Валентина Федоровна:

— Лютую и 16 других партизан, в числе которых был Иван Пацюк, расстреляли у второго железнодорожного переезда от Ивановки в сторону Красного Луча.

Жена Топчиенко П. А.:

— Наша невестка жила рядом с Лютой. И мать ходила, носила передачи. А потом пошла в концлагерь. У будки на переезде, что по дороге на Красный Луч, будочница сказала, что в эту ночь там стреляли. Там окопы, и там стреляли. Значит, там людей побили. Мать вернулась назад со слезами. И знала, что ее дочка у рову закидана.

Куц Ефросинья Васильевна:

— 6 ноября 1942 г. всех погрузили на машину. Через час машина вернулась пустая.

Свидетелем расстрела была учительница из Красного Луча Шаркова Лидия Захаровна. Первым расстреляли Пацюка.

Из письма Смолякова Л. М.:

«Осенью 1942 г. вечером я шел в районе водоканал шахты «Сталинский забой» и слышал взрыв. Увидел в саду клуб дыма. Потом, на второй день, прошел слух, что это Пацюк взорвал, ехавших на линейке немецкого коменданта, бухгалтера и еще кого-то из немцев.

В ноябре 1942 г. меня вместе с другими подростками погнали в Германию. Из Красного Луча до станции Штеровка шли пешком. Там формировался эшелон из всех районов. В вагоне по пути на запад узнал о трагической гибели Пацюка. В вагоне были не только подростки. Один из больших начал свою подлую низкую речь. Дитина здоровый, румяный из Ивановки выхвалялся с большим задором, как он вместе с другими полициями и немцами участвовал в облаве на Пацюка в Зеленом Гае. Схватили Пацюка на скале. Он как раз смотрел в бинокль. Красивый мужчина в черной кожанке. А что дальше было, он не рассказал. Нас перевозили из лагеря в лагерь, наконец, оказались в Брест-Литовске. Из этого лагеря я убежал через месяц. Когда прибыл домой, слышал разговоры, что Пацюка вместе с девушкой расстреляли возле Штеровки в противотанковом рву».

Поиск

Ивликов А. М.:

— 15 ноября 1942 г. у меня была уже группа в количестве 20 человек. В ноябре подожгли склад горючего на р. Чир в балке Чугунка у станицы Обливская. Операция прошла удачно.

Из протокола допроса Англезио И. Д.:

— Примерно в ноябре 1942 г. задержаны в Красном Луче Лысянский лет 30 – 25, житель шахты «Кр. Звезда» треста «Снежннантрацит», и с ним женщина. Они имели взрывчатые вещества и вооружение. Готовились взорвать водоканалку.

Из протокола допроса Чапкина Г. Н.:

— 14 февраля 1943 г. в день отъезда из Красного Луча в

балке Эмос я расстрелял партизан — братьев Безбожных, мужа и жену Окусовых, членов подпольной комсомольской организации Печеного и Николая Корнеева. Пацюк никого не выдал.

Нам было известно, что в Ивановском партизанском отряде 58 человек. Один пулемет, один автомат, пистолеты, 40 польских винтовок и по две гранаты на каждого.

К своим

Олейникова В. А.:

— Не найдя никаких доказательств связи с партизанским отрядом, меня, потом отца освободили. Когда мы вышли из тюрьмы, своего прежнего очага не нашли. Корову увели немцы, полицейские разграбили имущество, а дом по бревну разобрали на постройку блиндажей. Нас приютили соседи.

В феврале 1943 г. наши войска были возле Мышаровки в хуторе Елизаветовке. Во время боя мы с отцом выбрались из подвала и побежали в сторону Елизаветовки. Так оказались у своих. Отец ушел на фронт, а я работала в тылу. Мать немцы отправили в Житомирскую тюрьму.

Ивликов А. М.:

— 22 ноября 1942 г. в 4 часа наша группа встретилась с частями Красной Армии генерала Баданова. Генерал дал задание мобилизовать всех окруженцев, вооружить и занять оборону на освобожденной территории.

Не признался

Жерздев В. Н.:

— Через месяц я был уже на фронте в 56-й армии. Зачислили в 242-ю дивизию. Вначале был связным, потом ранило меня. В голову ранило. В госпитале 40 дней пробыл, вернулся в часть, стал пулеметчиком, сержантское звание присвоили. Воювал на Кавказе. Участвовал в его освобождении. В июле снова попал в госпиталь. Ранен в ногу. Под станицей Кечержаевской на Кубани отбило пальцы. Первый раз меня ранило 29 апреля, когда освобождали станицу Крымскую. А через линию фронта как удалось перейти? Наши как раз начали наступать. Наши наступали, и село вскоре освободили. Я скрыл, что был в партизанском отряде, сказал, что жил в этом селе, что эвакуировался, там остался. Потому что документов нет. Если бы сказал, что партизан, то меня потягали бы. Местность-то за-

нята... Конечно, в Москве, может, и были наши документы, я не знаю, куда их отправили. Они где-то есть, и паспорт мой есть.

Били палкой

Сычева Анастасия Гордеевна, мать Лени:

— Сообщение о гибели сына я получила в Красноярском крае. 12 дней лежала, не могла прийти в себя. Потом поехала в Красный Луч, узнала, как все было. Мать Ковалевой рассказывала, что Леня три раза приходил к Ольге. Мать Есиной рассказывала, что Леня приходил на десятую шахту с листовками. Однажды нагрянули немцы. Она положила Леню на кровать, накрыла матрацем, а сверху уложила в постель своего сына, будто бы тот заболел. Немцы не заметили ничего подозрительного и ушли. Однажды, когда он снова пришел с листовками, его выдали. Он побежал к посадке в сторону Ивановки. Его догнали на мотоцикле. Били палкой. Когда раскопали останки во рву у железной дороги, у него не было зубов.

Поиск

Со слов Ненашей Полины Степановны:

— Гнилицкий Борис, боец Ивановского партизанского отряда, привел ко мне 5 человек (у Ивана Степановича отрублены пальцы на ногах), а также Николая и Леонида Степановых, Леонида Воронина, Николая Носко.

Со слов Рудова Алексея Ивановича:

— В начале войны жил в Ивановке, знал о формировании Ивановского партизанского отряда. Командиром отряда был назначен Сажнев. До войны Сажнев жил в г. Красный Луч. Комиссаром отряда назначили Кирюхина, который, по слухам, погиб на территории совхоза «Красный Луч». До войны Кирюхин был начальником отдела на машзаводе.

Со слов Снежко Натальи Михайловны:

— Мой муж Снежко Федор Петрович родился в 1900 г. Оставлен по броне. Когда к Ивановке подходили немцы, ушел в Ивановский партизанский отряд под командованием Сажнева. Отряд был разбит на три части. Они находились в балке Пасечной, Боково-Платово, балке Мечетная. Федор лично знал партизан Быкодорова, Мезерю, Лощенко, Савченко Д. И. Снежко погиб. Последний раз его видели в тюрьме г. Дебальцево.

Донесение

Повар Ю. И. рассказал, что его отец был партизаном. Их партизанский отряд находился в Зеленом Гае. У него есть две фотографии. Одна из них Пацюка. Пообещал сходить в Ивановку и спросить у матери, так как она много знает. Я пообещал зайти к нему 16 апреля, в воскресенье. Он живет в хуторе Степном.

Член клуба «Подвиг» Скидан Владимир.

28 марта 1977 г.

Со слов Вахляя Николая:

— Предатель Гнутенко жил недалеко от ул. Красной. В 1937 г. его брата забрали как врага народа (потому что ездил за границу), а сам Гнутенко работал заместителем начальника цеха. После прихода Красной Армии исчез. Тайно вывез своих родителей. В 1953 или 54 г. бывший секретарь комсомольской организации Красильников Захар был в Дрогобыче. Там он увидел в газете портрет Гнутенко, который баллотировался в депутаты под другой фамилией. Захар пошел в горком партии и все рассказал.

Когда Гнутенко арестовывали, он был при оружии. Судили его в Луганске. Из нашего города приезжали 50 свидетелей. Приговор — смертная казнь через повешение.

Со слов Жуковой Клавдии Ивановны:

— В 1942 г. жила у родных в Ивановке. Еще до войны дружила со многими партизанами. Хорошо знала Езолко, Лютую, второго секретаря Ивановского райкома комсомола Загорскую и других. И во время оккупации, когда партизаны приходили в село, заглядывали в мою маленькую хатенку, приютившуюся на окраине поселка над яром. Старалась накормить гостя, рассказывала то, что знала. Очевидно, эти посещения были слишком заметны. Уже через месяц после прихода немцев меня арестовали. Три недели продержали в Ивановской комендатуре. Уже тогда среди арестованных видела связанных Леню Сычева, Игоря Григоренко. В одной камере со мной томилась Надежда Мезеря с хутора Ивановского.

Много времени провела в комендатуре в Ивановке, а потом в жандармерии Красного Луча, в лагере на шахте № 17. Встречалась с некоторыми арестованными, слышала расска-

зы о других. Самой удалось спастись чудом. В феврале 1943 г., когда советские войска подошли вплотную к городу, узников лагеря погнали на запад. Враги были напуганы и готовы были бежать. Вот тогда с помощью людей из Боково-Платово мне удалось уйти.

Донесение

В фондах областного партархива (ф. 1790 д. 62, 243) я выписал следующую информацию:

В составе Ивановского партизанского отряда Быкодорова сражались член КПСС, политрук отряда Дуванов Георгий Кириллович и связная Яровая Василиса Д.

У стены кладбища в Ивановке расстреляны партизаны:

Езолко Евдокия Гордеевна

Есина Лидия Петровна

Мезеря Андрей Егорович

Олейников Николай Антонович

Олейникова

У железнодорожной будки 3-го км линии Штеровка – Криндачевка обнаружены трупы 17 человек. Опознаны:

Григоренко Гарик

Григоренко Екатерина Никандровна

Загорская Мария

Ковалева Ольга Яковлевна

Лютая Валентина Васильевна

Мезеря Надежда Кузьминична

Пацюк Иван Васильевич

Шевцова Прасковья

Шеховцова Мария Петровна

Неопознаны трупы 8 человек.

В Красном Луче казнены жители с. Штеровка:

Бурлака Анастасия Пантелеевна

Олейникова Варвара Антоновна

Романенко Виктор Семенович

Шатура Григорий Маркиянович

В. П. Рудов.

Со слов Орловой Любви Демьяновны:

— Моя мать Вирченко Анна Федоровна (Акименко) была в Ивановском партизанском отряде. Ее партизанская книжка находится в школе.

Со слов Костенко Галины Михайловны:

— Мой отец Лебедь Михаил Калинович умер 3 марта 1957 г. от сердечного приступа, когда узнал, что его брат и сестра казнены фашистами.

Лебедь Михаил Калинович

Родился в 1904 г. в селе Соболевка Винницкой обл. в семье крестьянина-бедняка. С малых лет познал нужду и горе. Батрачил в кулацком хозяйстве с 10 лет. В 1919 г. приехал в Макеевку. Работал на шахте лампоносом и саночником, а потом перешел на завод им. С. М. Кирова.

В 1924 г. по Ленинскому призыву вступил в ряды КПСС. В 1926 – 1929 гг. коммунисты на заводе им. Кирова избирали его секретарем цеховой парторганизации. В 1930 г. Макеевский горком партии направил на учебу в Донецкую Совпартишколу. Окончил ее в 1933 году. С 1933 по 1940 гг. работал редактором многотиражной газеты на конном заводе в Меловском районе, а потом на ст. Должанка Свердловского района Ворошиловградской обл. В октябре 1940 г. назначен заместителем директора Ивановской МТС по политчасти.

В 1941 г. Лебедь М. К. вступает в Ивановский партизанский отряд и становится политруком (он имел воинское звание старший политрук). В 1942 г. коммунисты Ивановского партизанского отряда избрали его секретарем партийной организации.

Вместе с оставшимися в живых партизанами М. К. Лебедь перешел линию фронта и сражался на Юго-Западном фронте. В 1943 г. снова был тяжело ранен. Остался без ноги и с осколками в легких. Демобилизован из армии. Вернулся в Ивановку. Работал директором швейной фабрики, заведующим райсобесом. Умер в 1957 г.

Из письма Григорьевой В. М.:

«Дорогие ребята!

Высылаю фотографию отца, фотокопию справки о погибших товарищах.

Отец мой был политруком в партизанском отряде. Советую обратиться в Ивановскую школу к учительнице Л. Я. Ткаченко. Я выслала ей тетрадь, в которой отец делал записи о партизанском движении, нарисовал схему расположения партизанской стоянки, список, краткое описание начала действия от-

ряда. Отец собирался описать историю Ивановского партизанского отряда, но не успел. В краеведческом музее в Ворошиловграде в 1957 г. была большая экспозиция о деятельности партизан. Были там фотографии моего отца, других членов отряда. Можно обратиться в г. Миллерово Ростовской области, в горком партии.

Из письма от 15 марта 1945 г., которое сохранилось у меня, товарищ Лос..... дает ответ отцу, который, вероятно, обращался туда за справкой об участии в партизанском движении. Привожу отрывки из письма:

«Все имеющиеся документы, которые мной были собраны за время действия партизанского отряда, сданы секретарю Миллеровского горком партии. Вы значитесь в списках партизанского отряда № 1, действовавшего при третьем отделении совхоза «Индустрия».

На треугольничке указан адрес: Миллерово, Ростовская область, ул. Кировская 6, комендантский взвод. 3.

От фамилии осталось три буквы «Лос», все остальное затерто от времени. Это письмо и справку мне отдала мама два года назад.

Прошло двадцать лет. В моей памяти стерлись фамилии людей, названия мест действий партизанского отряда. Помню, что отец говорил о связных, которые были на многих шахтах в районе Красного Луча и Ивановки. Рассказывал о партизанах Лютой, Пацюке, которые погибли при выполнении задания. Их предали. Говорил о гибели отряда, о соединении с партизанами Ростовской области и об их действии. Рассказывал, как партизаны вышли на соединение с действующими войсками и об освобождении области.

Под Ворошиловградом отец был тяжело ранен.

Семья наша об отце до мая 1945 г. ничего не знала. Мы находились в Казахстане. После многочисленных поисков и запросов в начале мая 1944 г. пришел из Москвы документ о том, что Лебедь М. К. оставлен по особому заданию и семья должна получать ежемесячно по 750 рублей. То есть, его зарплату. Эта справка не сохранилась. Ее забрали при назначении пенсии.

В феврале 1945 г. вернулся отец из госпиталя. 4 мая 1945 г. мы приехали в Ивановку по месту работы отца.

2 марта 1957 г. отец умер в село Соболевка Теплиского района Винницкой области. Похоронен рядом с братом и сестрой — партизанами, замученными фашистами.

13 сентября 1978 г.»

Из письма Быкодорова В. И.:

«Уважаемые товарищи из штаба клуба «Подвиг»! Спасибо за фотографии. Меня интересуют и фотографии, сделанные у землянок, во время митинга, у костра, и все, какие есть. Пришлите для меня. Будет великая радость. Посылаю для музея исторический документ, выданный в мое отсутствие гражданке Рамазановой, жительнице г. Ровеньки, поселок Дзержинск. Она умерла в 1974 г. Привет всем товарищам.

В. И. Быкодоров.

Верхнедонской район, станица Шумилинская».

Справка

Ивановский партизанский отряд

12 мая 1945 г.

Дана Рамазановой Е. И. в том, что она действительно имела связь с партизанским отрядом во время немецкой оккупации Ворошиловградской области в 1942 г. и оказывала помощь продуктами питания и одеждой. А также укрывала в опасный момент у себя на квартире командира партизанского отряда товарища Быкодорова, политрука отряда товарища Лебеда и бойца Жукову.

Начальник штаба Ивановского партизанского отряда

Приз

Политрук группы отряда Лебедь.

Список членов

Ивановского партизанского отряда

Дополнительный

Безуглов Михаил Степанович. 1904 г. р. Член ВКП (б), кладовщик совхоза. Боец. Время пребывания в отряде с 6 августа по 16 октября 1942 г. Погиб.

Ромазанова Елена Ивановна. 1910 г. р. Беспартийная. Пли-

товая шахты. Связная. С 10 августа по 16 октября 1942 г. Погибла в Ивановке.

Командир партизанского отряда Быкодоров.

(Подписал за него Лебедь).

Начальник штаба Приз.

Приз Николай Андреевич

Родился в 1916 г. в поселке Ивановка. В 1938 г. окончил исторический факультет Ворошиловградского пединститута. Получил направление в школу № 4 шахты 7/8. Неоднократно избирался секретарем комсомольской организации школы. Участвовал в финской войне. Потерял правую руку. В 1942 г. назначен начальником штаба Ивановского партизанского отряда. Вместе с бойцами не раз выполнял важные опасные задания. После войны коммунисты Ивановского района избрали его первым секретарем райкома партии. Жизнь Николая Андреевича оборвалась в июне 1958 г.

Подошли формально

Быкодоров В. И.:

— Отряд до последнего дня оставался сплоченным, крепкой боевой единицей. Настроение у бойцов было бодрое. С первых дней отряд находился в неблагоприятной обстановке. Районные работники к организации отряда подошли формально. Людей подбирали недостаточно проверенных, базы заранее не подготовили, вооружение, питание не обеспечили. Обмундирования совершенно не было. С наступлением холодов отряд остался в очень трудных условиях.

За время работы не мог связаться ни с партийными организациями, ни с воинскими частями, ни с представителями НКВД. На явочные квартиры, сколько ни посылал, никто не являлся для связи. Всякое руководство отряда извне совершенно отсутствовало. Несмотря на тяжелые условия работы и жестокую борьбу, в области... круговое оточение... противника, бойцы и командиры отряда боролись с врагом героически.

Из протокола заседания бюро Ивановского райкома КП(б) Украины

О деятельности партизанского отряда

16 февраля 1945 г.

Рассмотрев материалы о деятельности партизанского отряда, действовавшего в Ивановском районе, бюро РК КП (б) Украины постановляет:

Отчет командира партизанского отряда В. И. Быкодорова утвердить. Считать, что командование отряда и личный состав справились с возложенными на них партией и правительством задачами.

Отряд существовал всего 3 месяца, но действия эти были активны и организованны. Отряд сумел сохранить себя как организованную боевую единицу до последней возможности. Отряд, партизаны отличились решительностью, бесстрашием при выполнении боевых заданий.

Считать отличившимися в боях против немецких оккупантов и представить к наградам:

Орденом Красной Звезды:

Командира отряда Быкодорова Владимира Ивановича.
Начальника штаба отряда Приза Николая Андреевича.
Политрука группы Лебеда Михаила Калиновича.
Бойца партизанского отряда Жерздева Виктора.

Орденом Отечественной войны первой степени:

Комиссара отряда Киреева Дмитрия Федосеевича.
Командира первой группы партизанского отряда Пацюка Ивана Васильевича.

Политрука отряда Олейникова Николая Антоновича.
Бойца Мезерю Андрея Георгиевича.
Бойца партизанского отряда Есину Лидию Петровну.
Бойца Загорскую Марию Андреевну.
Бойца Жукову Юлию Федоровну.
Бойца Григоренко Екатерину Никандровну.
Бойца Мезерю Надежду Кузьминичну.

Орденом Отечественной войны второй степени:

Бойца Безгинского Владимира Акимовича.
Бойца Езолко Евдокию Гордеевну

Бойца Гуленко Евдокию Прохоровну.
Бойца Олейникову А.
Бойца Бурлаку Анастасию Пантелеевну.

Медалью «Партизану Отечественной войны»:

Быкодорова Владимира Ивановича.
Приза Николая Андреевича.
Лебеда Михаила Калиновича.
Жерздева Виктора Николаевича
Жукову Юлию Федоровну
Ковалеву Ольгу Яковлевну.

Для увековечения памяти павших смертью храбрых в боях против немецких захватчиков партизан соорудить памятник в пос. Ивановка.

Просить бюро Ворошиловградского обкома партии установить персональные пенсии семьям погибших:

Лютая Клара Ивановна, дочь погибшей. 1940 г. р. Находится на воспитании дедушки и бабушки Лютого Василия Федоровича 1987 г. р., нетрудоспособного, Лютой Аксины Николаевны 1989 г. р. Проживают в п. Ивановка.

Есина Прасковья Ивановна 1901 г. р., нетрудоспособная. Мать погибшей. Сестра погибшей — Нина Петровна, учащаяся. Брат — Есин Сергей Петрович 1940 г. р. Проживают — Софиевский поссовет.

Мезеря Александр Алексеевич 1939 г. р. — сын погибшей. Находится на воспитании дедушки — отца погибшей Мезери Кузьмы Федоровича 1880 г. р., нетрудоспособного.

Мезеря Мария Антоновна 1886 г. р. Мать погибшей. Нетрудоспособная, проживает — Хрустальненский поссовет.

Ковалев Яков Тарасович 1878 г. р. Инвалид второй группы. Отец погибшей. Мать Ковалева Ирина Кирилловна 1880 г. р., нетрудоспособная, проживают — Софиевский поссовет.

Олейников Антон Васильевич 1885 г. р. Инвалид Отечественной войны третьей группы, отец погибшего.

Пацюк Владимир Иванович 1941 г. р. Сын погибшего. Пацюк Валентина Ивановна 1935 г. р. — дочь погибшего, Пацюк

Мария Антоновна 1884 г. р., мать погибшего, находятся на изгнании жены погибшего Пацюк Матрены Ивановны, проживающей в п. Ивановка.

Гуленко Леонид Пантелеевич 1934 г. р. — сын погибшей, Гуленко Галина Пантелеевна 1937 г. р. — дочь погибшей. Их отец находится в Красной Армии. Детей в настоящее время воспитывает опекунша Петрушина Ефросинья Моисеевна, проживающая на заводе № 59.

Просить бюро обкома ходатайствовать перед штабом партизанского движения о выплате денег членам партизанского отряда за время нахождения их в партизанском отряде.

Утвердить боевые характеристики.

Секретарь райкома КП(б) Украины П. Бутенко.

Партархив Луганского обкома КП Украины
ф 179, оп. 3-ОВ, д. 15. лл. 6 – 8 Копия.

Память Матери

Олейникова Анна Яковлевна:

— Мне уже 94 года, но я до сих пор не могу без содрогания вспоминать ужасные дни, страдания и унижения, которым подверглась как мать партизан.

Двое моих детей — Николай и Варвара являлись членами Ивановского партизанского отряда. Я им помогала, как могла. Об этом в хуторе Мышаровка никто не знал. Но когда в октябре 1942 г. в балке Пасечной погиб партизанский отряд, тело моего сына привезли в Ивановку для опознания. Тогда узнали все.

Староста хутора Мышаровка Таран пришел к нам, вывел меня на улицу и хотел расстрелять. Младший сын Вася с криком бросился ко мне, обнял за ноги и стал умолять Тарана, чтобы он не убивал маму.

Таран погнал меня и Васю в Петровеньки. Там запер нас в конюшне. Двое суток мы были без воды и еды. Мы мерзли, так как староста не позволил нам дома одеться. На третьи сутки перегнали нас в лагерь в Петровское.

Узников лагеря по ночам гоняли к Мышаровке рыть противотанковый ров. Вася очень уставал. Однажды он уснул прямо на месте работы. На него наткнулся немец. Избил ногами и хотел застрелить. Мы с ним работали на приличном расстоянии, и я не знала о происходящем. Спасибо, прибежала знакомая женщина, сказала.

Я успела. Упросила солдата не стрелять. Забрала сына. В ту же ночь спрятались в траншее. Перед рассветом рабочих увели, а мы побежали в поселок Городище. Не повезло. По дороге нас увидели две любовницы начальника Штеровской полиции. Они сообщили ему, где мы находимся, а он доложил кому следует. Васе удалось убежать и спрятаться, а меня арестовали и пешком погнали в г. Бердичев.

Там в тюрьме находилась 9 месяцев. В камере было много людей. Кормили баландой. На допросах били. Несколько раз выводили на расстрел. Требовали рассказать о партизанах. Но я ничего не знала и ничего не говорила.

Потом из камер стали выводить по 7 человек. Пришла и моя очередь. Подвели к воротам тюрьмы. Там сидел немец высокого чина. Нас заставили поцеловать ему руки. Вывели за ворота. Там было много людей. Наверное, родственники узников. Мы слились с ними, а потом спрятались в балке.

Это было в 1944 г. Уже наступили холода. Одежда и обувь мои износились. Я сильно замерзла. Меня забрали к себе две женщины. Переночевала. Наутро прибежали другие женщины, сообщили:

— Пришли наши!

Мы очень обрадовались: наконец-то дождались своих.

Поблагодарила хозяек и пошла. Хотелось скорее добраться домой. За время пребывания в тюрьме сильно ослабла. Вдобавок очень хотелось кушать, да и изрядно замерзла. Тогда решила снова проситься в дом. Но никто не пускал оборванку.

В крайнем доме приютила меня старушка. Еще и супа дала. Ее внучка предложила лезть на печь. Утолив голод, отогревшись, поблагодарила старушку и внучку, двинулась в путь.

За несколько дней добралась до Харькова. Пришла на станцию. Денег нет, купить билет не за что, а без билета в поезд не сесть. Думала, снова придется идти пешком. А сил уже не было. Встретился добрый человек. Он помог мне попасть в вагон без билета. Так добралась до станции Петровеньки.

Из поезда вышла почти в полночь. Кроме меня, вышли еще несколько женщин. Но ни одна из них не захотела меня взять к себе переночевать. Ходила от дома к дому — никто не пускал. Встретились два мужчины. Один из них внимательно на меня посмотрел. Спросил:

— Все еще ходите?

— Да.

Они стали стучать в ставни дома. Вышла хозяйка. Они приказали впустить меня. Оказывается, один человек знал моего сына и меня.

— Если эта женщина куда-то денется до утра, тебе будет очень плохо. — Пригрозили они хозяйке дома.

Она впустила в хату. Расстелила у порога мешок, указала: это твоё место для ночлега. Но через некоторое время все же выгнала меня из дома.

Вышла за ворота. Пошла куда глаза глядят. Встретились две женщины. Они шли в село Петровеньки. Пошла с ними. Потом уже сама добралась до Петровского. За заводом, за мостом встретила знакомых женщин из Никитовки. Это уже были свои люди. Обрадовалась очень. Через некоторое время увидела двух мальчишек. Один из них оказался моим сыном. Встреча с Васей была радостной и грустной. Радостной, что живы, и снова вместе. Грустной, потому что погибли мои дети, брат и сестра Василия.

В Мышаровку мы уже шли с Васей вместе.

Оказывается, когда меня арестовали, Василий спрятался в скалах. Мальчишки приносили ему еду. Ночи становились все холоднее, и оставаться там было уже невмоготу. В поселке просился во все хаты, но его никто не пускал, боялись, что пострадают из-за того, что дали приют брату партизан. Так он ходил от хаты к хате, пока не встретил родственницу — тетю. У нее он и жил до прихода наших.

В. Н. Жерздев, В. И. Быкодоров
с членами клуба «Подвиг». Командир партизанского отряда
первые после войны прибыл на место гибели товарищей.

Директор Краснолучского предприятия электрических сетей
«Донбассэнерго» Геннадий Викторович Турчин
и командир Ивановского партизанского отряда
Владимир Иванович Быкодоров.

Павел Акимович Топчиенко на партизанской стоянке.

Георгия Михайловича Абинякина
разыскали в Невинномысске

МЕМОРИАЛ

На месте последнего боя Ивановского партизанского отряда члены клуба «Подвиг» воздвигли Мемориальный комплекс партизанской славы.

В землянке, в которой располагался штаб партизанского отряда, экспонируются карта действий отряда, портреты командного состава, протокол заседания бюро Ивановского райкома партии о деятельности партизан.

После знакомства с материалами в штабной землянке можно пройти по ходам сообщения от землянки к землянке. В каждой висят фотографии партизан. В пятой землянке располагалась кухня партизан. От пятой землянки по ступеням поднимаемся из хода сообщения к шалашам. Они расположены вокруг костра. Над ним висит чайник.

По каменной дорожке обходим вокруг костра и попадаем на мостик, переброшенный через осыпавшийся окоп, и попадаем на участок мемориала, который создатели назвали Следы войны. На каменных глыбах, напоминающих надолбы военной поры, читаем:

Всмотрись, товарищ:
Следы войны повсюду.
Рыдает лес, израненный войной.
Осколки мин и вражеские пули
Еще сидят под толстою корой.

Будьте внимательны, и вы поймете, что деревья до сих пор помнят войну, увидите, как плачут они, израненные фашистами. После гибели партизанского отряда фашисты заминировали лес, опутали его колючей проволокой... Шло время, росли деревья, а проволока душила их, сжимала стволы.

Многие деревья не выдержали, погибли. Но не все. Всмотритесь, и вы увидите: из самого сердца дерева торчит колючая проволока. Такие убедительные доказательства варварства заставляют содрогнуться. Тропа на участке Следы войны заканчивается у могучего дуба. У его основания — щиток от пулемета, памятный камень с надписью:

Здесь, за стволом, с пулеметом, с гранатами
Мезеря Андрей врагов задержал.
Раненый ствол, словно крепкими латами,
Долго героя собой защищал.

По ступеням спускаемся снова в ход сообщения. Указа-

тель направляет нас к шестой землянке, затем к седьмой и восьмой.

Ступени выводят из ходов сообщения на площадь, к Кругу Славы. Маленькие холмики с плитами — это условные захоронения погибших в последнем бою партизан. А под большой каменной плитой в центре, на которой высечены слова: «Вечная слава павшим героям», покоятся останки Неизвестного солдата, которые обнаружили во время раскопок во второй землянке.

Когда в лесу тихо, на этом скорбном месте можно услышать плач Матери из «Реквиема»:

Отзовись, моя кровиночка,
Отзовись, моя надежда...
Не могу найти дороженьки,
Чтоб заплакать над могилою.
Не хочу я ничегошеньки,
Только сына милого.
Белый свет постыл.
Изболелась я.
Возвратись, моя кровиночка,
Отзовись, моя надежда...
Солнышко мое, детонька моя,
Ластонька моя, зернышко мое,
Зорюшка моя, горюшко мое...
Где ж ты? Где ж ты? Где ж ты?
За лесами моя ластонька,
За горами, за громадами.
Когда выплаканы слёзоньки,
Сердцем плачут матери.
Не сыскать пути-дороженьки.
Ничегошеньки, ничегошеньки.
Ой, над ними травы сохнут.
Ой, над ними звезды меркнут.
Ой, над ними кружит беркут
И качается подсолнух,
Возвратись, моя надежда!
Солнышко мое, детонька моя,
Ластонька моя, зернышко мое,
Зорюшка моя, горюшко мое...
Где ж ты? Где ж ты? Где ж ты?

В центре площади, выложенной из камней, стоит обелиск. Установили его члены клуба «Подвиг».

На партизанскую стоянку нас привела разведчица Юлия Федоровна Жукова. Она рассказала о товарищах, о том, как они жили, боролись и погибли. Тогда мы решили поставить на месте гибели партизан памятник. И слово сдержали. Осенью 1969 г. установили обелиск, созданный природой, и написали на нем:

Партизанская стоянка
А ниже — стихи Григория Дикштейна:
Тут спит беда,
ступайте осторожно:
окопы — шрамы на лице земли.

В 1973 г. заложили Аллею Памяти. В честь каждого партизана посадили дерево и возле него поставили камень, на котором вырубили имя героя. Оставшиеся в живых партизаны посадили на Аллее свои деревья.

Идешь по Аллее Памяти и слышишь голоса. Они доносятся из-под земли. У каждого дерева — свой голос.

После посещения партизанской стоянки поэтесса Любовь Сухенко написала:

Аллея, как сердце стоянки.
Здесь слава под деревцем каждым.
Душою слова партизанки
Я тут услышала однажды:
Мне б руки, как крылья, раскинуть
И птицею в небо взметнуться,
Чтоб к сыну, малюточке-сыну,
Хотя бы на миг прикоснуться.
Кто там говорит, что лежу я
Безмолвно под глыбою серой?
Я солнцу вручила большую
Любовь материнского сердца.

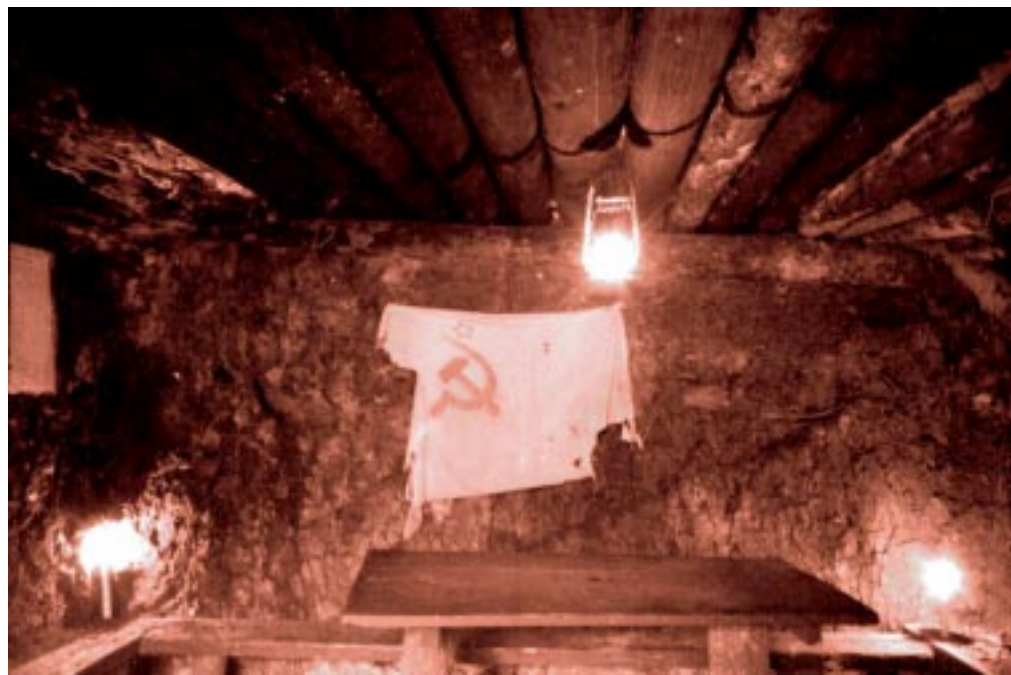
Люба Сухенко посвятила партизанской стоянке цикл своих стихов.

Мемориал, созданный членами клуба «Подвиг»

на месте гибели Ивановского партизанского отряда

Открытие Аллеи Памяти. Ленточку перерезает В. Н. Жерздев.

Памятные знаки, установленные членами клуба «Подвиг» на месте дислокации второй группы партизанского отряда и на месте расстрела партизан.

Медали и значки клуба «Подвиг», посвященные Ивановскому партизанскому отряду Автор — Александр Георгиевич Степура

Медаль
«Партизанская стоянка»
ручается за заслуги в
создании мемориала,
сбор и сохранение ин-
формации о деятельно-
сти партизан.

ВОРОШИЛОВГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
КОМИТЕТ КОМСОМОЛА ПРИСУЖДАЕТ
ЗВАНИЕ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ИМЕНИ

„МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

Военно-патриотическому объединению „Подвиг“ при Краснолуч-
ском горкоме ЛКСМУ (руководитель тр. Романов Н. Я.) за создание
мемориального музея „Партизанская землянка“, большую работу
по военно-патриотическому воспитанию молодежи

Секретарь ОК ЛКСМУ

„ 12 “ ноября 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МЕМОРИАЛ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПАРТИЗАНАМ

На партизанской стоянке

Любовь Литвинова-Сухенко

В День Победы

Мурашки-трудяги щекочут ладонь,
Муравы навстречу радушно шуршат.
И манят: щекою прижмись, охолонь,
Давай потолкуем с тобой по душам.
От зноя и дум опьянев, я
Припала к земле, но, виденья круша,
Вдруг лопнула тишь от напева,
Как шарик воздушный в руках малыша.
Напев на лужайку упал, словно дождь,
Притронулся к кленам лохматым,
И я побежала, звала меня дрожь
В том голосе чуть хрипловатом.
И там, где доверчиво жметя тропа
К дороге, как к маме ребенок,
Увидела: ветер горячий трепал
Траву у забытых воронок,
Игривую гриву коняги, и чуб
Невзрачного ветхого деда,
В напеве, что птицей слетал с его губ,
Ликуя, звучала Победа.
В нем реквием слышался, памяти вскрик
Рассек тишину партизанской стоянки,
И вздыбился конь, и юнец, не старик,
Вдруг лихо вскочил на тачанку.
Сверкнули медали, под звоны копыт
Рванулась тачанка назад, в легендарность.
Не солнца лучами был город облит,
К медалям притронулся мир благодарный.

Зов матери

Смеется сынок на полянке.
В цветах, как утенок, тонет.
А мне с партизанской стоянки
Все слышатся горькие стоны:
Мне б руки, как крылья, раскинуть
И птицею в небо взметнуться.

Чтоб к сыну, к малюточке-сыну,
Хотя бы на миг прикоснуться.
Кто там говорит, что лежу я
Безмолвно под глыбою серой.
Я солнцу вручила большую
Любовь материнского сердца.
Любовь, не подвластную смерти,
Великую в радости, в скорби.
Любовь, что турбины вам вертит,
Что хлебом насущным вас кормит.
Любви моей гордая сила
Выводит на старты ракеты,
И ею не только лишь сын мой —
Вся наша Отчизна согрета!..
...Луч солнечный ловит сыночек
В ладошку, и кажется мне, что
Его и лучом, и листочком
Погибшие матери тешат.
Погибшие в тех легендарных
Годах, опаленных фашизмом.
И мы навсегда благодарны
За нашу счастливую жизнь им.

Проводник в прошлое

И была б в полянке этой схожесть
С детскою раскрытою ладонью,
Если бы не слышать, как, корежась,
Балка покалеченная стонет.
Если бы не этот серый камень
Над могилой павшего солдата,
Соловей не смолк бы виновато,
Словно ученик, не сдав экзамен.
Он сидит на веточке засохшей,
На минуту спрятав дар хрустальный,
На минуту горькую оглохший,
Онемевший в этот миг печальный.
Маленькая серенькая птаха
Будто бы познала долю правды,
Что на бой герои шли без страха,
Падали и за ее рулады.
Горькая минута растворилась

В майской синеве, в зеленых листьях.
Соловей запел и превратилась
Песня в хлеб в ладонях мозолистых.
Тех ребят, что крепко сжав оружие,
Гибли за меня, за сына Сашку.
В прошлое проводником мне служит
Маленькая серенькая пташка.

Находка

Держали земляки мои, ребята,
Находкой удивленные немножко,
Простреленную пулями лопату
И спутницу солдатской жизни — ложку.
Сокрытые и временем, и дерном,
Лежали те десятки лет, наверно.
Лишь ложку остороженько протерли,
Как надпись закричала: «Сорок первый!»
И в лица им повеяло вдруг гарью
От этих не воинственных вещичек,
Что выронил из рук остывших парень —
Отчизны нашей преданный защитник.
Взволнованные парни и девчата
Тянули руки к ржавому металлу,
Как будто бы на нем тепло осталось
Ладони Неизвестного солдата.
Способно время разрушать и старить
Железо, камни и людские лица,
Но не подвластна времени лишь память,
Она сердцами павших вновь стучится.

Подснежники в окопе

Где круто сорвался сугроб,
Подснежники — на удивление.
Ребенок смеется взахлеб
И, словно к отцу на колени,
Доверчиво лезет в окоп
За синюю сказкой весенней.
А влез — и застыл чуть дыша:
Подснежник под ним тихо хрустнул.
Я хруст под ногой малыша
Ловлю с удивительным чувством.

Мне кажется: чья-то душа
Вздыхает довольно и грустно.
Не чья-то, солдата, что пал
От пули, ударившей жгучей,
За то, чтобы мир зазвучал
Победною песней могучей!
Как грудь его, чутко дышал
Окоп синевою пахучей...

Разговор

То не ветер спозаранку
Пролетает над полянкой,
Шевелит листвою.
Это славная стоянка,
Партизанская стоянка
Говорит со мной.
Посмотри на лес корявый,
Не несчастный — величавый,
И послушай песнь,
Песню-реквием погибшим,
Землю кровью оросившим,
Чтоб родимой цвести.
По моим пройдишь землянкам, —
Партизаны, партизанки
Тебя встретят здесь.
Ничего, что лишь с портретов
На тебя глядят.
Для героев смерти нету,
Как пути назад.

Дмитрий Лабутьев

В израненном осколками лесу

В израненном осколками лесу
Наткнулись дети на поляну сказок,
И стало вдруг светлее сразу
В израненном осколками лесу.
И ветка, засыхая на весу,
Топорщилась кровавыми следами —
Колючей проволокой, вросшими шипами
В израненном осколками лесу.

И время в поднебесной синеве
Вело черту за точкой самолета,
И память в сказку превратил ведь кто-то
В израненном осколками лесу.
В израненном осколками лесу
Брожу я от рассвета до заката.
Деревья эти — старые солдаты
Не кланялись фашистскому свинцу...

Константин Протасов

Здесь дали бой последний партизаны

У обелиска — красные тюльпаны —
Из ПТУ ребята принесли.
Здесь дали бой последний партизаны.
Как победители в бессмертие ушли.
И вот теперь здесь юности кипенье.
В лесном урочище — кругом цветы.
Вся ваша жизнь — источник вдохновенья,
А подвиг ваш нетленной красоты.

В Ивановском лесу

Приходи к стоянке
Хоженой тропой,
Здесь в лесу Ивановском
Шёл смертельный бой.
Здесь фашиста клятого
(Как он лютовал!)
Пуля партизанская
Била наповал.
У людей советских,
Это ль нам не знать,
Никакою силою
Счастья не отнять.
Отошли в бессмертие
Грозные бои,
И в лесу Ивановском
Тишина стоит.
И сюда приходит
Много лет подряд
Юношей и девушек

Трудовой отряд.
Юность вдохновенная
Мужеству верна.
Выбиты на камнях
Смелых имена.
Лес шумит по-летнему,
Солнце на ветвях...
Памятные знаки
Будут жить в веках!

Слова и музыка Галушко Юрия Ивановича

Партизанская стоянка

Пролетела птица галка
И уже в кустах кричит.
В этой балке, в этой балке
Наша память не молчит.
Здесь когда-то партизаны
Тайный лагерь возвели
И за наши беды, раны
Бой с фашистами вели.

Та борьба была кровавой,
А победа далека.
Но покрыли себя славой
Партизаны на века.
Мы их подвиг не забудем
Ни за что и никогда.
Постоянно едут люди
В эту балку, вот сюда.

Партизанская стоянка —
Наша память, наша боль.
Ты, как песенка «Смуглянка»,
Нам играешь свою роль.
Ты напомним всем живущим
О Великой той войне.
Украину, сад цветущий
Будем мы хранить вдвойне.

Григорий Дикштейн

Тут спит беда

Тропа белеет тихо и тревожно.
Шар солнца растворяется в пыли.
Тут спит беда, ступайте осторожно:
Окопы — шрамы на лице земли.
И всколыхнулись, замелькали даты...
Вставай, вставай, огромная страна,
Смотри — идут, идут отцы-солдаты,
И падают на плиты имена.
Им пули петь о мире не хотели.
И бомбы не жалели тишины.
И до сих пор смолою плачут ели
Над теми, кто не дожил до весны.
Качает ветер звезды из фанеры,
Но памятью поставленный гранит
Все — от знамен и шинелей серых —
История навеки сохранит.
Храним и мы родных и безымянных,
Средь белых гор нашедших свой покой,
Среди степей и на лесных полянах
Ведущих свой последний смертный бой...
И над окопом головы склоняем
Под реквием осенней тишины,
Себя в душе мы ими проверяем —
Отцами, не пришедшими с войны.

ПАМЯТЬ

Ежегодно 16 октября, в день гибели Ивановского партизанского отряда, 9 мая, в День Победы, и 22 сентября, в День партизанской славы, мемориал озаряют факелы, звучат слова благодарности народным мстителям и клятвы, что память о подвиге партизан будет в наших сердцах вечно.

Медаль «Партизанская стоянка» — рабочему шахты
«Хрустальская» Е. Г. Коротких.

Дерево — в память об отце

День Памяти —
16 октября

Сычева Анастасия
Гордеевна,
мать партизана Лени

8 августа 1982 г. Ю. Ф. Жукова и В. Н. Жерздев принимают в партизанском лесу почетных гостей секретаря Луганского подпольного обкома партии С. Е. Стеценко, заместителя начальника Украинского штаба партизанского движения П. А. Мацуя, секретаря Черниговского подпольного обкома партии дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

Сигнальный экземпляр книги о создании партизанкой стоянки 28 сентября 2005 г. член совета клуба А. В. Ходарин вручил Тамиле Лукьяновне Каракуц, которая в 1970 г. руководила раскопками партизанских землянок.

**Создатели и хранители
мемориального комплекса
партизанской славы**

Александр Репин, Кравченко Наталья, Федор, Оля, Аня

Владимир Порчук, Александр Иванцовский

В. Кузьменко,
А. Пашенко,
Г. Переймак,
С. Шишкин,
Е. Коротких,
Б. Воронков,
В. Филюнин,
М. Науджунас,
Ю. Ратушников

М. Опанасенко
и В. Филюнин

Геннадий Пащенко

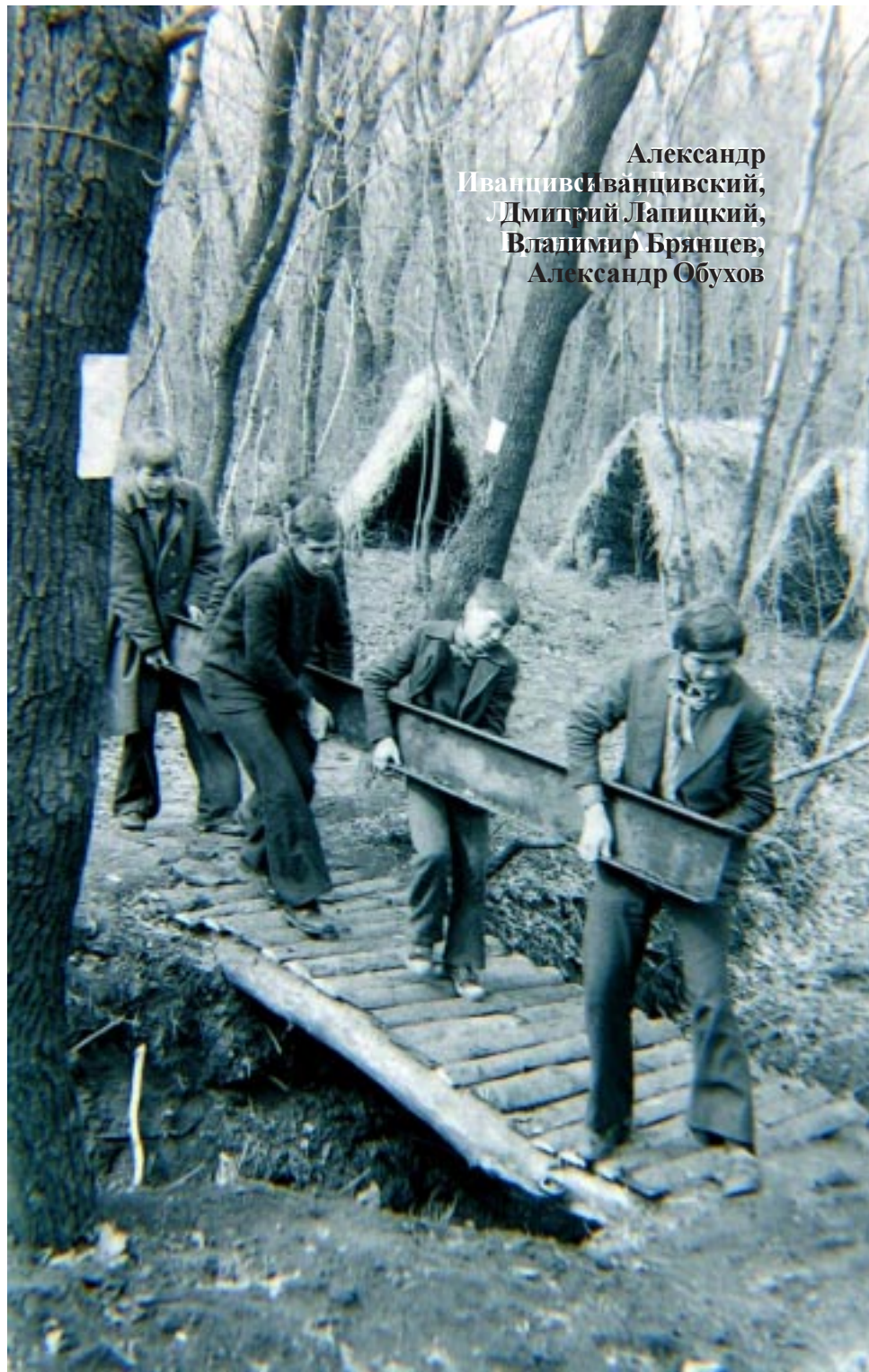

Александр Злобин

Алеша и Дима Романовы

Александр
Иванцов Иванцовский,
Дмитрий Лапицкий,
Владимир Брянцев,
Александр Обухов

Сергей Мерзляков и Юрий Круглый

Сергей Пупов

Нина Полякова

Михаил Тернюк
и Сергей Ширин

Сергей Свергунов

Наталья Романова и Андрей Пухов

Юрий Герасимов

Игорь Подопригора

Сергей Мерзляков, Владимир Захарчук, Виталий Сухарко,
Александр Мандебура, Андрей Пухов, Сергей Свергунов

Никифорова
Мария
Германовна

Сергей Мерзляков

Владимир Руденко

Юрий Барабаш

Виталий Сухарко
Алик Мурушкин
Сергей Ширин

Погребной Владимир
Михайлович, Сидоренко
Александр Викторович

Ольга Власова,
Вера Приз

А. Шолудченко,
Н. Захарчук,
В. Зазымко,
А. Прийма

А. А. Савела и Е. Н. Яровой

Людмила Кравченко, Валентин Кунец,
Евгения Угрина, Николай Вербицкий,
Наталья Науджунас, Анатолий Подгайный

Ольга Коберник
Сергей Мартыненко
Александр Зазымко

Витя Печенюк

Оля Савчук

Круглый Юрий

Еременко
Евгений

Вербицкий
Николай

Нуянзина
Валентина

Мандебура
Александр

Мастер спорта СССР по
«охоте на лис», кандидат в
мастера спорта по
спортивному ориентированию
Владимир Григорьевич
Воронкин.

Бабушка и дедушка Павлика Бакалины подружились на партизанской стоянке, создали семью. Их сын продолжил дело родителей. Теперь настал черед внука помогать Павлу и Неле.

Учительница Ольга Назаровна Подгорная начала работать в партизанском лесу, когда была такой же, как ее теперешние помощники.

Самое тяжелое бревно еще предстоит принести.

Александр Андрейцо

Валера Игнатов

Л. С. Лавринович

Дима Гостенин

Слава Нуркаев

А. И. Ковалева

Валерий Бигдан

Анатолий Данилко

Евгений Пашенко

Сергей Романенко, Юрий Круглый, Виктор Пихтерев

Коля Бондаренко

Вклад Ивана Васильевича Дубравина
в существование Мемориала оценить
по достоинству невозможно.

Юра Кудряшов

Майя Кудряшова

Света Кунченко

Роман Анатольевич Паничев со своими воспитанниками

Деятельность партизан и подпольщиков помогали изучать:

Антоненко Л. А.	Мазина Н. Н.	Прийма А. А.
Баулин Вая.	Макаров В.	Пухов А. Ю.
Бигдан В. Н.	Мартыненко Л. И.	Романенко Г.
Бобрицкий А. В.	Матвиенко В.	Романова Н. В.
Бушля А.	Мезеря А. С.	Рудов В. П.
Васюков И.	Мельник С.	Савченко Д.
Власова О. В.	Мельникова Л.	Савчук О.
Воронков Б. А.	Меркулева Е.	Самарцева И.
Герасимов Ю. А.	Михайлова М. Г.	Свердел Г.
Дудниченко.	Муланов А.	Скидан В.
Ермоленко О. А.	Мурушкин А. В.	Слесарева С. Ф.
Жусова Н.	Нагорный В.	Снеговская Т.
Заброда Л. А.	Науджунас Н.	Соловьева Ж. А.
Задорожный В. К.	Неволина Л. Н.	Стрельцова О.
Захаркин Ю.	Немцева О.	Сухарко В. Н.
Злыдена Ю.	Никифорова М. Г.	Сушко А. М.
Иванцовский А.	Николаев А.	Текучева.
Кабанец	Нуянзина В. И.	Фесай Ю.
Каракуц Т. Л.	Панченко В.	Филюнин В. В.
Ковалева А. И.	Пасичниченко.	Фрольцев В.
Колесников Р.	Пасынкеева Н.	Ханина О.
Кравченко Л.	Передерий Г.	Хондошко.
Криворучко О.	Перченко Л. А.	Хорохордина.
Криворучко.	Плотников С.	Чеботарян В.
Кулагина Н.	Полякова Н. В.	Шаповалова В.
Кунченко С. В.	Погребной В. М.	Шевченко М. И.
Курашенко Г.	Порчук В. Д.	Янцевич.
Кучеренко Г. В.	Потапов С.	Яровой А.
Лапицкий Д.	Приз В.	Яровой Е. Н.

В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИЗДАНИЯ КНИГИ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ

Бадусев Александр Викторович	Мишурова Людмила Ивановна
Барабаш Юрий Адольфович	Мищенко Елена Викторовна
Безкоровайный Борис Иванович	Моргун Нелли Ивановна
Белуха Юрий Никитович	Моргунов Александр Алексеевич
Веригина Ирина Константиновна	Мурушкин Альберт Витальевич
Вихтинский Николай Александрович	Немиро Сергей Леонидович
Воронков Борис Александрович	Никифорова Мария Германовна
Воронкин Виктор Григорьевич	Омельченко Алексей Петрович
Воронкин Владимир Григорьевич	Паничев Роман Анатольевич
Гапеев Иван Владимирович	Панков Владимир Дмитриевич
Герасимов Юрий Анатольевич	Пашенко Геннадий Иванович
Гончаренко Михаил Иванович	Пентела Михаил
Гопченко Павел Алексеевич	Порчук Владимир Дмитриевич
Демин Юрий Викторович	Проворченко Иван Николаевич
Дубравин Иван Васильевич	Пупов Сергей Валентинович
Еременко Евгений Владимирович	Пухов Андрей Юрьевич
Жердев Павел Михайлович	Репин Александр Михайлович
Замай Виталий Никитович	Романова Алина
Калашник Анатолий Николаевич	Рудов Василий Петрович
Кацура Сергей Николаевич	Савела Алексей Алексеевич
Кирилева Екатерина Ивановна	Савенков Валерий Иванович
Кириченко Людмила Федоровна	Савченко Андрей Витальевич
Коган Александр Абрамович	Савченко Георгий Михайлович
Коган Алексей Николаевич	Селиванов Геннадий Васильевич
Коган Галина Тимофеевна	Сухарко Виталий Николаевич
Козлов Александр Иванович	Ткачук Олег Николаевич
Комаров Александр Александрович	Турманов Виктор Иванович
Кондратьев Леонид Сергеевич	Федорова Валентина Ивановна
Коновалов Александр Филиппович	Уварова Лариса Григорьевна
Конько Александр Титович	Ушакова Людмила Кирилловна
Кравцов Анатолий Федорович	Ходарин Александр Васильевич
Кротов Александр Михайлович	Ширин Сергей Васильевич
Ливерко Эдуард Юрьевич	Шокот Анатолий А.
Макарова Анна Петровна	
Мандебура Александр Васильевич	
Миц Николай Георгиевич	

Содержание

Мать партизан	3
Члены Ивановского партизанского отряда	4
Мстители	11
В память о товарищах	11
На фронт не взяли	11
Три группы	13
Быкодоров Владимир Иванович	14
Поиск	14
Старые партизаны	16
Жутко и страшно	17
Разведка	22
Есина Лидия Васильевна	26
В Красном Луче	27
Спас Лиду	27
Абинякин Георгий Тимофеевич	28
Будь дома	29
Петька друг, но полицей	30
В неравном бою	30
Артист	31
Поиск	32
Облава	33
Поиск	33
Засада	33
Поиск	35
Пащок Иван Васильевич	36
Дрезина	36
Поиск	36
Мысли вслух	37
Дай консервов	37
Поиск	38
Совершенно секретно	40
Восемь немцев	41
Вызывает секретарь	41
Наткнулись на мины	43
Конюх	44
С первых дней	44
Поиск	45
В подполье	46
В Ивановском хуторе	49
Григоренко Екатерина Никандровна	49
В Зеленом Гаю	50
Последний допрос	51

В Красном Куте	51
Загорская Мария Андреевна	52
Игорю скрыться не удалось	53
Портфель Кротова	53
К концу сентября	57
Хвост	57
Ковалева Ольга Яковлевна	58
Украинский штаб партизанского движения	58
Листовки	59
Архивная справка	60
Выбор пал на меня	60
Безгинский Владимир Акимович	61
Связной	61
Отбить Ивана не могли	63
Поиск	65
Пионер	66
Остались они в бурьянах	67
Поиск	70
Самолет	72
Землянки были армейские	72
Перчев Иван и другие	73
Осталось двое детей	74
Евдокия Прохоровна Гуленко	76
Олейникова Анна Антоновна	77
Он землю ел	79
Последний бой	81
Мезеря Андрей Георгиевич	86
Это твой сын?	87
Киреев Дмитрий Федосеевич	87
Явки провалены	88
Шакалы-полицаи	89
Поиск	90
С трудом узнала дочь	92
Поиск	93
Отправили в концлагерь	93
Отомстил	94
Комсомолец?	94
Помогли чужие люди	94
Били всех	95
С задания не вернулись	97
Переход	97
Закидали грязью	99
Поиск	100
6 ноября	100
Поиск	101

К своим	102
Не признался	102
Били палкой	103
Поиск	103
Лебедь Михаил Калинович	106
Приз Николай Андреевич	109
Подожгли формально	109
Из протокола заседания бюро Ивановского райкома КП(б)У	110
Память Матери	112
Мемориал	117
Медали и значки клуба «Подвиг», посвященные Ивановскому партизанскому отряду	125
Литературный мемориал, посвященный партизанам	126
На партизанской стоянке	128
В День Победы	128
Зов матери	128
Проводник в прошлое	129
Находка	130
Подснежники в окопе	130
Разговор	131
В израненном осколками лесу	131
Здесь дали бой последний партизаны	132
В Ивановском лесу	132
Партизанская стоянка	133
Тут спит беда	134
Память	135
Создатели и хранители мемориального комплекса партизанской славы	146
Деятельность партизан и подпольщиков помогали изучать	170
В обеспечении издания книги принимали участие	171

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ИЗДАНИЮ книги о «Подвиге» и о войне

Бездна

В черные дни оккупации советские люди не склонили головы перед захватчиками. За это они заплатились жизнями.

О мужестве краснолучан, предателях и зверствах фашистов рассказывается в книге. Кроме фамилий и портретов людей, сброшенных фашистами в шахту «Богдан», в ней перечислены те, кто воскресил имена шестисот героев.

Имя на камне

Что испытывают молодые люди, когда соприкасаются с историей, видят следы войны? Как поступают, когда знают, что только от них зависит судьба останков воинов, погибших за твое село, твой город? О Поляне Павших, которая находится в партизанском лесу, о тех, кто покоится на ней и о молодых людях, ухаживающих за могилами, рассказывают фотографии, документы и материалы.

Город прославили мой

В каждом городе есть свои знаменитости (не обязательно Герои), о которых знают далеко за его пределами. Мир, узнавая о них, слышит (читает) название города, который представляют наши люди. О краснолучанах — шахтерах и артистах, чемпионах и пограничниках, о рядовых и командующем балтийским флотом повествуют очерки, собранные в книге.

День за днем и жизнь за жизнью

Произведение — в пяти томах. Каждый том — год Великой Отечественной войны. День за днем и жизнь за жизнью раскрываются перед читателем в рассказах краснолучан. Говоря о своем видении события, дня, минуты, они помогают представить общую картину трагедии, постигшей нашу Землю. Книга особенно полезна людям, которые родились после войны. Тем, кто разминулся с отцами, бабушками, дедами.

Почетные краснолучане

Это книга о краснолучанах, которые в 1964–2007 гг. увенчаны лентой «Почетный гражданин города».

Тут спит беда...

Партизанскими тропами прошли члены патриотического клуба «Подвиг» и на месте гибели Ивановского партизанского отряда воздвигли Мемориал. Как это им удалось без единой копейки денег и только в выходные дни, чем для них стал партизанский лес, повествует книга.

А матери все ждут

Останки двадцати воинов члены клуба «Подвиг» нашли на поле у дороги. Захоронили их, воздвигли памятник, вернули погибшим имена. Как это было? Ответ — в книге.

Веду за героем

Почему появился «Подвиг», как он создавался, что движет его руководителем и членами клуба, что надо, чтобы память жила, чтобы следующие поколения не превратились в... Автор попытался осмыслить в этой книге.

Останется в сердце

О своем отношении к патриотическому клубу «Подвиг», о проблемах воспитания в телевизионном сериале — своеобразном исследовании тридцатилетнего опыта работы необычного объединения молодежи — размышляют члены клуба, руководители разных рангов, педагоги, реформаторы, участники войны. В этой книге — сценарии двадцати семи фильмов о «Подвиге».

Если у вас есть возможность поддержать издание любой из этих книг, средства можно перечислять непосредственно в издательство. В книге будет указано, что она издана на ваши средства.

Сумма взноса не ограничена. Можно внести и одну копейку.

Ждем ваши предложения.

Телефоны в Красном Луче Луганской области:

(064-32) 2-30-21; 8-066-220-60-10

E-mail: ~~podvig@kl.lg.ua~~

Краєзнавче видання

Романов Микола Данилович
ВОРОГУ НЕ ДАВАЛИ СПОКОЮ

Обкладинка
Євгена Коротких та Дмитра Романова

Редактор
Федорова Валентина Іванівна

Коректор
Топалова Галина Іванівна

Фото

Б. І. Безкорвайного, В. М. Бігдана, Ю. М. Білухи,
Б. А. Воронкова, А. В. Данилка, В. О. Дороніна,
В. В. Дронова, Л. М. Дяківа, О. В. Дяченка, Є. В. Єременка,
Е. Г. Коротких, О. В. Мандебури, М. Г. Міца, В. В. Мішурова,
О. О. Моргунова, А. В. Мурушкіна, Л. Мурушкіної,
А. В. Нікольського, Р. Панічева, І. Промогайбенка,
І. Решетнюка, Б. Б. Рогова, О. В. Романова, М. Д. Романова,
Н. П. Романової, С. В. Рябченка, О. А. Судакова,
А. Толмачова, Г. В. Турчина, В. Н. Чеботарьова,
О. Янчуковського.

Набір і верстка виконані автором

Тел. ~~(064-32) 2-30-21~~, 8-066-220-60-10

E-mail: ~~podvig@kl1g.ua~~

Підписано до друку 26.08.2005 р. Формат 30 х 42/8. Папір
офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний. Ум. др. арк. ????. Обл.
др. арк. ????. Тираж 500 прим. Замовлення № 5

Видавниче підприємство Руденко С. А.
(Державне свідоцтво ДК 2145 від 01.04.2005 р.)
83054, м. Донецьк, вул. Миронова, 1/2
тел/факс (062) 348-73-83

Надруковано СПД ФЛ Руденко С. А.
83015, м. Донецьк, вул. Артема, 135

Романов Николай Данилович

Журналист. В редакции газеты «Красный Луч» был литературным сотрудником, редактором, ответственным секретарем.

Лауреат журналистской премии имени Бориса Горбатова.

Заслуженный журналист Украины.

Почетный гражданин г. Красный Луч.

Почетный член Украинского общества охраны памятников истории и культуры.

В 1969 г. создал патриотический клуб «Подвиг» и руководит им на общественных началах.

Являлся членом Центрального штаба Всесоюзного похода Славы.

В 1982 г. клубу «Подвиг» присуждена премия имени «Молодой гвардии».

В 1999 г. Н. Д. Романов стал лауреатом Всеукраинского смотра народного творчества, награжден дипломом первой степени за создание телесериала «Останется в сердце» и за весомый вклад в развитие украинской культуры.

В 2004 г. Н. Д. Романов за патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганщины награжден орденом «За любов до Вітчизни» Луганской областной общественной детской организации «Лугари».

Н. Д. Романов — лауреат премии «За активную жизненную позицию» Всеукраинского Союза «Берегиня Украины», победитель областного конкурса фонда «Благовест» и организации «Регион» в номинации «За творческие достижения в литературе, журналистике, краеведении».